

Р. С. ВАСИЛЬЕВСКИЙ  
ПО СЛЕДАМ  
ДРЕВНИХ КУЛЬТУР  
ХОНКАЙДО



ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА ·  
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ





АКАДЕМИЯ НАУК СССР  
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Серия «Страны и народы»

Р. С. ВАСИЛЬЕВСКИЙ

# ПО СЛЕДАМ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР ХОККАЙДО



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»  
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ  
Новосибирск · 1981

**Васильевский Р. С. По следам древних культур Хоккайдо.— Новосибирск: Наука, 1981.**

Автор книги — доктор исторических наук Р. С. Васильевский — осенью 1977 года вместе с японскими археологами проехал по Хоккайдо около 3500 километров, побывал на многих древних памятниках и стоянках. В его путевых записках рассказывается о древнейших обитателях острова, о феноме культуры дзёмон, о странных камнях Нонакадо и Сюэна, о сэкибо Касиваги и фантастических догу, о таинственном медвежьем празднике и культе плодородия, о смелых зверобоях охоткой культуры и загадочном народе айнов.

Книга написана в популярной форме и рассчитана на широкий круг читателей.

Ответственный редактор  
академик А. П. Окладников

Человека, вернувшегося из поездки в Японию, друзья и знакомые засыпают вопросами. Интересует буквально все: и искусство, и литература, и природа, и старинные обычаи, и новейшие тенденции в экономике, и, конечно же, люди: как они относятся к нам, что думают о нас? Удивительного в этом ничего нет. Япония для советских людей не просто одна из многих зарубежных стран. Природа поселила нас рядом, и интерес к дальневосточной стране-соседке закономерно велик.

Впрочем, эту близость дает почувствовать не одна лишь природа. Не только снега, что шлет в Японию Сибирь, и не только осенние тайфуны, которыми напоминает о себе Япония жителям советского Приморья. Запах сосновых бревен прочно устоялся в Нигатском порту. Эти могучие стволы заставляют задуматься о перспективах, которые открывают бурное хозяйственное строительство в Сибири и на Дальнем Востоке, с одной стороны, и развитие японской экономики — с другой.

А если заглянуть, образно говоря, в глубь веков, там мы тоже обнаружим эту близость, это соседство.

Еще совсем недавно мы ничего не знали о японском палеолите. Подавляющее большинство японских археологов, да и не только японских, считало, что Японские острова были заселены человеком в очень позднее время. В лучшем случае — в эпоху неолита. Господствовало мнение, что архипелаг даже в верхнем плейстоцене представлял собой безжизненную пустынную страну с дымящимися вулканами и потоками лавы. Земля эта казалась малопригодной для жизни



человека. И вдруг последовали одно за другим сенсационные открытия древнейших каменных орудий. Сначала в Центральной Японии в долине Канто на стоянке Ивадзюку в слое вулканической глины обнаружили явно древние обсидиановые орудия, затем последовали открытия стоянок позднеашельского, или мустьерского<sup>1</sup>, времени: Содзюдай на острове Кюсю и Хосино на острове Хонсю, нижние культурные слои которой датируются возрастом около 60 тысяч лет.

Несколько позже не менее интересные палеолитические стоянки Тарукиси, Сиратаки, Хорокозава были обнаружены и исследованы на Хоккайдо.

Сейчас на Японских островах науке известно более тысячи различных мест пребывания человека, относящихся к плейстоценовому и раннему голоценовому времени.

Все эти находки, свидетельствующие о широком распространении палеолитических памятников в Центральной, Южной и Северной Японии, убедительно доказывают несостоятельность прежних представлений о позднем заселении островов. Человек появился здесь, по-видимому, очень рано, еще в тот период, когда Японский архипелаг связывался сухопутными мостами с Азиатским континентом.

Изучить сложный характер каменных индустрий островов, восстановить облик давно исчезнувших культур, проследить их истоки, эволюцию, приблизиться к пониманию закономерностей культурно-исторического развития островного мира — одна из увлекательных научных проблем.

Для исследователей, занимающихся изучением ранней истории Дальнего Востока, а также северных и восточных районов Сибири, особый интерес представляют древние памятники острова Хоккайдо, в типах каменных орудий которых и в способах их обработки можно видеть признаки, связывающие их с культурами Азиатского материка. Много древних изделий, аналогичных хоккайдским, обнаружено на Сахалине, Охотском побережье и даже на Алеутских островах, то есть среди тех древних культур Тихоокеанского Севера, которые составляют основу моих научных интересов. Поэтому, когда в канун нового 1977 года мне передали приглашение принять участие в археологи-

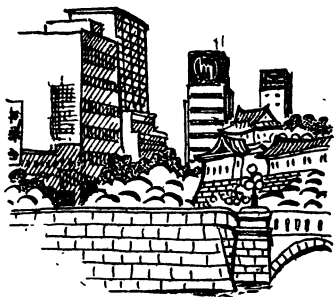
ческих исследованиях на Хоккайдо, я воспринял это как хороший новогодний подарок и с радостью согласился.

Работы были организованы Институтом изучения северных культур Евразии Хоккайдского университета в городе Саппоро при поддержке Японского комитета содействия науке. Профессор Харуо Ойи, возглавляющий отдел археологии института, прислал программу пребывания в Японии. Она включала путешествие по стоянкам охотской культуры<sup>2</sup> вдоль северного побережья Хоккайдо от города Кусиро на северо-востоке до города Вакканай и острова Рэбун на западе, раскопки поселений Тосомпоро около Намуро, посещение музеев и университетских центров в Токио, Кусиро, Абасири, Сендай, Саппоро, встречи и обмен мнениями с японскими учеными. Вся программа была тщательно продумана и расписана на каждый из 45 дней. Несмотря на это, Харуо Ойи писал: «Если Вы хотите познакомиться с другими стоянками или материалами, сообщите нам о Ваших интересах, и мы пересмотрим программу в соответствии с Вашими пожеланиями». Кстати сказать, такие пожелания, в частности поездки на стоянки докерамических культур Хоккайдо, были учтены и прекрасно организованы.

Вместе с программой пребывания в Японии Харуо Ойи прислал карту Хоккайдо с обозначенными на ней археологическими памятниками: Тобинитаи, Моёро, Онкороманай, Сиратаки.... О многих из них я читал, слышал в докладах на международных конгрессах и симпозиумах, многие видел на слайдах и фотографиях. Но хотелось непосредственно познакомиться с найденными вещами, взять их в руки, детально рассмотреть и сравнить с теми, которые имеются в наших коллекциях. Ведь важно не только простое накопление фактов. Главное заключается в том, чтобы донести до современников само дыхание свершившихся событий, восстановить хотя бы в основных чертах ход исторического процесса. Для этого необходимо самому стать как бы соучастником событий давно ушедших эпох, по сохранившимся остаткам древней материальной культуры воссоздать картины былой жизни, скрытые в пластах земли. Недаром археологию называют «лопатой истории», а археологические источники — основой

исторической информации о становлении человека и человеческого общества в глубокой древности...

Но вот позади подготовка к поездке в Японию, визы получены, можно вылетать. Аэропорт Шереметьево провожает наш Ил-62 мокрым снегом. Говорят, что снег, как и дождь, в дорогу — к удаче. Действительно, поездка была интересной и плодотворной. Ее результаты обобщены в предлагаемых очерках. Конечно, полной картины происхождения и развития древних культур Хоккайдо они не дают. Об археологии Японии писать так же трудно, как и вообще об этой стране. Не случайно у нас практически нет книг, посвященных японским древностям. Первая и единственная монография на русском языке М. А. Воробьева «Древняя Япония» вышла в свет более двадцати лет назад<sup>3</sup>. Объясняется такое положение, вероятно, тем, что в японской археологической науке, как нигде, сталкиваются и причудливо переплетаются мнения многих научных школ и направлений. К тому же они усложняются самой японской действительностью, которая изобилует многими тайниками и представляет запутанный узел истории, географии и идеологии. Проникнуть в эти тайники не всегда удастся. Но это, как говорят, дело будущего. А пока предлагаем отправиться в путешествие по следам древних культур Хоккайдо. Быть может, наши материалы дополнят представления читателя о нашем дальневосточном соседе — Стране восходящего солнца.



### ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Аэропорт Ханэда скрывала серая дымка, когда наш Ил-62, совершавший рейс Париж — Москва — Токио, пошел на посадку. Легкий толчок — и под колеса советского лайнера легла бетонная дорожка японского аэродрома. Самолет ловко подрулил к зданию аэровокзала. Погасли табло. Пассажиров пригласили к выходу.

Этим рейсом в Японию прибыли наши специалисты-машиностроители, журналисты, работники Внешторга, а также французы, американцы. Но особенно много было японцев, среди которых выделялась шумная компания студентов, возвращавшихся из Франции, где они проводили летние каникулы.

Было десять часов утра по местному времени, а на моих часах, поставленных в Москве, — только четыре. Шесть часов выпали из моей жизни и ожидали меня где-то над Сибирью, чтобы опуститься на мои плечи на обратном пути. Но беспокоило не это. Телеграмму о времени вылета и номере рейса я послал только накануне, к тому же по адресу профессора Харуо Ойи в Саппоро. Профессор мог задержаться с выездом, и тогда неизвестно, будут ли меня встречать.

Выхожу из самолета одним из последних и сразу словно погружаюсь в горячую ванну: настолько теплый, влажный и плотный здесь воздух. Контраст после сибирских морозов и московской холодной погоды огромный.

После обязательного таможенного досмотра попадаю в просторный зал аэровокзала. Здесь в ярко освещенных витринах выставлены переносные цветные телевизоры, магнитофоны, транзисторы, фотоаппараты — совсем миниатюрные и с суперобъективами, изыскан-

ные украшения из жемчуга, забавные детские игрушки, яркие ткани... Очевидно, по замыслу организаторов, все это должно служить своеобразной визитной карточкой Японии и внушать прибывающим иностранцам уважение к стране и ее достижениям.

В обычной вокзальной сутолоке ищу знакомые лица встречающих и не нахожу их...

Ко мне подходят советские журналисты — попутчики от Москвы.

— Ну что? Не встретили?

— В каком отеле заказан Вам номер?

— ?..

— Может быть, поедете с нами? А потом разберемся...

— Да, а Вы знаете, что здесь рядом есть специальный зал для встреч? Возможно, Вас там ожидают?..

Действительно, в соседнем небольшом уютном холле вижу профессора Харуо Ойи и с ним Като Кюдзо. Като — научный сотрудник Этнологического музея в Осака, много раз бывал в Советском Союзе, хорошо владеет русским языком. Оба идут навстречу, дружески улыбаются и кланяются, как это принято в Японии.

— О Васильевский-сан, мы Вас давно ждем и очень рады Вашему приезду.

Крепкие рукопожатия, короткие вопросы о самочувствии, и мы на машине мчим в Токио — столицу Страны восходящего солнца, или Края солнцевсхода, как еще образно называют Японию. Кстати, такое название не случайно. Корни его в том имени, которое дали китайцы землям, лежащим за Восточным морем — жи-бэнь-го. Каждый из этих трех иероглифов соответственно означает: солнце — корень — страна. Жители Южного Китая произносят жи-бэнь как нипон. Именно в таком звучании оно пришло потом в европейские языки. Так что можно скорее говорить о поэтическом переводе названия страны (страна, где солнце берет начало), а не просто об образном выражении, как это принято думать.

Итак, мы в столице Японии — городе-гиганте, самом крупном, самом перенаселенном и самом непривычном для европейского глаза. Около 12 миллионов человек проживает на его территории, которая тянется



*Рис. 1. На одной из улиц Токио.*

на 60 километров с востока на запад и на 25 километров с севера на юг. Он поражает прежде всего огромным скоплением людей, машин, морем деревянных, невысоких домов, беспорядочно скученных, как бы слепленных друг с другом, контрастами древнего и современного, любопытными сочетаниями Востока и Запада — буддийские пагоды и бетонные скоростные эстакады, императорский дворец и небоскребы (рис. 1).

О японской столице есть много интересных высказываний. Вот одно из них:

*Токио не может похвастаться ни гармонией горизонтальных линий, присущей европейским столицам, ни поражающими вертикалями американских городов. Японскую столицу совершенно не затронул спор современных градостроителей о том, какая планировка лучше — линейная или свободная, потому что ей в равной степени неизвестно как то, так и другое...*

*Токио остался городом без главной темы, без определившихся архитектурных черт, которые придавали бы индивидуальность его портрету. Лицо Токио — это не улицы и не здания, это прежде всего люди. Токио волнует, поражает и удручает прежде*

всего как самое большое в мире скопление человеческих существ...

*Японской столице принадлежит мировое первенство не только по числу жителей, но и по остроте проблем, присущих большим городам. Главная из них — это неудержимый рост города-гиганта...*

*Если можно говорить о «чувстве Токио», то им является стихия толпы, воплощенная в потоках людей, и столь же беспорядочно теснящихся толпах домов.*

*(Всеволод Овчинников.  
Ветка сакуры. Москва, 1971).*

Как столица Токио — сравнительно молодой город. Основание для него было заложено феодалом Докан Ото. В 1457 году на возвышенности, где сейчас стоит парламент, был построен замок. Вскоре вокруг замка выросла небольшая деревушка с десятком рыбацких хижин, названная Эдо, что значит — устье реки. В 1550 году другой феодал, Иэясу Токугава, возвел еще один замок, где сейчас находится императорский дворец. В ходе длительных междоусобных войн Токугава подчинил себе всех крупных феодалов (даймё) и установил централизованную власть, провозгласив себя в 1603 году сёгуном — верховным военачальником. Так было положено начало сёгунату Токугава, правившему Японией до 1868 года. Своей резиденцией Иэясу Токугава избрал Эдо. В короткий срок он превратил неизвестную деревушку восточных провинций в крупный административный центр. Осушил болота, засыпал обширные лагуны, прорыл каналы, уложил водопроводные трубы, построил крепость, а в ее стенах соорудил дворец, который почти без изменений сохранился до наших дней.

В 1868 году последний сёгун из дома Токугава был низложен и власть перешла в руки императора Муцухито (Мэйдзи). Это событие вошло в японскую историю как «реставрация Мэйдзи», открывшая новую капиталистическую эру Японии. В апреле 1869 года новое правительство объявило столицей город Эдо, переименовав его в Токио (Восточная столица), так как располагался он восточнее Киото — бывшей древней столицы Японии. Превращение Эдо в столицу и удоб-

ное географическое положение в узле важных сухопутных дорог, ведущих на север, северо-запад и юго-запад страны, вызвали быстрый рост молодого города.

За свою историю Токио неоднократно подвергался разрушительным землетрясениям. Землетрясения, вулканические извержения для японцев — не редкая трагическая случайность, а почти неизбежное явление, как смена времен года. Существует даже предание о большом сказочном соме — намадзу, который лежит глубоко в японской земле. Время от времени он просыпается и начинает шевелиться, и тогда происходят землетрясения. Особенно сильными они бывают, когда намадзу взмахивает хвостом, тогда не только толчки сотрясают землю, но и огромные морские волны обрушиваются на острова, уничтожая все на своем пути.

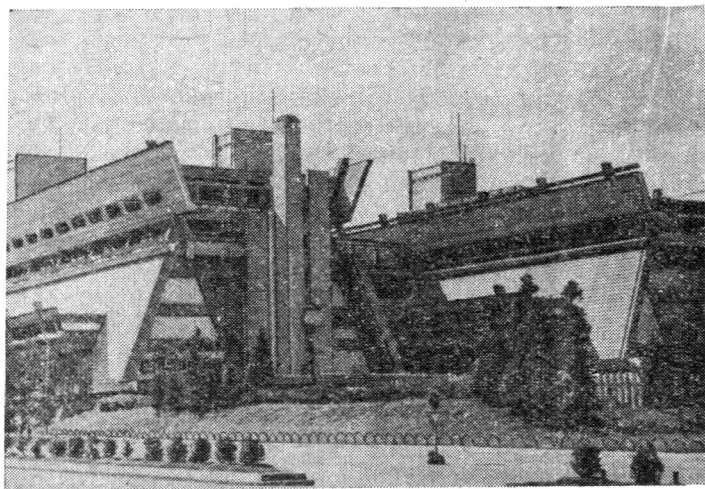
В среднем же в Японии ежегодно регистрируется до полутора тысяч землетрясений. В Токио, например, говорят: «Когда от рождества до рождества бывает 120 землетрясений, это хорошо».

Наиболее сильное землетрясение произошло 1 сентября 1923 года. Тогда в Токио и его окрестностях были уничтожены сотни тысяч домов, погибло более 140 тысяч человек<sup>4</sup>. От подземных толчков возникли пожары, загорелись бензо- и нефтехранилища, начали рваться склады боеприпасов... Три дня бушевал огонь, уничтоживший половину Токио. Это было национальной катастрофой Японии.

Но в Японии строят быстро. Отстроился и Токио. Уже в канун второй мировой войны его население удвоилось по сравнению с 1923 годом. И снова японская столица подверглась разрушению. Однако на этот раз не от стихийного бедствия и сказочный сом здесь был ни при чем. Жестокие бомбардировки американской авиации разрушили город. Вторично Токио выгорел на две трети и погибло четверть миллиона горожан.

Сегодня в Токио не найти следов былых разрушений. Десять лет назад, во время моего первого пребывания в Японии, еще можно было услышать: «Здесь до войны находилась студия японских редкостей» или «Этой улицы раньше не было». Теперь и это стало забываться. На месте разрушенных зданий воз-



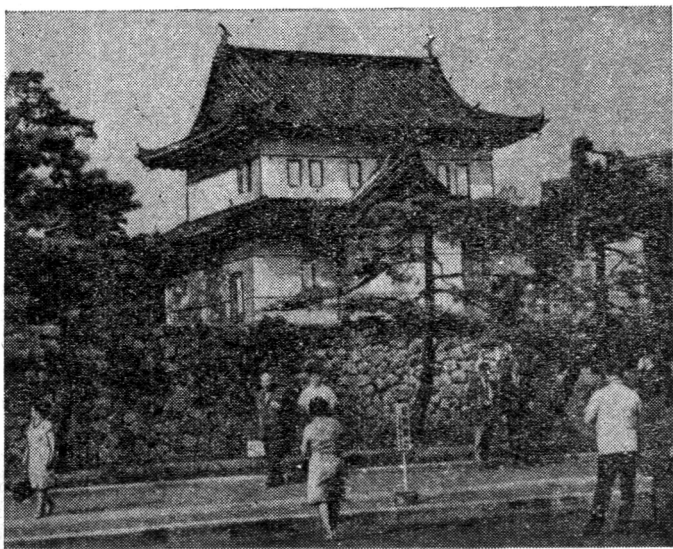


*Рис. 2. Японский конструктивизм в архитектуре.*

никли новые, ультрасовременные по своей архитектуре, административные и общественные бильдинги, сверкающие стеклом и алюминием, пролегли автострады (рис. 2).

Но не забыта трагедия Хиросимы и Нагасаки. Слова, высеченные на Хиросимском памятнике: «Спите спокойно. Ошибки не повторится!» — японцы хорошо помнят.

Автомашина наша между тем останавливается у Фрамонт отеля (Farmont Hotel). Это почти в самом центре Токио, рядом с императорским дворцом и парком, у северо-западной стороны его ограды (рис. 3). Номер мой просторный. В нем кондишен, цветной телевизор с широким экраном, шкафы в стенах, низенький столик, кресла, холодильник с фруктами и напитками. По японским понятиям, номер средний, стоит он около 8 тысяч иен в сутки<sup>5</sup>. Окно номера выходит в типичный японский дворик с небольшим садиком, где шумит, можно сказать, игрушечный водопад. По вечерам в садике стрекочут цикады, напоминая наш Крым или черноморское побережье Кавказа. Достопримечательность садика — миниатюрные деревья — бонсай — сосна, клен, сакура. Выращиваются они в спе-



*Рис. 3. У ограды императорского дворца.*

циальных керамических вазах-кадках. Искусство бонсаи зародилось на севере Японии еще в XIII веке. В последние десятилетия эти чудесные растения приобрели общеяпонскую известность и стали широко культивироваться. Приезжающие немало удивляются, видя в помещениях цветущую сакуру в миниатюре или осенний багряный клен, или вечнозеленую сосну. Неумолимое время отсчитывает века, а они остаются все такими же маленькими копиями больших деревьев, тоже живыми, но словно застывшими во времени...

#### **ТАЙНА «РАКОВИННЫХ КУЧ»**

Вечером нас пригласил в ресторан профессор археологии университета Васэда Сакураи Киёхико — один из организаторов поездки. Низенький стол был заставлен бесчисленными блюдецками с традиционно японскими закусками и соусами, а запивалось все это подогретой рисовой водкой — сакэ в фарфоровых конической

формы чашечках-наперстках. Уже после первых приветственных дружественных тостов речь естественно зашла о японской археологии, ее состоянии и проблемах.

В 1977 году исполнилось сто лет японской археологии. Считается, что ее основы были заложены раскопками раковинной кучи Оомори в долине Канто на острове Хонсю. Раскопки эти были проведены в 1877 году американцем Эдуардом Морзе, который приехал в Японию с целью изучения брахиоподов прибрежных вод архипелага. Во время поездки из Иокогамы в Токио в местности Оомори он обнаружил древнее поселение с раковинными кучами. Здесь и были начаты первые в Японии раскопки, проводившиеся в соответствии с задачами археологической науки и на основе методов того времени. Обнаруженные при раскопках вещи произвели большое впечатление на японскую общественность, так как по характеру и форме превосходно сделанные каменные наконечники копий и стрел, ножи и скребки, изящные глиняные сосуды Оомори не имели ничего общего с известными до сих пор в Японии находками.

Открытый археологический памятник, несомненно, был более ранним, чем уже известные айские или средневековые японские поселения. Эдуард Морзе установил, что кучи раковин в Оомори оставили люди, жившие не менее трех тысяч лет назад. Он обратил внимание на изящные глиняные сосуды, украшенные веревочными оттисками. В своем отчете о раскопках Эдуард Морзе назвал этот узор «cord mark» — «веревочный штамп», что эквивалентно японскому «дзёмон» — узор, напоминающий витую веревку. Позже этот термин получил широкое распространение в археологической литературе. Так стала называться не только керамика, украшенная веревочным узором, дзёмон доки — керамика дзёмон, но и неолитические культуры Японии, для которых она характерна.

Полевые археологические раскопки, успешно начатые в Японии Эдуардом Морзе, в 1879 году продолжили молодые японские археологи Сасаки Тюдзиро и Хадзита Индзима. Они исследовали раковинную кучу Окадайри и обнаружили вещи, во многом аналогичные находкам в Оомори. Эти изделия тоже сопровождала

керамика дзёмон. И тогда встал вопрос об этнической принадлежности обитателей открытых поселений. Кому принадлежали каменные орудия и глиняная посуда, оставленные в насыпях раковин моллюсков? Кто они? Предки айнов или какой-то другой народ?

Эдуард Морзе попытался дать ответ на этот волнующий японцев вопрос. Но древнее поселение в Оомори приподнесло неожиданный сюрприз. Вместе с черепками глиняных сосудов и каменными орудиями здесь нашли человеческие кости. Причем они были расколоты так, как обычно разбивают кости животных, чтобы достать костный мозг. Это дало повод Эдуарду Морзе высказать мысль о том, что на стоянке в древности жили племена людоедов. А так как ни айны, ни собственно японцы никогда не были каннибалами, к тому же материалы раскопок отличались от обычных айнских и японских вещей, он выдвинул гипотезу о принадлежности раковинных куч Оомори неизвестным доайнским племенам, назвав их протоайнами<sup>6</sup>.

Позже эту гипотезу развил японский ученый Сёгоро Цубои. Он приписывал обнаруженные раковинные кучи народу, называемому в айнских легендах коропоккуру. Согласно этим легендам, коропоккуру были карликовым народом (айнское слово «коропоккуру» или «коропок-ун-гуру» дословно означает «люди, живущие под листьями белокопытника»). Жили они в полуземлянках, изготавливали каменные орудия и глиняную посуду, делали лодки, каркас которых, возможно, обтягивался шкурами. Айны вели с ними войны, в результате которых коропоккуру отошли на север Курильских островов и даже дальше. Теория Сёгоро Цубои встретила серьезные возражения ряда японских ученых. Особенно активным ее противником был антрополог Есикиё Коганеи, который доказал, что теория эта основывается на ложных и часто противоречивых фактах<sup>7</sup>. Несостоятельность ее вскоре стала очевидной. Сегодня теория о коропоккуру представляет лишь историографический интерес.

Серьезнее аргументировалась другая точка зрения — о принадлежности неолитических памятников Японии древним айнам. А так как неолитические культуры принято называть в Японии культурами дзёмон, то

начиная с 30-х годов особое внимание стало уделяться изучению археологических памятников периода дзёмон и айнская проблема заняла центральное место в японской археологии.

Современные проблемы этнической истории Японских островов изучаются в основном в двух направлениях: выясняется, было ли население периода дзёмон связано с айнами и существовала ли преемственность между этим неолитическим населением и японцами.

Несмотря на то, что сделано уже немало и разработана достаточно подробная периодизация культур дзёмон, среди которых выделяются несколько хронологических этапов (протодзёмон, ранний, средний, поздний и финальный дзёмон), по-прежнему сложным и недостаточно ясным остается вопрос об отношении ранних культур неолита к культурам предшествующего, докерамического, периода Японии. По этому вопросу у японских исследователей нет единой точки зрения. Одни из них видят непосредственную преемственность между докерамическими культурами и ранними этапами дзёмона, другие считают, что они между собой не связаны.

Сейчас уже ушло в прошлое то время, когда наличие палеолитических памятников в Японии ставилось под сомнение. Споры ведутся главным образом по вопросам датировки тех или иных находок, последовательности развития докерамических культур и их взаимоотношений с культурами Азиатского континента. На сегодняшний день разработано несколько хронологических схем. Наиболее авторитетной представляется схема Тёсукэ Серидзава и Масакадзу Ёсидзаки, основанная на суммированных результатах геологического изучения плейстоценовых отложений Японских островов с учетом хронометрических данных (радиоуглеродное датирование, обсидиановый анализ, датирование методом „фишен трак” — fission track). Вкратце суть ее такова. В бассейнах рек Токийской долины (Центральный Хонсю) выделяется пять плейстоценовых террас, в верхней части которых прослеживаются четыре глинистых слоя. Каждый слой образовался в результате выпадения вулканического пепла и легко датируется. Возраст самого верхнего глинистого слоя,

названного Татикава, таким образом, охватывает период от 10 до 30 тысяч лет тому назад, следующие за ним Мусасино — от 40 до 60 тысяч, Симуёси — от 70 до 150 тысяч и, наконец, Тама — от 150 до 285 тысяч лет. В верхних трех слоях обнаружены следы деятельности человека, и только в четвертом, самом нижнем, пока ничего не найдено.

К наиболее ранним памятникам японского палеолита относят древние стоянки Содзюдай и Хосино. И хотя Содзюдай пока точной датировки не имеет, Тёсуке Серидзава склонен думать, что этой стоянке не менее 70—130 тысяч лет. Здесь при раскопках собрали много изделий из кварцита. Среди них можно видеть четко оформленные отщепы, скребловидные инструменты и рубящие орудия.

Значительно лучше исследована древняя стоянка Хосино, где выделено 11 культурных палеолитических горизонтов. Что касается нижних пяти горизонтов (7—11), то для отсчета их времени имеется хороший ориентир — слой перекрывающей их пемзы, которой около 60 тысяч лет. Самым богатым по оставленным следам человеческой деятельности оказался 8-й горизонт. Здесь найдены нуклеусы, в том числе леваллуазского облика, чопперы<sup>8</sup>, остроконечники, скребки, резцы, проколки, ножи на пластинчатых отщепах, ретушированные отщепы из кремнистого сланца. По мнению Тёсуке Серидзава, изделия из нижних горизонтов Хосино напоминают орудия, обнаруженные на участке 1 в верхних слоях поселения Чжаукоудянь, а из верхних — на участке 15<sup>9</sup>. В целом же происхождение каменных индустрий нижних горизонтов Хосино японский ученый связывает с традициями техники чопперов-чоппингов Юго-Восточной Азии.

Время появления на Японских островах в древней каменной индустрии техники изготовления пластин японские исследователи относят к Вюрмскому максимуму (25—20 тысяч лет назад) и связывают с влиянием североазиатских культур. Самое яркое развитие техника пластин получает в памятниках Северной и Северо-Восточной Японии. В это же время на западе и юго-западе архипелага развиваются культуры, каменная индустрия которых характеризуется техникой бокового скалывания отщепов.

К концу плейстоцена (15—13 тысяч лет назад) техника микропластин широко применяется древними обитателями на всех островах от Хоккайдо до Кюсю. Для культур Северной Японии определяющим становится расщепление камня своеобразными приемами — так называемой техникой юбетсу, а также наличие резцов типа арая<sup>10</sup>. Технология каменной индустрии южных районов архипелага значительно проще. Здесь для поделки инвентаря в подавляющем большинстве используются отщепы и в гораздо меньшей степени — микропластины, к тому же нуклеусы не имеют таких четких и правильных форм, как на стоянках палеолитических культур севера.

Неожиданными были находки в комплексах каменных изделий этого периода рубящих орудий типа топоров со шлифованным лезвием и боковыми краями. Эффект неожиданности, а главное отсутствие веских аргументов появления такого рода инструментов в палеолите Японии стали причиной того, что многие исследователи поначалу выразили сомнение в их древности. В настоящее время рубящие инструменты со шлифованным лезвием найдены на многих стоянках в различных районах Японии. Причем наиболее ранние их находки зафиксированы на поселениях, которые существовали 25—15 тысяч лет назад.

Но настоящей сенсацией стало открытие в Японии на стоянках, относящихся еще к плейстоцену, керамики. Фрагменты глиняных сосудов, которые украшались рельефными налепными валиками, находились в комплексе с микронуклеусами, микропластинами, лыжевидными сколами в третьем культурном горизонте многослойного поселения в пещере Фукуи на острове Кюсю. Они датируются временем  $12\,400 \pm 350$ ,  $12\,700 \pm 500$  лет назад. Если не произошло никакой ошибки, то это самая древняя глиняная посуда в мире! Однако многие японские археологи не торопятся с окончательными выводами. Столь раннее появление керамики в Японии у них вызывает сомнение. Действительно, для утвердительного ответа на поставленный находками в пещере Фукуи вопрос требуются дополнительные доказательства.

Около 10 тысяч лет назад широко распространяются племена, которые оставили после себя керамику, укра-

шенную веревочными отпечатками, двусторонне ретушированные наконечники стрел, костяные рыболовные крючки и другие изделия. Эти археологические памятники связываются с культурами дзёмон.

Об общей картине развития культур каменного века Японии дает представление следующая хронологическая таблица (возраст стоянок определялся радиоуглеродным методом — ГАР и методом fission track — FT):

|             |          |                                       |
|-------------|----------|---------------------------------------|
| 10650±250   | ГАР-311  | Мотодзюку                             |
| 12400+350   | ГАР-949  | Фукуи-3                               |
| 12700±300   | ГАР-950  | »                                     |
| 13970+1850  | 133-а 1  | »                                     |
| 14300±700   | ГАР-604  | Ясумиба                               |
| 14800+350   | ГАР-210  | Сиратаки-31                           |
| 15100±300   | ГАР-813  | Сугикубо                              |
| 15800+450   | ГАР-212  | Сиратаки-31                           |
| 17700±500   | ГАР-812  | Сугикубо                              |
| 18500+450   | ГАР-3780 | Одаино                                |
| 21200±700   | ГАР-3517 | Аира                                  |
| 21450+750   | ГАР-4346 | Сукубаи — Санкакуяма<br>(нижний слой) |
| 25200±800   | (FT-SM)  | Хеидаизака-9                          |
| 31000+8000  | (FT-SM)  | Между Хосино-4 и 5                    |
| 32000±4000  | (FT-SM)  | Там же                                |
| 31900+      | ГАР-952  | Фукуи-15                              |
| 42000±9000  | (FT-SM)  | Между Хосино-5 и 6                    |
| 44000+4500  | (FT-SM)  | Там же                                |
| 56000±11000 | (FT-SM)  | Между Хосино-7 и 6                    |
| 59000+9000  | (FT-SM)  | Там же                                |

Представленная схема кажется достаточно стройной и убедительной. Однако, несмотря на заманчивую стройность, она вызывает возражения у ряда японских исследователей, особенно когда затрагиваются вопросы раннего заселения человеком архипелага. Некоторые археологи скептически относятся к находкам из нижних горизонтов стоянок Хосино и Содзюдай, считая их не артефактами, а кусками породы естественного происхождения, не имеющими никакого отношения к деятельности человека. Полемика по этому поводу периодически вспыхивает на страницах японских научных изданий.

Харуо Ойи тоже осторожно подходит к проблеме появления человека на Японских островах в конце нижнего или в среднем палеолите. Он не исключает возможности находок на архипелаге памятников раннепалеолитического возраста, но в то же время отме-



чает, что нельзя не учитывать споров вокруг находок из Содзюдай и нижних горизонтов Хосино и тех сомнений у исследователей, которые они вызывают. Во всяком случае для того чтобы быть достаточно уверенным в реальном существовании на архипелаге раннепалеолитических индустрий, необходимы дальнейшие раскопки, детальное объективное обсуждение их результатов.

Примерно в таком же ключе высказывается и один из крупнейших специалистов по каменному веку Японии профессор университета Мэйдзи Сосукэ Сугихара: «... В Японии, видимо, не существовало культур нижнего и среднего палеолита. А если даже они и были, то в процентном соотношении чрезвычайно незначительными. Категорически я не утверждаю отсутствие нижнего и среднего палеолита в Японии. Если при обсуждении этого вопроса появятся какие-либо серьезные аргументы, это будет осуществлением моих чаяний»<sup>11</sup>.

Харуо Ойи не скрывает озобоченности по поводу того, что некоторые коллеги Тёсукэ Серидзава, окрыленные успехами находок таких древних памятников, как Содзюдай и Хосино, пытаются доказать, что поздние докерамические комплексы в Юго-Западной Японии, для которых характерна техника бокового скола отщепов, а на севере — техника пластин, развились непосредственно из раннепалеолитических индустрий, без какого-либо влияния извне. Эти попытки возрождают изоляционистские тенденции, которыми уже «болела» японская археология в начале исследований докерамических культур. Однако при решении такого важного вопроса нельзя не учитывать бесспорные геологические данные, и, в частности, тот факт, что Японский архипелаг географически не был изолирован от континента вплоть до конца плейстоцена. Именно поэтому говорить об автономном и независимом развитии докерамических культур на архипелаге без влияния со стороны континента очень рискованно. Такие «изоляционистские тенденции» просто могут исказить картину развития докерамических культур Японии, что никакой пользы науке не принесет.

Заметим от себя, что в изучении культур каменного века Японских островов в последние двадцать

лет действительно достигнуты впечатляющие успехи. Можно сказать, что архипелаг — сейчас одна из наиболее интенсивно исследуемых областей Тихоокеанского бассейна, по крайней мере в отношении палеолитических и мезолитических памятников. Японскими учеными широко и эффективно используются новейшие физико-химические методы датировки находок. И все же при знакомстве с археологией каменного века Японии сталкиваешься со многими не только нерешенными, но и спорными вопросами.

Бросается прежде всего в глаза то, что, несмотря на большой объем полевых работ, отдельные регионы архипелага исследуются неравномерно, отсутствуют четкие стратиграфические данные по ряду ключевых памятников и их монографическое описание, существуют различные данные об абсолютном возрасте древних стоянок, поскольку их датирование проводилось разными физико-химическими методами. Одни японские ученые с чрезмерным доверием относятся к методам радиоуглеродного анализа и, приняв только его за основу, строят свои хронологические схемы. Другие, наоборот, учитывая то, что Япония входит в активную вулканическую зону, полностью отвергают результаты радиоуглеродного анализа и основывают свои выводы только на чисто археологических данных. Все это приводит к значительным несоответствиям в оценке памятников и затрудняет разработку общей для всего архипелага схемы развития палеолитических и мезолитических культур.

Ну а что можно сказать о первоначальном заселении человеком Японских островов?

В одном из древних мифов, изложенных в «Кодзики» («Записках о делах древности») — японской летописи VIII века<sup>12</sup>, рассказывается, что когда-то еще в очень древние времена в совершенно пустом пространстве жили бог Изанаги и богиня Изанами. Это были первые мужчина и женщина. Стоя на парящем небесном мосту, Изанаги погрузил свое богатырское копье в бурлящие под ним воды океана, а затем поднял его вверх. С конца копья упала капля, из которой образовался первый остров. По преданию, это был остров Авадзи, расположенный у южной оконечности Хонсю. Изанаги и Изанами спустились на этот остров и стали

первой супружеской парой. Позже они создали еще четыре больших и около ста малых островов. Вскоре у них родилась дочь Амата́расу. Она была сказочно прекрасна, и свет ее красоты озарил небо и землю. Но Изнаги остался недоволен тем, что у него родилась дочь. Ему нужен был сын — наследник и продолжатель рода. Поэтому он отправил дочь на небо, где она стала богиней Солнца. Второго ребенка, тоже девочку, постигла участь сестры, только стала она богиней Луны. Третьим родился мальчик, но был он болезненным и не умел ходить. Изнаги сделал для него из камфарного дерева лодку и пустил в море. Так появился первый рыболов. На четвертого любимого сына отец возлагал большие надежды, но Сусаноо рос непослушным и не мог содержать в порядке отданное ему морское царство — «равнины моря». За непокорность и строптивость Изнаги и этого сына выпроводил с Земли.

Только внуки богини Солнца были посланы на Землю, после чего людей стало появляться все больше и больше. Поселились они сначала на острове Кюсю, а затем уже значительно позже их потомки начали расселяться по другим островам.

В другом мифе говорится, что первые племена людей на Кюсю пришли из-за океана.

Несмотря на божественность сюжетов древних японских преданий, из них мы узнаем, что первые жители островов пришли откуда-то со стороны. Но откуда? Собранные материалы, документированные археологическими раскопками, указывают, что таким местом мог быть прежде всего Азиатский материк, заселенный человеком еще в глубокой древности. Вспомните находки синантропа в пещере Чжаукоудянь или черепа неандертальца в гроте Тешик-Таш (Узбекистан). Об этом же свидетельствуют многочисленные примитивные каменные орудия и грубо обработанные гальки, обнаруженные в Восточной и Юго-Восточной Азии, на территории советского Приморья и датированные возрастом в 50 тысяч лет и даже старше. Наконец, на юге Азии, на острове Ява, еще в конце прошлого столетия были открыты остатки питекантропа. Судя по новейшим калий-аргоновым датировкам, яванские питекантропы — эти обезьяно-люди — жили 500 тысяч лет назад. Там же, на юге Центральной Явы,

недалеко от города Патжитана обнаружили древнейшие палеолитические орудия, грубые нуклеусы, чоперы, проторубила, изготовленные из речных галек и крупных валунов камня. Не исключено, что эти изделия относятся к тому периоду, когда Ява была еще частью материка, а патжитанцы или близкие им первобытные люди принимали участие в заселении Японских островов, соединенных тогда сухопутными мостами с Азиатским континентом.

Знакомство с коллекциями докерамических культур Японии даже при самой осторожной их оценке дает основание высказать предположение о том, что в палеолите было две значительных волны проникновения людей с материка. Первая такая волна, по-видимому, достигла островов более 40 тысяч лет назад и оставила нижнепалеолитические памятники типа Патжитана и Чжоукоудяня. Второе переселение больших групп палеолитического человека в Японию произошло позже, где-то 20—10 тысяч лет назад. В северной части архипелага, на Хоккайдо и Северном Хонсю, расселяются племена, оставившие после себя материальную культуру, характеризующуюся техникой пластин, а в юго-восточных районах архипелага — племена, применявшие так называемую технику сетоути — особый технический прием снятия отщепов боковым сколом. Техника пластин, судя по собранным археологами материалам, берет свои истоки в культурах северо-восточных областей Азиатского континента (советский Дальний Восток, Забайкалье). Культуры, для которых характерна техника сетоути, генетически не связаны с предыдущими и, можно думать, относятся или к юго-восточной азиатской традиции, или развились на местной основе от предшествующих юго-западных культур архипелага.

Что касается собственно японской народности, то ее формирование началось значительно позднее, около IV—I веков до нашей эры, когда на Японских островах стала распространяться культура яёй<sup>13</sup>. Она приходит на смену культуре дзёмон и свидетельствует о резком переломе в культурной и этнической истории Японии. В это время развиваются рисосеяние, скотоводство, появляются изделия из меди и бронзы, новые типы глиняных сосудов, новые погребальные обряды.

По мнению большинства исследователей, культура яёй возникла под влиянием племен Корейского полуострова. Миграция последних с континента на Японский архипелаг была вызвана значительными перемещениями народов в Центральной и Восточной Азии. Активную роль в этом процессе играли племена воинственных хуннов. Несомненно, какая-то их часть, а также корейские племена и составили основную массу переселенцев на острова. Выходцы с континента первоначально заняли северо-западное побережье острова Кюсю. О том, что это было именно так, рассказывают наиболее ранние памятники культуры яёй, которые, можно сказать, концентрируются на этой территории. Обнаруженные здесь изделия очень похожи на южнокорейские археологические древности. Типы орудий и оружия, керамика, даже погребения в урнах почти аналогичные. Причем нельзя упускать из вида, что все корейские находки более древние.

В эпоху раннего железного века приток переселенцев с материка на Японские острова продолжается. Археологические памятники на Северо-Западном Кюсю и Западном Хонсю периода среднего яёй (II—I века до нашей эры — I век нашей эры) обнаруживают большое количество параллелей с памятниками культуры племен «трех Хань» Южной Кореи. В это время в ближайших к матерiku районах Японии обычными становятся захоронения людей в курганах, в инвентаре поселений преобладают изделия, выполненные в так называемом «зверином стиле», и мечи сарматского типа<sup>14</sup>. В миграционные потоки, идущие через Корейский полуостров в Японию, нужно думать, включаются и какие-то племена Приамурья. Во всяком случае, неслучайно в памятниках периода среднего яёй появляются хорошо профилированные глиняные сосуды, украшенные налепными валиками, характерные для приамурской пальцевской культуры.

О последующих событиях, происходящих на Японских островах, рассказывают не только археологические, но и письменные источники. В китайских хрониках «Цянь-Хань-шу» и «Вэйши» повествуется, в частности, о людях Во (Ва), живших в первых веках нашей эры на гористых островах. Острова эти идентифицируются исследователями с островами Кюсю и

Хонсю. Летописные сведения, относящиеся ко II—III векам нашей эры, сообщают о государстве Яматай (Ямато), которое подчиняет остальные племена страны Во. Интересно, что древняя форма этнонима Ямато — Яматай — Семадай связывается как с Сюнну — Хунну, так и с этнонимикой Приамурья. В эти районы, как отмечалось выше, ведут культуру яёй и археологические параллели.

В период со 150 по 200 год Японию охватывают смута и междоусобицы, после которых, согласно сообщению японской хроники «Нихонги», к власти в государстве Ямато приходит императрица Дзингу. Она отождествляется с Химико или Пимико в китайских летописях, называющих ее правительницей и великой шаманкой страны Во. Личность Дзингу весьма любопытна и несомненно исторична. Вдова императора Тюая, погибшего во время восстания племен на острове Кюсю, она очень молодой получила власть, но поначалу не имела авторитета ни среди приближенных, ни среди воинов. Случилось так, что во время похода против племени Кумасо, когда военные действия стали складываться неудачно, молодая правительница обратилась к духам, впала в транс, а затем якобы передала волю богов своим воинам, предсказывая победу. Предсказание ее сбылось, и авторитет императрицы Дзингу необычно возрос. Успешными были походы Дзингу в страну Силла — сильное государство Южной Кореи. Завершая дело мужа, императрица покорила окружающие племена на острове Кюсю, совершила походы на остров Хонсю. При Дзингу были установлены первые политические и торговые связи с Кореей.

Последняя значительная миграция с материка на Японские острова связана с уходом из Кореи флота хуннского правителя Ши Ху где-то около 350 года. Хронологически это событие совпадает с финальным этапом культуры яёй. К указанному времени, очевидно, заканчиваются сложение государства Ямато и формирование японской этнической общности.

Таким образом, в антропологическом типе японцев, в котором прослеживается смешение дальневосточных, центральноазиатских элементов с более древними в Японии южномонголоидными и айнскими компонентами, нашли отражение сложные процессы взаимодейст-

вия различных по происхождению племен, продолжавшиеся на протяжении почти целого тысячелетия.

Что касается современной Японии, то она относится к одной из самых однородных по этническому составу стран мира. Ее основная нация — японцы составляют более 90 процентов населения.

Небольшой исторический экскурс, который мы совершили, лишь в общем плане дает представление о древнем прошлом Японских островов, о японской археологии.

Устойчивый интерес к истории Японии, к ее древней культуре, к ее народу всегда был присущ нашей науке. Еще в 80-е годы прошлого столетия русский исследователь И. С. Поляков после успешных работ в Приморье и на Сахалине совершил многотрудное путешествие в Японию, чтобы познакомиться с археологическими памятниками этой страны и сопоставить вещественный материал с известными находками в России. В последующие десятилетия этот взаимный интерес к древним культурам не ослабевает. Особенно заметно он возрос с 60-х годов нашего столетия. Открытия советских археологов в Сибири и на Дальнем Востоке не только привлекли самое пристальное внимание японских археологов, они начали активно обращаться к трудам советских ученых и широко использовать работы А. П. Окладникова, З. А. Абрамовой, С. А. Арутюнова, А. П. Деревянко, Н. Н. Дикова, Р. В. Козыревой, С. А. Семенова и других археологов.

Во время поездки было приятно видеть, какое распространение в научных кругах Японии получили советские археологические издания. Монографии и сборники статей советских археологов, прежде всего сибирских, можно видеть во многих библиотеках университетских центров. Они систематизированно выделены в университетах Хоккайдском, Тохоку, Васэда, Токио. Многие публикации переведены и переиздаются на японском языке. Книжки А. П. Окладникова, Р. В. Козыревой, С. А. Семенова, В. Е. Ларичева и других советских археологов пользуются у японских исследователей большой популярностью.

Во время нашей беседы с Харуо Ойи, Сакураи Кийико, Като Кюдзо тоже часто упоминались работы этих известных исследователей древних культур. Япон-

ские ученые высказывались откровенно, излагали свою точку зрения по тем или иным вопросам. Иногда научные предположения и взгляды сталкивались, были отличными от наших. И это тоже вызывало интерес, поскольку затрагивались общепринятые положения и выводы. Хотелось услышать мнение японских коллег об айнской проблеме и связи памятников эпохи дзёмон с предками айнов. Вопрос сложный и давно волнующий умы ученых. Я знал, что у Харуо Ойи есть что сказать по этому вопросу.

— К проблеме айнов мы еще обязательно вернемся, когда будем на Хоккайдо,— с улыбкой ответил японский профессор.

К концу беседы мы обсудили программу дальнейшего путешествия. Ведь меня ожидала не просто небольшая экскурсия. Утром предстояло вылететь на Хоккайдо в город Кусиро, а оттуда автомашинами выехать в Нэмуру, где ведутся археологические раскопки сотрудниками Токийского педагогического института, университета Цукуба и местного Комитета охраны памятников культуры. Далее маршрут пролегал на север через полуостров Сиротоко вдоль Охотского побережья Хоккайдо к городу Вакканай и на остров Рэбун.

— Условия могут быть нелегкие,— извиняюще предупреждает Харуо Ойи.— Туда, куда мы направляемся, туристы не проложили своих маршрутов и нет европейских отелей...

Меня это не беспокоит. Вспоминаю экспедицию по Охотскому побережью, Чукотке и улыбаюсь, давая понять, что согласен.

### **«ЭДЗО» — ЗНАЧИТ «ДИКИЙ»**

На Хоккайдо летим самолетом. С высоты птичьего полета острова Японского архипелага выглядят небольшими каплями суши на безбрежной водной глади Тихого океана. Одна из таких застывших капель — остров Хоккайдо, второй по величине в Японском архипелаге, самый северный и наименее заселенный по сравнению с другими кусок гористой японской суши. С севера на юг, от мыса Соя до мыса Эримо, его пересекает хребет Китами-Хидака, к которому с северо-



востока присоединяется хребет Тисима, продолжающий Курильскую вулканическую гряду. В центре острова все горные образования сходятся и образуют своеобразный узел, над которым возвышается вершина Асахи (2345 метров над уровнем моря) — самая высокая точка Хоккайдо.

От хребта Китами-Хидака отходят пологие отроги с живописными каньонами. Эти отроги постепенно спускаются в долину реки Исикари. Здесь расположены прекрасно оборудованные лыжные спортивные базы, в зимнее время привлекающие многочисленных туристов.

Равнина Исикари как бы делит остров на две части — западную и восточную. На Хоккайдо — это самый большой участок равнинной суши площадью почти в 4 тысячи квадратных километров. К востоку от Исикари вдоль юго-восточного побережья простирается равнина Токати, ее затем сменяет равнина Консэн.

Остров Хоккайдо входит в зону влажного континентального климата. Лето здесь не очень жаркое, а зима достаточно холодная с устойчивым снежным покровом. К тому же климатические условия прибрежных юго-западных районов острова сильно отличаются от внутренних областей. В городе Китами, например, расположенном в долине, окруженной горами, средняя летняя температура плюс 22—23°, а зимняя — минус 10°, но в конце января морозы нередко доходят до минус 25—30°. На западную часть острова благоприятно влияет Японское море, поэтому лето и зима здесь много теплее, чем на северо-востоке, где в зимние месяцы прибрежные воды часто бывают скованы льдом.

Растительный мир Хоккайдо богат и разнообразен. Здесь сохранились растения еще доледникового периода — пробковое дерево, лотос, некоторые виды папоротников, а на юге можно встретить японские виды граба, каштана, кипариса, магнолии. На более холодном северо-востоке царствуют хвойные — пихта (тодому), маньчжурская и черная сосна, ель (эдзому). В подлеске преобладают японская калина и амурская сирень. Можно наблюдать здесь и смешение субтропических и северных культур. Необычно выглядят ели, обвитые лозами дальневосточного дикого винограда, или березовая роща, поросшая бамбуком.

Что касается животного мира, то он во многом схож с обитателями лесов, водных стихий и равнинных просторов северо-восточных районов Сибири и Дальнего Востока. Прибрежные воды Хоккайдо населяют лососевые, сельдь, треска, тунец, макрель, крабы, лангусты, кальмары и многие другие виды, а в районах Абасиры, Нэмуру, Кусиро на северо-восточном побережье можно встретить лежбища ластоногих — сивуча и нерпы.

Япония как известно, бедна полезными ископаемыми, но те, что имеются, во всяком случае основные, находятся на Хоккайдо. Достаточно сказать, что возле Исикари и Кусиро сосредоточено до 50 процентов общих запасов каменного угля Японии, в Дзёкону и Ицакураиси ведется основная в стране добыча марганца, а в Итомука — ртути.

В историческом музее города Саппоро экспонируются образцы каменного угля, железной и марганцевой руды, хрома, свинца, ртути, золота, асбеста. Это те минеральные ресурсы, промышленные разработки которых ведутся главным образом на острове.

Природные условия Хоккайдо благоприятствуют развитию земледелия и животноводства. На долю острова приходится более 16 процентов пахотной земли страны. На землях равнин Исикари, Токати, Консэн, в низинах Китами выращиваются рис, овес, картофель, красная фасоль. В последнее десятилетие важной культурой стала сахарная свекла, возделыванию которой уделяется большое внимание. И все же ведущим направлением сельскохозяйственного производства острова является молочное животноводство. Оно занимает первое место в стране. Здесь производится около 60 процентов сливочного масла, причем лучшего в Японии.

Остров Хоккайдо, известный ранее под названием Эдзо (Эзо) — «дикий», долгое время, фактически до конца XVIII столетия, не вызывал особого интереса у центрального японского правительства. Более того, в классической «Дайннипонси» («История Великой Японии» в 397 томах), написанной в начале XVII века, материал об острове Эдзо помещен в разделе, посвященном иностранным государствам. В другом труде «Общее обозрение трех государств», опубликованном японским историком Р. Сихэн в конце XVII века, остров Эдзо рассматривается вместе с островами Рюкю и

Корея<sup>15</sup> — территориями, тогда совершенно независимыми.

Независимость Эдзо признается и современными японскими исследователями. Так, профессор Токийского университета Набуо Мурога в статье «Географические исследования японцев» пишет, что длительное время «Эдзо был для Японии не более чем территорией, граничащей с их собственными землями»<sup>16</sup>.

Следовательно, можно думать, что правительство Центральной Японии в тот период не считало Эдзо принадлежностью Японии.

Это, конечно, не исключает того, что о существовании острова Эдзо японцы знали много раньше упомянутого времени. В летописных источниках можно, например, найти упоминания о военных походах правителей Ямато в VII—VIII веках в земли эдзосцев или эмиси-эбису, как тогда называли аборигенное население Хоккайдо, отождествляемое с айнами. Эти походы, однако, носили характер набегов и были эпизодическими. Только около середины XV века даймё<sup>17</sup> Такеда Нобухиро со своими людьми, переправившись с Хонсю на Хоккайдо, основал на южной оконечности острова в местности Мацумаэ первое постоянное японское поселение. Японские историки считают Такеда Нобухиро основателем Мацумаэского клана, который фактически управлял островом до конца XVIII столетия (до 1798 года), а затем правление перешло в руки правительства.

Небезынтересно заглянуть в XV век, в то время, когда все поселения японцев группировались у самой южной окраины Хоккайдо, примерно в районе современного порта Хакодате в провинции Осима. Эти поселения часто именуются замками, хотя на самом деле они представляли собой небольшие прибрежные деревушки, укрепленные деревянными частоколами и земляными рвами, а их владельцы чувствовали себя неуютно среди аборигенного населения. Даже в XVII веке, когда странствующий монах Энку, известный буддийский скульптор, посетил в 1664 году южный берег Хоккайдо, он встретил там только редкие деревни — усадьбы вассалов клана Мацумаэ. Практически вся территория Эдзо принадлежала загадочным айнам — подлинным хозяевам острова.

Из тенденциозных японских летописей можно заключить, что японцы считали айнов сильным противником.

В предании о Есицунэ рассказывается, что айны обладали особой тактикой ведения боя, которую никак не удавалось раскрыть японцам. Есицунэ специально переправляется на остров Эдзо, чтобы заполучить редкую книгу военной тактики, которая хранилась у одного из эдзоских князей. Молодому самураю удается войти в доверие к князю. Различными хитростями он пытается узнать у князя военную тайну айнов, но не достигает успеха. Тогда Есицунэ женится на единственной дочери князя и наконец получает возможность проникнуть в тайны военной тактики айнов. С помощью жены путем обмана он завладевает сокровенной книгой и скрывается.

Еще в одном из преданий говорится, что эдзосцы «по способу тэнкан вставляют стрелу с соком чернильного ореха («фусу»)»<sup>18</sup>, в другом сообщается, что айны умели распространять туман, буквально «дышат туманом».

Если проанализировать подобные факты, разбросанные в многочисленных айнских и японских древних сказаниях, нетрудно будет убедиться, что айны действительно были искусными воинами, умело применявшими различные тактические приемы во время сражений, и на первых этапах проникновения японцев на остров являлись для них серьезным противником.

Но шло время. Вражда, постоянные междоусобные войны айнских племен и родов и в то же время организованность и лучшая вооруженность японцев в конце концов сыграли свою роль. Японцы умело использовали распри айнов, сталкивая племена друг с другом, осуществляя свои захватнические цели чужими руками. Действуя таким образом, Мацумаэский клан постепенно продвигался в глубь острова, подчиняя одни и истребляя другие айнские племена. Вся история клана Мацумаэ — это непрекращающиеся упорные войны с айнами. Несмотря на это, только при девятом правителе Мацумаэ Такахи во второй половине XVII века в летописи Мацумаэского дома впервые встречается сообщение о том, что в замок Фукуяма явились с данью айны из Сару (Сяру) провинции Хидаки. Сару был

в то время центром айнских поселений Хоккайдо, своего рода столицей айнов.

Мы не знаем и, видимо, никогда не узнаем, как удалось мацумаэсам подчинить айнскую столицу. Но сам факт принесения дани айнами Сару уже мог предполагать склонение головы непокорных, их подданство пришельцам и, очевидно, послужил предупреждением тем айнским племенам и их вождям, в сердцах которых еще горел огонь свободы и борьбы за независимость, что настал критический момент. Понял сложившуюся ситуацию и старый вождь племени Сибусяри Сагусяин (Сюусэн). Он принимает решение выступить против японцев и изгнать их с острова. Вооруженное восстание готовилось несколько лет. Сагусяин пользовался огромным влиянием среди соотечественников, и ему удалось привлечь на свою сторону вождей многих айнских племен.

Восстание началось в 1669 году в месяц 8-й луны (август) захватом 30 торговых кораблей, прибывших с Хонсю в Сибусяри. Операция эта была оперативно проведена ночью и закончилась успешно. Вообще восстание поначалу разворачивалось удачно. Айны захватили крепость на реке Куннуи-гава, а укрепленный городок со сторожевой башней и полисадом, где укрылись сторонники Мацумаэского дома, оказался в осажденном положении. Более двух тысяч айнов, вооруженных луками и стрелами, а также копьями с острыми каменными наконечниками были готовы к бою. Однако нерешительность айнских военачальников сыграла роковую роль, и инициатива была потеряна, а к осажденным вскоре прибыло подкрепление из Мацумаэ — три отряда солдат с огнестрельным оружием.

Восставшие вынуждены были отступить за реку Куннуи-гава, где и состоялось решающее сражение. Оно началось в 6 часов утра и продолжалось до 12 часов дня. Мацумаэские войска применяли огнестрельное оружие и даже орудия, тогда как айнские стрелы с отравленными наконечниками не пробивали доспехов японских солдат. Несмотря на яростное сопротивление, айны не смогли выдержать натиска лучше вооруженных и специально подготовленных солдат. Неся большие потери, они бежали в горы. Еще в течение месяца вспыхивали ожесточенные схватки.

Трагически сложилась судьба Сагусяина и других айнских военачальников, припимавших участие в восстании. Их хитростью захватили в плен и с неслыханной жестокостью уничтожили, изрубив на куски. Крепость в верхнем течении реки Сибусяри-гава, где находилось жилище Сагусяина, была сожжена, а оставшиеся в ней жители убиты<sup>19</sup>. Так закончилось самое крупное айнское восстание на Хоккайдо.

Управление островом Хоккайдо осуществлял клан Мацумаэ, который считался подвластным сёгунату Токугава и один раз в пять лет должен был являться в город Эдо с докладом о состоянии дел в подчиненных ему землях. В действительности же власть Мацумаэского дома была номинальной, поскольку правители не знали ни истинного размера своих владений, ни положения дел на местах. Только в ближайших прибрежных поселениях, таких как Фукуяма, Эсаси, выполнялись распоряжения клана.

Управление землями Мацумаэского клана основывалось на системе откупа. Мацумаэ раздавал своим вассалам прибрежные участки земли (фактически принадлежащие айнам), но так как самураи не желали заниматься ни рыболовством, ни охотой и не имели средств для освоения этих участков, они сдавали их в аренду откупщикам. За аренду взималась установленная по договоренности плата. Таким образом и сам дайме, и весь его клан обеспечивали себе существование. Необходимости ездить по землям Эдзо у них не было, и все дела вершили откупщики. Последние набирали себе помощников: переводчиков и надсмотрщиков различного ранга, которые и осуществляли поборы с населения.

В «Записках об изысканиях в Эзо» — дневнике некоего Екои, путешествовавшего по Хоккайдо, — говорится: «Главный начальник эзосцев называется отона, за ним следуют козукаи. Во всех поселках эзосцев имеются помещения только из столбов и крыши. Большие из этих построек носят названия унзёоя, а малые — бань-я. В малых проживают младшие надсмотрщики (бан-нин), а в больших — старшие (сихай-нин). Они все ведут наблюдения за жизнью эзосцев и заставляют их работать по земледелию или рыболовству. В свою очередь они находятся под высшим контролем самого откупщика. Богатые купцы среди этих откуп-

щиков прежде всего обязаны уплачивать пошлины за рыбу мацумаэскому даймё, за это они получают право на рыбную ловлю в известных участках. Таким образом, даймё и его вассалы получают барыши сидя сложа руки. У них нет хлопот с недоимками по собиранию податей, так как подати уплачиваются откупщиками. Все дела, касающиеся эзосцев, решаются таким образом откупщиками. Они же в свою очередь думают только о своих барышах...» И далее: «...Переводчики и надсмотрщики совершали много дурных и подлых дел: они жестоко обращались со стариками и детьми и насиловали эзосцких женщин. Если эзосцы начинали жаловаться на подобные бесчинства, то еще вдобавок получали наказание...»<sup>20</sup>.

Бытовавшая система откупа порождала всякого рода злоупотребления со стороны откупщиков, позволяла им грабить аборигенное население, способствовала наживе, давала возможность жить в роскоши. Откупщики превращаются в богатейших людей на Хоккайдо. Становится поэтому понятным появление постоянно повторяющихся инструкций Мацумаэского клана о необходимости соблюдать экономию в повседневной жизни. Письменные распоряжения с перечнем запретов делаются в 1675, 1678, 1724, 1782, 1795 и 1805 годах. Их содержание весьма любопытно. Приведем одно из таких распоряжений Мацумаэ.

*1. В данное время повсюду даны распоряжения о соблюдении строгой экономии, вследствие чего надлежит знать нижеследующее.*

*2. Для всех платьев предписывается употреблять бумажные материи, шелковые же платья носить воспрещается, за исключением только горожан, находящихся при исполнении общественных обязанностей в дни нового года.*

*3. Женщины должны быть особенно внимательны к изложенному постановлению и не носить ни шелковых поясов (оби), ни шелковых передников вплоть до завязок к последним.*

*4. Все парадные приемы и угощения воспрещаются. Если по обстоятельствам окажется безусловно необходимым устроить прием, то таковой должен быть совершенно простой и легкий: суп и три блюда, включая маринованные овощи. Согласно с этим*

все брачные церемонии также должны быть упрощены. При поздравительных поездках допускается обмен только в форме сакэ и рыбы, а все другое воспрещается...

8. При постройке зданий и домов, независимо от общественного положения строящего, все должно делаться легко и просто. Никаких артистических сооружений и украшений не допускается. При обычном устройстве парадной части комнаты серебряные, спускающиеся сверху украшения, ящики с раздвижными дверцами, верхние балки, ниши, лакированные альковы, лакированные окружности входа в альков, двери с резными краями — все это устраивать воспрещается.

Эти узаконения должны точно соблюдаться всеми жителями страны. Конечно, самый первый пункт о запрещении ношения шелкового платья является самым важным, если кто-либо его нарушит, то платье с него должно быть немедленно сорвано.

Если будет кто-либо нарушающий эти постановления, то он за свое преступление подвергнется наказанию.

(К ё о х о, 9-й год (1724) 12-я луна) <sup>21</sup>

Настоящая колонизация Хоккайдо началась очень поздно, и проходила она медленно и трудно. Лишь после реставрации Мэйдзи 1868 года японское правительство приступило к сознательному и планомерному заселению острова. Наиболее интенсивное переселение наблюдалось в конце XIX — начале XX столетия. В это время тысячи японских колонистов ежегодно иммигрировали на Хоккайдо. Так, в 1897 году на остров переселилось 64 тысячи 350 человек, в 1898 году — 63 тысячи 630, а в 1901 году — 50 тысяч 100 человек. В 1903 году население Хоккайдо состояло из 845 тысяч японцев и около 18 тысяч айнов <sup>22</sup>.

Следует также отметить, что основным поставщиком новожителей Хоккайдо был Северный Хонсю. Отсюда происходило более 50 процентов переселенцев. Причем японское правительство стремилось направлять на Хоккайдо прежде всего земледельцев для освоения плодородных земель провинций Осима и Исикари <sup>23</sup>.

Но японцы всегда тяготели к югу. К суровому и хо-



лодному Хоккайдо переселенцы привыкали с большим трудом, так как здесь нужно было во многом перестраивать традиционный уклад жизни и быта. К тому же они не имели опыта ведения сельского хозяйства в суровых условиях. Поэтому уже с 80-х годов прошлого столетия на остров для организации сельского хозяйства приглашаются американские и английские, в основном шотландские, специалисты.

И сегодня, проезжая по Хоккайдо, можно видеть и в сельском хозяйстве, и в архитектуре небольших городков черты американского Дальнего Запада.

Словом, когда попадешь на Хоккайдо, ощущаешь необычную для Японии атмосферу. «Куда исчезла пресловутая перенаселенность, на которую так часто ссылаются японцы? Япония ли это?» — подумаешь невольно, когда проезжаешь мимо обширных полей, раскинувшихся до горизонта, редких небольших поселков, пологих склонов сопок, зеленых пастбищ со стадами черно-белых коров. Здесь нет бесчисленных квадратиков рисовых полей, столь характерных для Центральной Японии, нет теснящих друг друга дымящих промышленных комплексов, нет людских толп. Численность населения острова в последние годы застыла на уровне 5 миллионов человек.

За последние десятилетия облик Хоккайдо во многом изменился. В 1971 году был утвержден план комплексного развития острова, рассчитанный на 10 лет. Началось освоение торфянистых и осушение болотистых мест. В целом Хоккайдо все же производит впечатление аграрной, а не индустриальной провинции Японии.

Крупных городов здесь мало.

## ОТ КУСИРО ДО ВАККАНАЯ



### КУСИРО И НЭМУРО

Кусиро, с которого началось мое знакомство с островом Хоккайдо, — самый большой порт на его восточном побережье (рис. 4). В островной экономике он играет видную роль, соперничая с такими известными портовыми городами, как Хакодате и Отару, хотя до 1857 года о Кусиро вообще ничего не было слышно. К началу эпохи Мэйдзи здесь проживало пять японских семей,

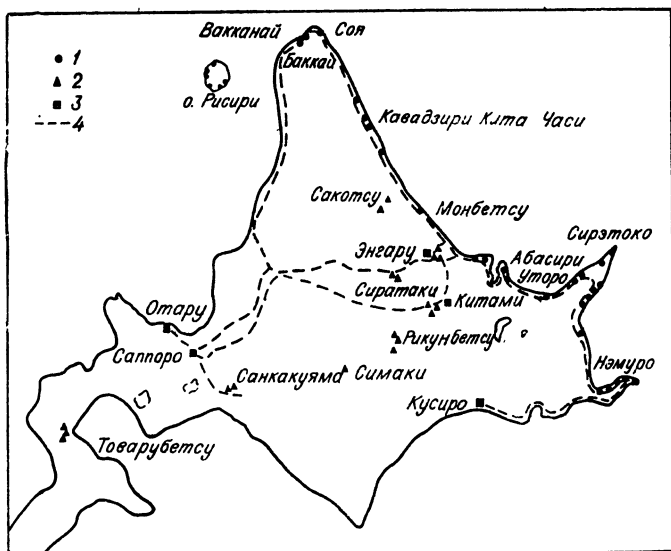


Рис. 4. Карта археологических памятников Хоккайдо.

1 — поселения охотской культуры; 2 — стоянки докерамического периода; 3 — современные населенные пункты; 4 — маршруты поездов.

которые занимались рыболовством и добычей морской капусты. Однако благодаря открытию в горах вблизи Кусиро сначала залежей серы, а в 1886 году — каменного угля город вскоре превратился в важный добывающий и экспортный пункт этих минералов. Возвышению Кусиро способствовало и удобное географическое положение. Основанный на берегу хорошей естественной гавани, невдалеке от устья реки Токати — одной из трех больших рек Хоккайдо — Кусиро вскоре стал также и крупным транспортным узлом. Железнодорожные и шоссейные пути связывают его с плодородной долиной Токати, рыболовными центрами полуострова Нэмуру, а морские и воздушные линии — с городами Центральной Японии.

Сегодня Кусиро — город развитого рыболовства, угольной и бумажной промышленности. В его облике отчетливо проступают черты деловитости американского Запада.

В аэропорту нас встретил Ясуо Китакамаэ — археолог, член Хоккайдского общества охраны памятников. Проблема сохранения памятников старины сегодня актуальна для всех стран мира. Большое внимание уделяется ей и в Японии. Ясуо Китакамаэ занят организацией охраны памятников археологии в районе Кусиро — Нэмуру. Вместе с ним едем осматривать местный музей. К нам присоединяется археолог Сава Сиро, ведущий раскопки в окрестностях Кусиро, известных многочисленными археологическими памятниками.

Особый интерес представляет восточный район Кусиро, где, по рассказу Сава Сиро, находится около 150 стоянок каменного века, располагающихся, как правило, на солнечной стороне пологих склонов небольших холмов. Большинство из них относится к культуре дзёмон среднего и позднего периода. Но есть стоянки раннего и даже начального дзёмона. Одна такая стоянка обнаружена в районе, называемом Восточный Кусиро III — Хигаси-Кусиро III. Раскопками этого археологического памятника руководил Сава Сиро. В процессе раскопок был собран богатый и разнообразный вещественный материал, который хранится в местном музее.

Около Кусиро можно встретить и остатки древних айских крепостей. Сохранились они в виде полуразрушенных земляных валов, хорошо видных на поверх-

ности. Одна из таких крепостей находится на берегу реки возле ее устья и называется Мосири, другая — у озера Харутори. Японские археологи относят их к довольно позднему времени — XV—XVI векам нашего столетия.

Местный музей, именуемый Центром культурных ценностей города Кусиро, — это новое современное здание, недавно построенное на средства муниципалитета. В связи с переездом в новое помещение все археологические коллекции были систематизированно разложены по ящикам и коробкам. В этом смысле нам повезло, поскольку можно было брать и рассматривать любые интересующие нас предметы. Коллекций много. Здесь и орудия труда, и предметы быта, и украшения. Привлекли внимание изящные кремневые инструменты — шлифованные тесла, двусторонне обработанные тонкой отжимной ретушью наконечники стрел, в том числе с черешком у основания, ножи из широких пластин с тщательно выделенной ретушью кнопчатой рукоятью. Такие ножи из-за своей специфической рукояти в виде пуговицы, а точнее кнопки, называются в археологической литературе кнопчатыми. Японские исследователи называют их сэкихи (рис. 5). Ножи сэкихи придают особый колорит коллекциям каменных изделий неолита Хоккайдо. Их распространение обычно совпадает с распространением керамики, украшенной веревочным узором.

Фрагменты керамики — самый массовый материал на поселениях культуры дзёмон. Японским археологам удалось восстановить сотни сосудов дзёмона. Много целых и реставрированных сосудов и в музее Кусиро. Они, несомненно, являются украшением экспозиции. Большинство фрагментов сосудов найдено в окрестностях города на стоянках группы Хигаси-Кусиро, Мицуура, Хокуто. Керамика поражает многообразием форм и богатством отделки. Есть сосуды в виде больших кувшинов — камэ, чаш-хати, типа пиалы, амфоровидные горшки — цубо с выпуклым туловом, широкие вазы, сосуды с носиком, на поддоне, кубки на конической подставке (рис. 6). В основе художественного оформления керамических изделий дзёмона лежит криволинейный орнамент, состоящий из сложного переплетения различных завитков и спиралей. В узорах воплощены космо-

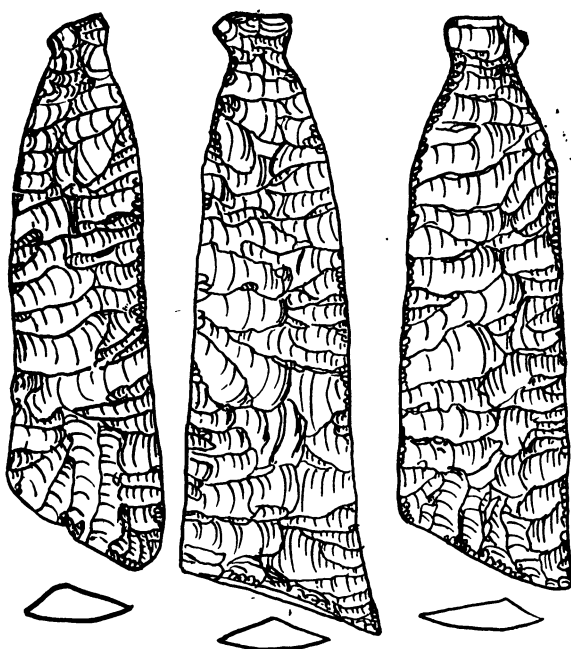


Рис. 5. Каменные ножи «сэкихи».

гонические представления древнего населения, символы Небесного Змея и Солнца. Орнаментальные мотивы весьма архаичны и известны в Японии с самых ранних этапов неолита. Японские археологи проследили эволюцию форм и орнаментального стиля керамики дзёмона и установили их непрерывную преемственность.

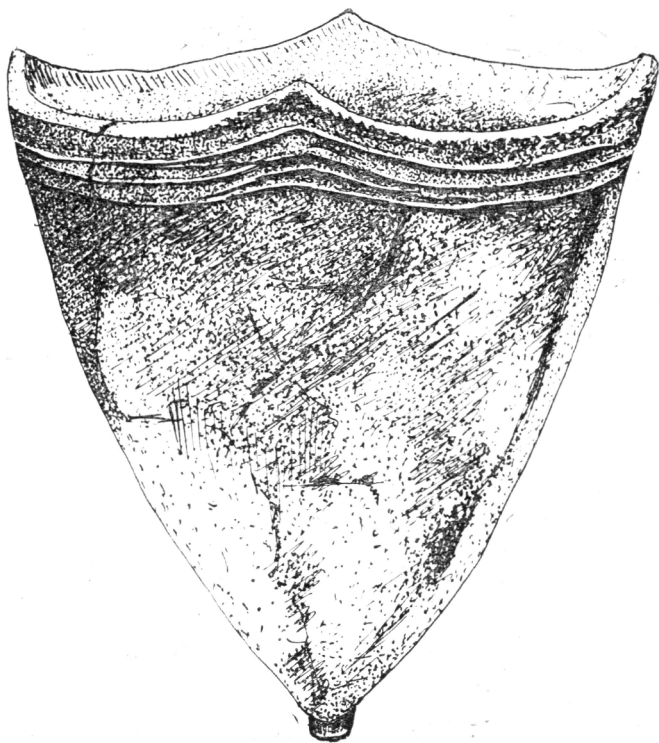
Около 8 тысяч лет назад в период начального дзёмона на поверхность сосудов предметом, напоминавшим крученую пень, наносился простой узор. В раннем дзёмоне сосуды украшались настоящими веревочными оттисками, причем сам узор отличался большой сложностью. В среднем дзёмоне орнаментальный стиль еще больше усложняется: керамика украшается рельефными узорами, зооморфными и антропоморфными фигурами, резьбой и декоративными отверстиями в верхней части изделий. В поздний период дзёмона формы сосудов (большие горшки, кувшины, миски, та-



Рис. 6. Глиняный сосуд культуры дзёмон.

релки, амфоры) и их орнамент становятся гораздо разнообразнее. Причем если на ранних этапах культуры дзёмон веревочные оттиски, создающие орнаментальный фон на поверхности сосуда, доходили до дна изделия, то на поздних — покрывали лишь верхнюю часть.

По развитию форм и орнаментальных мотивов среди глиняных сосудов культуры дзёмон, обнаруженных на Хоккайдо, можно выделить свыше 30 типов. При этом японские исследователи считают, что развитие ке-



*Рис. 7. Самая древняя керамика Хоккайдо. Стоянка Наругава (возраст 7600 лет).*

рамики на юго-западе и северо-востоке острова шло разными путями. Причины этого они видят в географических условиях, полагая, что почти до конца среднего дзёмона Хоккайдо был разделен Саппорской низиной на две части — юго-западную и северо-восточную (рис. 7).

Типы сосудов получили название по месту их нахождения. Для периода начального дзёмона в юго-западной части Хоккайдо это сосуды типа сумиёсите, кодзёхама, арутори, в северо-восточной — нумадзири, хигасикусиро. В раннем дзёмоне от первых произошли сосуды типа касугатё, сайбэдзава, тодокава, от вторых — оннэто, оомагари. К керамике среднего дзёмона

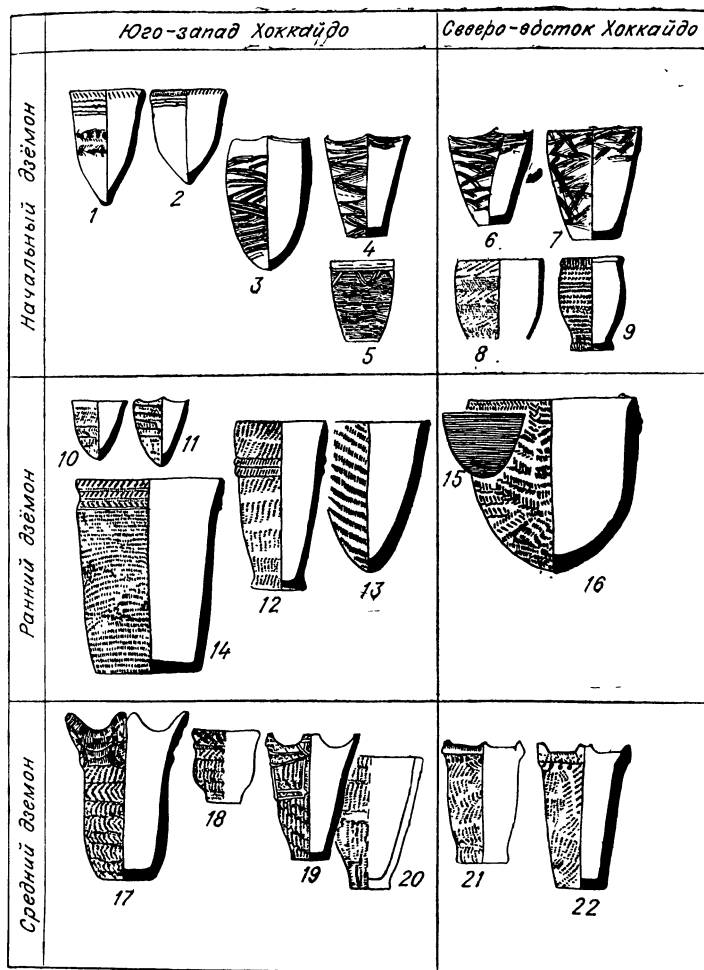


Рис. 8. Типы глиняных сосудов культуры дзёмон на Хоккайдо.

1, 2 — сумиёсите; 3, 4 — кодзёхама; 5 — арутори; 6, 7 — нумадзири; 8, 9 — хигасикусири; 10, 11 — касугатё; 12 — тодокава; 13 — накано; 14 — сайбэдзава III; 15 — оомагари; 16 — оннэто; 17 — сайбэдзава V; 18 — сайбэдзава IV; 19 — сайбэдзава VII; 20 — ёйти; 21, 22 — токоро.

на юго-западе относятся сосуды сайбэдзава, на северо-востоке — токоро (рис. 8). За ними следуют гончарные паделения позднего и финального дзёмона: на юго-западе



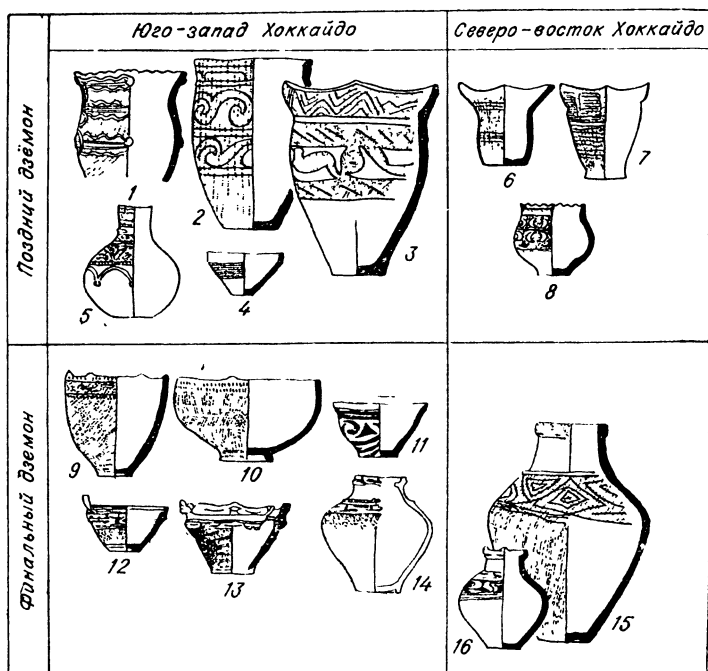


Рис. 9. Типы керамики культуры дзёмон позднего и финального периодов.

1 — ириэ; 2 — вакимото; 3, 4 — тэинэ; 5 — готэнъяма; 6, 7 — фунадомари; 8 — курисава; 9, 10 — киминокуны; 11 — такасаго; 12, 13 — хинохама; 14 — наганума; 15 — нусаманай; 16 — мидоригаока.

посуда типа вакимото, ириэ, тэинэ, готэнъяма, киминокуны, хинохама, а на северо-востоке — фунадомари, курисава, нусаманай, мидоригаока (рис. 9).

Керамика дзёмона юго-западной части Хоккайдо имеет много общего с керамикой Южного Хонсю и, по-видимому, в целом является принадлежностью единой культурной области. В керамике северо-восточной части Хоккайдо прослеживается влияние материковых неолитических культур Приамурья, Приморья и Кореи.

Гончарное производство периода среднего и начальных этапов позднего дзёмона достигает высокого мастерства. Удивительная завершенность форм, утонченная отделка сосудов, выразительность и символическая наполненность их орнаментальных сюжетов по-

настоящему поражают, создают эмоциональную настроенность. Изделия эти действительно прекрасны. Их можно сравнить лишь с прославленными сосудами Крита или Центральной Америки. Но как не прекрасны были изделия древних гончаров, внимание мое привлекла коллекция предметов из кости и рога, и в первую очередь серия превосходно отделанных гарпунов.

Костяные гарпуны можно назвать одним из оригинальных и остроумных изобретений человека каменного века. Они широко применялись в охоте на оленей, рыбной ловле, промысле тюленей, моржей и даже китов. Использовались гарпуны двух типов — зубчатые с параллельно или поперечно расположенными боковыми зубцами-бородками и так называемые поворотные. Зубчатые гарпуны хорошо известны по археологическим материалам еще с эпохи палеолита во многих странах мира. Великолепные образцы таких орудий лова археологи находили в палеолитических поселениях мадленских охотников на северных оленей в Европе, на сибирских стоянках древних людей...

Гарпуны поворотного типа — изобретение более позднее. Они появились в то время, когда человек начал осваивать приморские районы, и предназначались прежде всего для охоты на крупную рыбу и морского зверя. В силу своей конструкции такой гарпун, попадая в тело животного, соскакивал с древка и поворачивался поперек раны, тем самым удерживая добычу (рис. 10). Создание гарпунов поворотного типа было

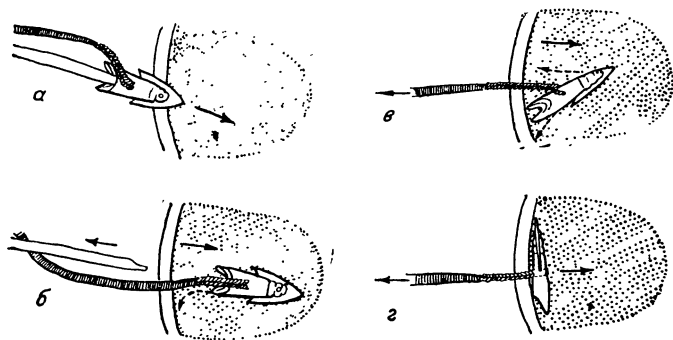


Рис. 10. Действие (а — г) гарпуна поворотного типа при попадании в тело морского зверя,



Рис. 11. Костяные наконечники гарпунов поворотного типа.

крупным прогрессивным шагом в развитии охотничьего вооружения приморского населения. Без такого рода орудий человек не мог бы заселить и освоить огромные пространства Тихого и Ледовитого океанов, не смог бы создать высокоспециализированные культуры морских зверобоев, какие возникли, например у эскимосов или алеутов.

В различных районах Тихоокеанского бассейна — от Полинезии до Берингии обнаружены сотни разнообразных поворотных гарпунов, так как в поисках улучшения конструкции человек прошлого создал много их форм. Сегодня ученые разных стран занимаются типологией наконечников поворотных гарпунов, пытаются найти их исходные варианты. Однозначных ответов пока нет, хотя гипотез много, причем нередко взаимоисключающих. Поэтому можно понять мой интерес к коллекции гарпунов вообще и вдвойне после сообщения Савы Сиро о том, что в музее есть экземпляры, найденные в раковинной куче стоянки Хигаси-Кусиро III, относящейся к начальному периоду дзёмона. Таких древних гарпунов на Дальнем Востоке мне еще не приходилось видеть.

И вот в моих руках четыре гарпуна из Хигаси-Кусиро. Сделаны они из трубчатых костей животных и сравнительно небольшие (длина 8—10 сантиметров). Острые наконечников тщательно заточено, у основания небольшой перехват и открытое в виде желобка гнездо

для колка древка. Чем больше я вглядывался в эти находки, тем все меньше оставалось сомнений в том, что подобные изделия мне уже знакомы. Гарпуны из Хигаси-Кусиро поразительно напоминали наконечники из поселения на полуострове Песчаном у Владивостока. Особенно один (рис. 11, 2) в виде стержня, характерно изогнутого в нижней части. У него было так же оформлено основание с открытым желобчатым гнездом для колка, так же заострен и отогнут в сторону, как шпора, нижний раздвоенный конец. По всем основным признакам хигаси-кусирский гарпун выглядел двойником владивостокского.

Не означает ли это, что на Хоккайдо, в Хигаси-Кусиро, наконец найдены исходные формы поворотных гарпунов? Ведь здесь налицо и временной фактор — необходимая древность, начальный период дзёмона!

Несколько лет назад академик А. П. Окладников, занимаясь изучением материалов древнего поселения на полуострове Песчаном, относил найденные там наконечники к архаичным формам поворотных гарпунов и связывал с ними происхождение промысловых комплексов древнеэскимосских культур<sup>24</sup>. Правда, датировались они не каменным веком, а более поздним временем — I тысячелетием нашей эры. И тем не менее находки на полуострове Песчаном были древнее всех известных типов эскимосских гарпунов. Тогда эта интересная гипотеза не получила должной разработки. Более того, нашлись скептики, утверждавшие, что в районе Владивостока якобы отсутствуют убедительные доказательства существования охоты на морских животных. Известный американский археолог Честер С. Чард даже исключил из зоны распространения приморских хозяйственных укладов с развитым зверобойным промыслом не только Приморье, но и юг Кореи, а также Японские острова. Он считал, что найденные здесь гарпуны использовались как орудия рыболовства лишь для охоты на крупных морских рыб, например тунцов.

Новые фактические материалы опровергают такое мнение. На Хоккайдо есть немало свидетельств в пользу того, что охота на морских животных велась на острове еще в глубокой древности. При раскопках стоянки начального дзёмона Хигаси-Кусиро III в раковинной куче вместе с наконечниками гарпунов и ра-

ковинами моллюсков нашли кости морского льва-сивуча и тюленей.

Имеются убедительные доказательства процветания морского промысла и на других хоккайдских стоянках, относящихся к периоду среднего и позднего дзёмона. Наконечники гарпунов, в том числе и поворотного типа, были обнаружены на семи стоянках. Назовем пещеру Оомагари у города Абассири, поселения Фунадомари IV на острове Рэбун, а также Ириэ и Мицуя на южном побережье Хоккайдо. Везде такие орудия сопровождают остатки морских животных. А стоянка Фунадомари IV даже порадовала находками костей кита. Гарпуны этого пристанища древних людей периода позднего дзёмона выделены в особый тип, который так и называется фунадомари. Гарпуны фунадомари имеют сложную конструкцию, которая явно не требовалась для ловли тунцов. Вывод напрашивается один: поворотные гарпуны сложной конструкции использовались для охоты на морских млекопитающих. Следовательно, можно говорить о том, что поворотный гарпун в своем простейшем виде появился сначала как орудие для лова крупной рыбы, а затем со временем эволюционизировал в орудие для промысла морского зверя.

Архаичные по форме гарпуны из Хигаси-Кусиро позволяют высказать именно такое мнение. В то же время аналогии этим образцам, обнаруженные при раскопках хоккайдских поселений Ириэ и Мицуя позднего дзёмона, а также памятников I тысячелетия до нашей эры в Приморье и Корее, указывают на то, что эти примитивные, возможно, исходные, формы поворотных гарпунов долго сохранялись наряду с другими более развитыми формами.

Чем объяснить такой казался бы парадоксальный факт сосуществования типов гарпунов, возникших в разное время? Почему часто на одновременных и близко расположенных археологических памятниках встречаются гарпуны разных форм? Эти вопросы неоднократно ставились исследователями. Задают их и японские коллеги.

Представляется, что на выбор тех или иных форм гарпунов оказывали влияние различные экологические факторы, прежде всего микроклимат определенного микрорайона, и виды промысловых животных. Совет-

ские исследователи С. А. Арутюнов и Д. А. Сергеев, основываясь на статистическом анализе распространения гарпунов, убедительно показали, что в Северной Пасифике поворотные наконечники использовались только там, где море позволяло охотиться на морского зверя на плаву, то есть там, где море обычно покрыто плавучими льдами. К таким районам относятся Чукотка, северо-восточное побережье Камчатки, Охотское побережье, Северные Курильские острова, северная часть Хоккайдо. Почему в таких условиях применение зубчатых гарпунов было нецелесообразным, легко объяснить. Загарпуненное животное, как известно, стремится уйти под лед, а торчащий из его тела конец зубчатого гарпуна при этом легко ломается о подводную часть льдины. Для охоты у ледяной кромки или среди плавучих льдов требовались другие орудия, более приспособленные и эффективные. И такие орудия были изобретены зверобоями каменного века. Именно поворотный гарпун, проникая глубоко в тело животного и разворачиваясь поперек раны, во-первых, прочно удерживал добычу, а во-вторых, не мог быть сломан льдами, так как на поверхности от него оставался лишь эластичный гибкий линь.

В тех же местах, где плавучих льдов практически не бывает (например, у Алеутских островов), или, наоборот, там, где образуются сплошные ледяные поля п охота на морских млекопитающих возможна только у лунок-отдушин (к примеру, в высоких широтах побережья Ледовитого океана), гарпуны поворотного типа не имели широкого распространения. В таких районах использовались главным образом зубчатые наконечники.

В природных нюансах, думается, следует искать ключ к раскрытию еще одного, на первый взгляд, трудно объяснимого обстоятельства: почему на ряде древних стоянок острова Хоккайдо при том обилии костей морских животных, которые удалось обнаружить, найдено сравнительно немного поворотных наконечников гарпунов. Открытое большую часть года море у побережья Хоккайдо позволяло охотиться с помощью простых зубчатых гарпунов. И лишь в короткие сезонные отрезки времени, когда у берегов появлялись льды, зверобои вынуждены были применять другие орудия

лова — поворотные гарпуны, традиционно сохраняя их древние, проверенные жизненным опытом формы.

Можно еще отметить, что в зависимости от вида морских животных дифференцировались и орудия охоты. Например, плоские с тщательно заточенным острием наконечники, легко проникающие в тело животного и делающие глубокую рану, предназначались для охоты на крупных ластоногих, скажем, на лахтаха с его крепкой и упругой кожей. Для нерпы и других мелких тюленей такой гарпун не годился, он рвал тонкую шкуру и легко выдергивался, а зверь уходил. В этом случае был целесообразнее небольшой гарпун, иногда с боковыми зубцами, оттянутыми в сторону.

Такая специализация гарпунов подтверждается анализом сравнительного этнографического материала. Русскими путешественниками и исследователями XVIII—XIX веков были собраны ценные данные о быте, культуре, обычаях и хозяйственных занятиях населения Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америки. Среди этих материалов имеются сведения о морском промысле и о наконечниках гарпунов, которые назывались спицами или стрелками. Так, Е. И. Вениаминов, более десяти лет проживший миссионером на Алеутских островах, писал, что у алеутов были специальные «бобровые стрелки», «нерпичьи стрелки», «стрелки на сивуча», «китовые стрелки» и т. д. Подобные сообщения о гарпунах-стрелках коряков можно прочитать в дневниках В. Н. Тюшова, путешествовавшего в 1896—1897 годах по западному побережью Камчатки, а у Л. Я. Штернберга — о наконечниках айнов Сахалина. Таким образом, даже то небольшое, о чем мы рассказали, свидетельствует о том, что в целесообразности форм гарпунов, в их совершенной специализации аккумулирован опыт многих племен, многих поколений, прошедший через тысячелетия.

Ну, а как быть со сходством между наконечниками Хоккайдо и некоторыми типами древнеэскимосских гарпунов, которое отмечается археологами? Иными словами, есть ли связь между культурой дзёмон и эскимосскими культурами?

Думается, нет оснований связывать истоки эскимосских гарпунов с гарпунами дзёмона. При внимательном рассмотрении изделий хорошо видно, что, имея общее

сходство, орудия эти в то же время резко отличаются в деталях. Причем это коренные отличия, к тому же они преобладают. Не следует забывать того факта, что близкие типы орудий с отдельными чертами сходства могли возникать в разных районах конвергентно, независимо от проникновения или влияния других культур, как результат сходной экономической направленности хозяйства, сложившегося в районах примерно с одинаковыми природными условиями.

Вместе с тем нельзя игнорировать и те бесспорные аналогии, которые имеются в археологических материалах. Выше уже говорилось об удивительной близости наконечников из стоянки Хигаси-Кусиро и гарпунов из поселения на полуострове Песчаном у Владивостока. На Хоккайдо встречаются и другие формы наконечников, например фунадомари, тоже похожие на некоторые типы гарпунов, характерные для древних культур Охотского побережья, Курильских и Алеутских островов. Причем они встречаются в комплексах, среди вещей которых нетрудно найти тождественные хоккайдским не только гарпуны, но и предметы искусства и украшений.

Все это свидетельствует о том, что между племенами, в далеком прошлом населявшими побережье и острова северной части Тихого океана, издавна существовали культурно-этнические связи, происходил обмен культурными ценностями, идеями. Конечно, нельзя исключать и передвижения племенных или родовых групп, взаимные столкновения. Безусловно, имели место и ассимиляция отдельных этнических общностей, и образование смешанного населения. Однако, как свидетельствуют факты, на всем огромном пространстве от Полинезии до Амура в то далекое время не было ни одного сколько-нибудь значительного политического или экономического племенного объединения, которое могло бы преобладать или абсолютно довлеть над другими культурно-этническими группами. Здесь, несомненно, жили племена, различные по своему происхождению. По физическому типу они могли быть и австралоидами, и монголоидами. В Северной Японии, на Хоккайдо, это, возможно, были предки позднейших айнов, на материке, в Приморье и Приамурье, — палеоазиаты — предки нивхов, коряков, чукчей, ительменов



и эскимосов. Территориальное соседство обусловило постоянный обмен культурными достижениями. Процесс этот был взаимным и продолжался тысячелетия. В ходе такого длительного взаимодействия в культуре племен-соседей накапливались те общие элементы, которые сегодня фиксируются археологами. Причем не только в материальной культуре, но, что очень существенно, и в искусстве, в котором отражаются идеи и понятия древних охотников и зверобоев о мироустройстве.



Вечером мы выехали в Нэмуру. Сразу за окраинами Кусиро дорога круто повернула к востоку, вдоль берега залива Аккэси и большой его лагуны, известной своими крупными устрицами. Очертания бухты Хаманака и ее якорной стоянки, удобства которой отмечали еще мореплаватели XVIII века, рассмотреть не удалось. Берег и море поглотила темнота, изредка прорезаемая цепочкой огней: то ли портовых сооружений, то ли рыболовных судов.

Почная тишина и ровное гудение мотора экспедиционной автомашины настраивали на неторопливую беседу. Разговор зашел и о сибирской археологии, о новых памятниках и раскопках. Вспомнили Алексея Павловича Окладникова — лидера сибирских археологов. Советского академика хорошо знают и ценят в Японии. По словам Кото Кюдзо, об удивительных открытиях и необыкновенном чутье А. П. Окладникова ходят легенды.

Научное чутье. Обладает ли действительно таким качеством ученый, или такое объяснение придумано для тех, кому сопутствует удача? Сослаться на научное чутье после того, как открытие уже сделано, конечно, очень просто. Но правомерно ли успехи в науке объяснять только везением? Безусловно, в работе археолога, как и в любом научном поиске, присутствует элемент неожиданности и не исключена та самая «счастливая случайность». И все же подготавливаются открытия упорным трудом, суммой накопленных знаний своих и предшественников, настойчивостью в по-

исках. «Звездные часы» могут состояться, а могут и не состояться, но как бы то ни было ученый готовит их всей своей жизнью.

Харуо Ойи заговорил о научных трудах по археологии, изданных в последние годы в Советском Союзе, подчеркнув, что японских ученых, занимающихся азиатскими культурами, очень интересуют публикации советских коллег по этим вопросам. Отметим он и то большое впечатление, которое произвела на японских археологов монография «Древние поселения на Сахалине»<sup>25</sup>, переведенная на японский язык. Что же касается его личного мнения, то он склонен думать, что пока трудно доказать раннее возникновение охотской культуры на Сахалине.

Не спорю, проблема охотской культуры действительно требует дополнительных исследований, и они ведутся советскими археологами. Предстоит много сделать по уточнению и разработке деталей происхождения, развития, культурно-исторических связей охотской культуры. В нашей книге по Сахалину приводятся факты и их интерпретация. Но это совсем не значит, что мы претепдуем на безусловную истинность своих суждений. В науке такое и не принято. Поиски истины — это и накопление фактов, и дискуссии, и перепроверка, а иногда и пересмотр своих взглядов. Памятники охотской культуры есть и на Сахалине, и на Курильских островах, и на Северном Хоккайдо. Общение советских и японских археологов помогает выработать общие положения о месте охотской культуры среди других культур Тихоокеанского Севера, о хронологии ее памятников и их этнической принадлежности.

... Через два часа пути мы въезжаем в Нэмуру. Город расположен на северной стороне полуострова, носящего то же название, недалеко от границы Советского Союза. С мыса Носапп, северо-восточной оконечности полуострова, в ясную погоду видны горные хребты Кунашира и острова Малой Курильской дуги. До первого из них острова Сигнального отсюда всего три с половиной километра. У Японии, действительно, нет более близкого соседа, чем наша страна. И, конечно, не случайно в этой стране с каждым годом растет интерес к русскому языку, литературе, музыке. Группы, изучающие русский язык, есть во многих универси-

татах. Активно изучают русский язык на Хоккайдо. В Саппоро, Хакодате, Отару, Вакконае созданы курсы русского языка. Телевизионная корпорация «Эн-эйч-кэй» проводит уроки русского языка по телевидению, в которых принимают участие дикторы Московского телевидения.

Нэмуру — город рыбаков. Он весь пропах морем и рыбой. Когда-то здесь была древняя айнская крепость, руины которой можно видеть и сегодня. Дословный перевод айнского слова «нимоуруру» означает «жить в спокойствии с оградой с четырех сторон». Чтобы попасть в древнюю крепость, нужно подняться на крутой холм по винтообразно идущей тропе примерно на высоту 160—170 метров, где открывается довольно обширная площадка, густо поросшая высокой травой. Среди ее зарослей прослеживаются котлованы древних жилищ. Их довольно много. Осматривая крепость с Харуо Ойи, мы насчитали 12 таких котлованов, но думается, что их здесь больше. Айнское поселение в Нэмуру в прошлом было одним из самых крупных и влиятельных в восточной части Хоккайдо. Даже после разгрома айнского восстания под предводительством Сагусяина (1669), когда многие вожди айнских племен потеряли свою независимость и подчинились клану Мацумаэ, айны Намуро и Кусиро сохранили свою самостоятельность, а поселки их, как отмечается в летописях Мацумаэского дома, «были цветущие».

Люди Мацумаэ открыли местность Нэмуру в годы правления Гэнроку (1688—1703), но только в конце XVIII столетия (около 1780 г.) здесь впервые была поставлена «станция» для сбора податей с местного населения. В начале XIX столетия (1801—1803) лесопромышленник Сидироэмонэ купил эту местность и основал торговую контору, а позже и порт, в который прибывали коммерческие суда.

В регистрационных записях, относящихся к 1819 году, значит, что в то время в Нэмуру имелись контора для присутствия чиновников, барак, торговый магазин, амбар для хранения риса, бюро для рыбопромышленных сделок и торговый двор с гостиницей для приезжающих. Кроме того, было еще 11 домов для разных лиц. Отмечается также, что здесь жили 36 мужчин и женщин «исконных туземцев»<sup>26</sup>.

Заметную роль сыграл полуостров Нэмуру в развитии русско-японских отношений. У его берегов зарождались связи России с Японией. В 1739 году к его северным берегам приставали суда отряда М. П. Шпанберга Второй Камчатской экспедиции, занимавшейся изучением Курильских островов. А в начале октября 1792 года в бухту Нэмуру, отгороженную от открытого моря небольшим островком Бэнтэндзима, вошла бригантина «Екатерина», которой командовал штурман В. Ловцов. На борту бригантинны находился русский посол Адам Лаксман, направленный русским правительством для установления торговых отношений с Японией. Он привез с собой грамоты для правительства «Ниппонского государства», а также доставил трех японских подданных, унесенных штормом и потерпевших кораблекрушение у российских берегов.

Адама Лаксмана и его спутников доброжелательно встретили местные жители — «мохнатые курильцы», как тогда русские мореходы называли айнов. Среди них было также несколько японцев — служащих дома Мацумаэ. В своем «Журнале» Адам Лаксман отмечал: «На берегу у них выстроен был дом, амбар и травкою крытый сарай... курильцы же поставили на берегу шалаши, или их летние юрты наподобие конусов, и как покрыли оные схожими на циновки, сделанными из травы и тонкого камышу, называемыми на их языке цырелами, каковыми и во внутренности всю юрту кругом около раскладываемого посредине огня устилают»<sup>27</sup>.

Во время визита к японским чиновникам Адам Лаксман получил разрешение на «прозимовку» и строительство на берегу «светлицы и казармы». Он попросил послать гонца с письмом к правителю дома Мацумаэ. В своем письме русский посол, подчеркивая, что законы Российского государства обязывают относиться с заботой к потерпевшим кораблекрушение, отмечал: «... Российская государыня, по высокоmaterинскому и единственно о благе человечества пекущемуся покрову, указать соизволила иркутскому генералу-губернатору Пилю, чтоб упомянутых подданных великого Ниппонского государства возвратить в их отечество, чтоб они могли видаться со своими родственниками и соотечественниками.

Вследствие такового высочайшего е. и. в. повеления Его Высокопревосходительство и направил нас как для посольства в великое Ниппонское государство к главному правительству, так и для доставления одного государства подданных в свое отечество и с подробнейшим описанием о их приключении и обо всем прочем по соседственной смежности».

И далее: «дошед до сего берега, обитаемого курильцами, свиделись со служителями начальства вашего и почли за лучший способ, как уже наступило позднее осеннее время, здесь зимовать, рассудили, для сведения вашего и собственной пользы нашей для безопасности будущей весны впредь путешествovanja, просить и о доставлении вам письма нашего, которым просим, чтоб вы от себя великого Ниппонского государства главному правительству возвестили о нашем туда шествии...»<sup>28</sup>.

Отправив письмо к Мацумаэ, русские приступили к строительству светлицы и казармы для зимовки экипажа. В конце ноября казарма — самое большое в то время в Нэмуру строение из крупных бревен — была готова. Перезимовав, «Екатерина» отплыла из Нэмуру в залив Хакодате. Оттуда Адам Лаксман и его спутники отправились к Мацумаэ, где и состоялись переговоры с участием высокопоставленных правительственных сановников, специально прибывших из Эдо. В конце августа 1793 года после окончания переговоров миссия Адама Лаксмана покинула порт Хакодате и 8 сентября благополучно возвратилась в Охотск.

Результаты первого посольства в Японию русское правительство расценило как успешные. Адам Лаксман получил желаемый «лист японского правительства, дозволяющий безвозбранно россиянам для торговли приходить в одну токмо Нангасакскую гавань (порт Нагасаки.— *Р. В.*)»<sup>29</sup>.

Японцы, Кодая, Коити, Исокити, доставленные Адамом Лаксманом на бригантине «Екатерина» на Хоккайдо (Эдзо) в 1792 году, а также другие японские подданные, побывавшие в России, хорошо отзывались о стране и ее народе, хвалили русское гостеприимство. Показательны в этом отношении, в частности, записи допросов Кодая после его возвращения на родину. Эти его рассказы на допросах обобщены в прекрасной

книге японского писателя Ясуси Иноуэ «Сны о России», недавно у нас переизданной<sup>30</sup>.

Со страниц книги перед нами предстают привлекательные образы русских людей и самой России. Книга рассказывает, о том, что приглашение к мирным и добрососедским отношениям исходило от Русского государства.

Доброе дело начиналось на берегах Нэмуру. Хорошо бы это помнить. К сожалению, кое-кто в сегодняшнем Нэмуру забыл добрые дела и слова своих соотечественников. Есть в Нэмуру люди, которые периодически организуют кампании за «возвращение северных территорий». Причем одни подразумевают под этим Южные Курильские острова, другие — все Курильские острова, третьи — не только Курильские острова, но и Южный Сахалин. Попытки оправдать притязания тем, что жители Курильских островов и Южного Сахалина — айны — когда-то якобы были подданными Японской империи, не имеют реальных оснований. Это понимает большинство японцев, в том числе и жителей Нэмуру, людей самых различных слоев японского общества.

На приеме, устроенном мэром Нэмуру, и мэр города Тэрадзима Исао, и председатель отделения Общества японо-советской дружбы префектуры Нэмуру Хисао Мураяма, и депутат Нэмурского муниципального совета Ямасьта Киёси, и археолог Ясуо Китакамаэ — все говорили о необходимости развития японо-советского сотрудничества в области рыболовства, торговли, науки и культуры. И научные работники, и проетые рыбаки, с которыми мне приходилось встречаться, в своих высказываниях проявляли заинтересованность в дружбе наших народов: «Нам нужно сотрудничать; нужно, чтобы Японское море не разделяло, а объединяло наши народы». Хочется верить, что это были искренние слова.

Наши совместные работы — «первые японо-советские археологические раскопки», как о них сообщили здешние газеты, тоже способствуют доброму делу — деловому научному сотрудничеству и дружбе.

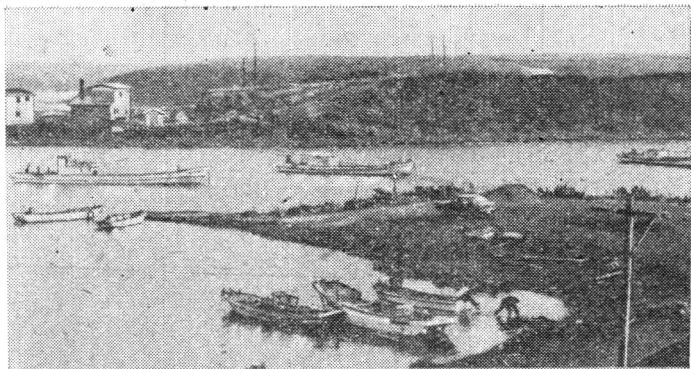
Достигнув невиданных высот в развитии науки и техники, наш современник все чаще оборачивается назад и задумывается над тем, как развивалось чело-

вечество, каким был процесс эволюции от наших предков, одетых в звериные шкуры и обитавших в пещерах, до сегодняшних чудо-городов, заводов-автоматов, космических кораблей.

Археология как раз и является той «машиной времени», которая позволяет заглянуть в глубь тысячелетий и восстановить хотя бы в общих чертах жизнь людей отдаленных эпох. Через призму археологических открытий прослеживаются те достижения прошлого, которые лежат в основе современной человеческой культуры и цивилизации. Этим во многом и определяется огромный интерес к археологии и археологическим открытиям во всем мире. Человек второй половины XX столетия хочет больше знать о своем прошлом. Не является исключением в этом отношении и Хоккайдо.

Интенсивное строительство дорог и освоение новых районов, начавшиеся на острове с середины 60-х годов, привели к массовому разрушению древних памятников. Естественной реакцией научной общественности было развертывание широких археологических раскопок для изучения культурных ценностей, которым грозило или грозит уничтожение. В настоящее время археологические исследования проводятся на Хоккайдо университетскими центрами, отделами культуры комитетов просвещения местных муниципалитетов и местными музеями. На острове активно действует «Археологическое общество Хоккайдо», насчитывающее более 100 членов и объединяющее археологов, антропологов, любителей-краеведов. Его возглавляет известный археолог Тосио Оба. Обществом издается журнал «Археология Хоккайдо» («Хоккайдо Кокогаку»). Археологические научно-исследовательские общества созданы и при ряде муниципальных музеев. На Северном Хоккайдо такие общества существуют при музеях Кусиро, Абассири, Вакканая. Любители-археологи оказывают большую помощь в организации раскопок, охраны памятников, в издании собранных материалов. Музей Кусиро, например, издает «Известия муниципального краеведческого музея» — с периодичностью шесть номеров в год.

За последние годы значительно увеличилось количество исследуемых на Хоккайдо памятников различ-



*Рис. 12. Остров Хоккайдо, бухта Нэмуру.*

ных эпох. Если в 1970—1971 годах раскопки велись на 35—37 памятниках, то в 1977 году исследовалось более 60 стоянок, поселений, городищ и могильников. Причем отчетливо наметились тенденции интенсификации археологических поисков и раскопок в северной части острова, где выделяется несколько таких районов. К их числу относится и полуостров Нэмуру (рис. 12).

### **РАСКОПКИ В ТОСАМПОРО**

Рано утром 1 октября выезжаем к месту раскопок. Наш маршрут пролегает через места древних стоянок Ноцкаман, Тосампоро, Оннэмото, мыс Носапп, предполагает осмотр остатков айнских полуподземных жилищ — татэана, составляющих группу Нисицукигаока. Древних памятников здесь много. Только в районе Тосампоро, по подсчетам японских археологов, обнаружены остатки более 1200 древних жилищ, относящихся к различным эпохам: от раннего дзёмона (7 тысяч лет назад) до XVIII столетия. Столь высокая концентрация древних памятников в одном месте и на сравнительно небольшой площади необычна. По-видимому, прав профессор Токийского педагогического института Явата Итиро, утверждая, что «такого места для архео-



логических раскопок в Японии нигде больше не най-  
ти». Именно это «созвездие» древностей послужило  
основанием для министерства просвещения определить  
район Тосампоро в качестве учебного полигона для  
археологической практики студентов сначала Токий-  
ского педагогического института, а затем и универси-  
тета Цукуба. Силами этих учебных заведений иссле-  
дования в Тосампоро ведутся вот уже десять лет.

В 1977 году на стоянке Тосампоро I работали сту-  
денты университетов Цукуба, Васэда и Хоккайдо. Ру-  
ководил раскопками археолог Усио Маэда. К моменту  
нашего приезда студенты раскопали два жилища № 6  
и № 7 и приступили к расчистке третьего, обозначен-  
ного на общем плане стоянки под № 1. В эту работу  
включились и мы.

На современной поверхности хорошо был виден до-  
вольно большой котлован древнего жилища. Он зани-  
мал площадь около 200 квадратных метров. Приступая  
к раскопкам, котлован разделили специально изготов-  
ленными пластмассовыми колышками на метровые  
квадраты. Так было удобнее вести раскопки и с мак-  
симальной точностью фиксировать находки. Разделен-  
ный на квадраты раскоп в соответствующем масштабе  
был повторен на планшете.

Поквадратно сантиметр за сантиметром разбиралось  
заполнение жилища, освобождалось от глины и песка.  
Каждый шаг в работе воссоздавал живые картины  
давно ушедшей жизни. Кроме орудий из камня и ко-  
сти, черепков глиняных сосудов, которые стали попа-  
даться уже в верхнем слое, расчистили много глубо-  
ких ямок. Эти ямки располагались с небольшими ин-  
тервалами по контуру жилища: здесь когда-то стояли  
деревянные столбы, служившие опорой для кровли жи-  
лища. У одной из стенок удалось проследить допол-  
нительный ряд ямок, а между ними — углистую поло-  
су. Возможно, здесь находились нары.

Большой радостью для всех было открытие очага.  
Когда появились камни очажной кладки, расчистка  
стала особенно тщательной и осторожной. Это позво-  
лило сохранить все детали конструкции очага. Древ-  
ние люди разместили его почти в самом центре жили-  
ща. Для очага в полу была выкопана овальная яма,  
дно которой обмазано глиной, а по сторонам вертикаль-

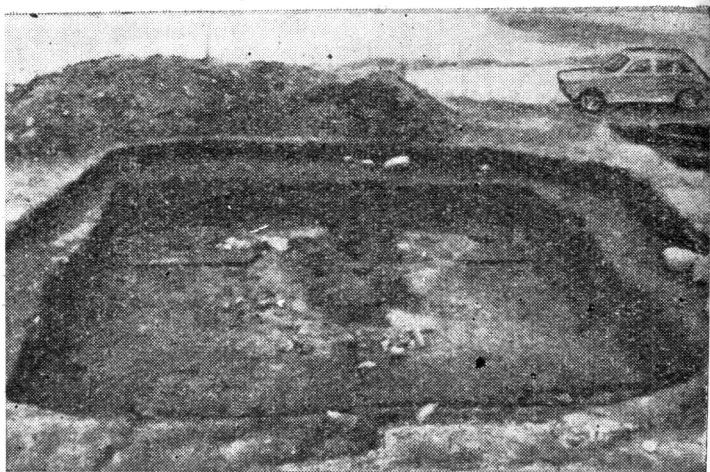
но поставлены каменные плиты. Получилась настоящая каменная печь, простая и удобная. В этой печи сохранилось большое количество золы, угольков и мелких пережженных косточек. Вокруг очага обнаружили черепки глиняного горшка, обломок кремневого ножа, скребок, костяной остроконечник, раковины моллюсков, расколотые кости животных. Некоторые из них оказались обгорелыми. Интересно, что кости тюленей и оленей лежали вместе.

Каждое найденное орудие, черепок, раковина, скопление углей, ямки, темные углистые прослойки — следы сгоревшего дерева — решительно все наносилось на план. Для удобства и точности фиксации каждая из находок в процессе раскопок отмечалась особым флажком на небольшом металлическом стержне, который втыкался в землю. Не были забыты даже самые мелкие осколки косточек. Они, как и отдельные предметы или их сочетания, важны для общей оценки жилого комплекса.

Следует отметить, что нередко кухонные и очажные отбросы для реконструкции экономических и социальных структур древних обществ даже гораздо важнее, чем ценные находки. Русская и советская археологическая наука всегда уделяла особое внимание таким «мелочам».

Академик М. П. Погодин, подчеркивая значимость рядового археологического материала, отмечал: «... Узкое окошко в церковной стене, та или другая линия в резных или лепных украшениях, какая-то дверь, лоскуток заскорузлой кожи, знак, вырезанный на камне, обломок глиняной вещи или медный крестик, старый кирпич — также памятники, в некоторых случаях гораздо более драгоценные, нежели золотое монисто или серебряное ожерелье»<sup>31</sup>.

После I съезда археологов России, на котором были сказаны эти слова, прошло более ста лет. За это время произошли коренные изменения в археологии, возросли ее возможности, расширились виды ее источников. Определяя уровень и способы хозяйства той или иной древней системы, советские археологи сейчас широко используют фаунистические и растительные остатки, всесторонне изучают древние орудия труда, а также природную среду, в условиях которой проходи-



*Рис. 13. Стоянка Тосампоро. Котлован древнего жилища.*

ло ее развитие, привлекают этнографические материалы.

Многие методы, разработанные советской археологией, используются сейчас зарубежными исследователями, в частности и японскими коллегами.

На третий день раскопок, когда после тщательной зачистки обнаружилась твердая, как бы намеренно утрамбованная и обмазанная глиной поверхность настоящего пола, мы смогли представить, каким было это большое ( $13 \times 12$  метров) пятиугольное в плане полуподземное жилище (рис. 13). Для его сооружения в земле рылась обширная яма с отвесными стенками, которые обшивались деревом. Над стенами возводилась пирамидальная крыша из плотно пригнанных друг к другу бревен. Снаружи крыша, очевидно, покрывалась сухой травой, а затем засыпалась землей. На самом верху имелось отверстие для выхода дыма. Оно, по-видимому, служило и входом в жилище, так как, несмотря на тщательность поисков, обычного входа или каких-либо его следов обнаружить не удалось.

Жилище это по своей конструкции напоминало полуземлянки, распространенные в прошлом у гиляков (нивхов), коряков, камчадалов.

В. И. Иохельсон в своей богато иллюстрированной монографии «The Koryak» дает такое описание жилища приморских коряков: «Чтобы выстроить подземную юрту, роется круглая яма в 1—1,5 м глубиной, в которой закладываются стены в виде восьмиугольника, но с неровными сторонами. На восьми углах вкапываются столбы высотой в рост человека, между ними вбивается два вертикальных ряда расколотых бревен; все скважины между ними законопачиваются сеном. В верхушках 8 основных столбов сделаны гнезда, в которые вставляются шипы поперечных балок. Верхние концы вертикальных стен вставляются в выемки этих балок... В центре жилища врываются четыре главных столба. Они поддерживают крышу юрты и образуют квадрат. В больших юртах диаметр этих столбов более 30 см, а высота от 5 до 7 м. На верхних концах их выдалбливаются гнезда, в которые вставляются две поперечные балки, в выемки на их концах вставляются две другие балки, так что все четыре образуют верхнюю квадратную раму. От этих балок до верхних переключдин нижних стен накладываются полубревна, составляющие потолок... Все щели потолка и стен тщательно конопатились сеном и засыпались землей»<sup>32</sup>.

Далее В. И. Иохельсон сообщал, что посередине одной из боковых сторон юрты пристраивались сени в виде узкого коридора, крытого жердями, которые затем засыпались землей. Высота «сений едва в человеческий рост». Земляной пол их делался слегка наклонным к дверям юрты. Входить в юрту через эти «сени» можно было только в летнее время, в период рыбной ловли и охоты на морского зверя, то есть с начала мая до конца октября. В конце октября, когда байдара вытаскивалась из воды на берег, дверь в «сени» закрывалась, прочно закладывалась сухой травой и засыпалась землей. Теперь, чтобы попасть в юрту, нужно было спускаться по бревну-стремянке, которое специально ставилось вертикально к отверстию в крыше. Стремянка делалась из расколотого вдоль бревна, на гладкой стороне которого через интервалы в 30—40 сантиметров долбили зарубки-ступени.

Очень тяжелые вещи, а также больных и немощных стариков поднимали и опускали в жилище при помощи ремней.

«Посередине земляного пола юрты в 50 см от стремянки ближе к стене с сениями сооружался очаг из продолговатых каменных плит, положенных на расстоянии 50—60 см друг от друга. Причем тот, кто опускался или поднимался по стремянке из юрты, был всегда лицом к огню... Внутри жилища, на стороне, противоположной сениям, за опорными столбами устраивался помост из досок, высотой от 30 до 60 см. Сверху он покрывался тюленьими и оленьими шкурами и служил спальным местом для гостей. Такие же спальные места устраивались и вдоль боковых стен юрты: справа для хозяина, слева для его братьев, родственников.

По углам юрты, а также в местах между спальными полами хранились предметы домашнего обихода, охотничье снаряжение, рыболовные снасти и другие необходимые в хозяйстве инструменты...»<sup>33</sup>

Должно быть, так выглядело и древнее жилище в Тосампоро. Это была такая же полуземлянка с центральными опорными столбами, поперечными балками, деревянным перекрытием и земляной насыпью сверху. Так же посередине жилища располагался очаг, сооруженный из вертикально поставленных каменных плит. Правда, мы не нашли здесь ни сеней-коридора, ни обычного входа. Но, как уже отмечалось, такой вход использовался только в летний период, в остальное время для этих целей служило дымовое отверстие землянки. Недаром, например, в языке гиликов понятия «входить» и «выходить» из дома выражаются словами, буквально означающими «нырнуть» и «вынырнуть», что вполне соответствует способу входа и выхода через дымовое отверстие.

Не исключено, что жилище в Тосампоро было зимним, а поэтому и имело один верхний вход-выход.

Кто же мог построить этот дом и когда? На эти и многие другие вопросы ответил собранный в процессе раскопок материал.

Прежде всего было установлено путем сравнения находок в Тосампоро с вещественным материалом других, ранее изученных, памятников Хоккайдо, что раскопанное жилище, как и жилище № 6 и 7, принадлежит населению так называемой охотской культуры. Фрагменты глиняной посуды, обнаруженные на полу жилища, существенно помогли утвердиться в этом

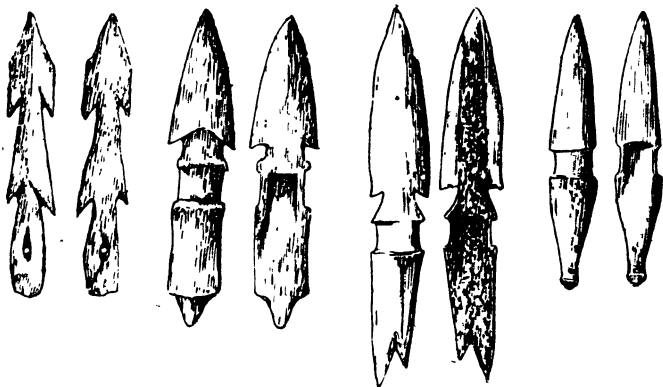
мнении. Терпеливо складывая отдельные черепки, японским археологам удалось восстановить почти целый сосуд. Он оказался горшковидной формы с толстым венчиком и рельефными аппликациями. Такие сосуды типичны для поселений охотской культуры IX—XI веков. В этот период и был построен дом в Тосампоро, и, судя по кухонным остаткам, люди жили в нем довольно долго.

Об охотской культуре сегодня можно рассказать многое. Поселения этой оригинальной культуры были известны давно, но долгое время их относили то к айнской культуре, то к культуре раковинных куч или даже эскоалеутской, а то приписывали легендарным тончам либо карликам-коропоккуру. Лишь в 1935 году японский археолог Кано Хиромити впервые использовал термин «охотская культура», подчеркивая тем самым специфические особенности ее поселений, отличие от других культур, прежде всего от островной культуры айнов.

Интересна эволюция самого термина «охотская культура». Сначала появилось название «охотская прибрежная культура», затем — «охотскоморская прибрежная культура», далее — «охотская керамическая культура» и, наконец, — «охотская культура».

Такое название не случайно. Поселения охотской культуры, как правило, располагались вдоль побережья Охотского моря в небольших удобных бухтах и лагунах, чаще всего в устье рек. Люди строили большие полуземлянки, в которых могло жить 20 человек. Жилища эти были теплыми, хорошо защищали от зимней стужи и холодных ветров. Кроме таких зимних домов сооружались и легкие летние постройки типа шалашей или индейских вигвамов, куда жители переселялись в теплое время из душных полуземлянок.

Сохранившиеся орудия и многочисленные фаунистические остатки рассказывают нам, чем занималось население побережья Охотского моря. Экономической основой охотской культуры был морской промысел. Широкое развитие получили охота на тюленей, сизучей, китов, а также рыболовство. Для охоты на морских животных использовались костяные наконечники гарпунов двух видов: зубчатые и поворотного типа (рис. 14). Гарпуны оснащались каменными лезвиями,



*Рис. 14.* Костяные наконечники гарпунов охотской культуры.

сделанными из кварцита, базальта, кремня, а иногда обсидиана. Позже стали появляться лезвия из железа. О развитии рыболовства свидетельствуют находки рыболовных крючков и каменных грузил. Применялись простые и составные рыболовные крючки. Простые крючки изготавливались из костей крупных животных (форма их напоминает латинскую букву U) и из рога оленя (в форме V). Составные крючки монтировались из жальца-стержня, сегментовидно перекрывающегося с дугой, или из двух стержней, срезанных под углом и соединенных вместе (рис. 15). Найдены также крючки, длина которых достигает 20 сантиметров. Эти орудия могли использоваться для ловли крупной рыбы, такой, например, как тунец.

Какую рыбу употребляло в пищу охотское население, гадать не приходится. Рыбьи кости, обнаруженные на стоянках, позволили специалистам-ихтиологам определить виды рыб. Оказалось, что в зимнее время жители поселений охотской культуры ловили главным образом треску, окуня, терпуга, сельдь, а летом — камбалу. Любопытно отметить одну деталь: костные остатки лососевых представлены очень скудно. Можно предположить, что в прошлом лосось не шел такими большими косяками, какие известны у берегов Северного Хоккайдо в последние столетия.

Много интересного рассказали и кости млекопитающих. С самых ранних по времени горизонтов в культурных отложениях поселений встречаются кости кита. Следовательно, охота на этих крупных млекопитающих уходит в глубокую древность. Среди ластиногих преобладают кости тюленей, морских котиков и морских львов (сивучей). Причем, что интересно, чаще встречаются кости взрослых сивучей. Не свидетельствует ли это о селекционном подходе при охоте на морских животных, когда практиковалась какая-то система сохранения молодняка?

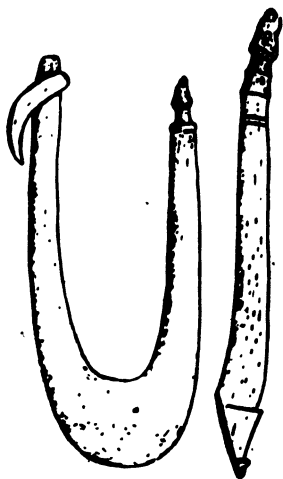


Рис. 15. Рыболовные крючки.

Наряду с промыслом морского зверя и рыболовством получила развитие и охота на суше. Охотились на оленя, медведя, волка, лисицу. Кроме того, среди фаунистических остатков довольно часто встречались кости собак и свиней. На поселениях Моёро у города Абассири, например, обнаружили 300 черепов собаки, причем на многих из них имелись следы от ударов, нанесенных острым орудием. По мнению японских археологов, это указывает на то, что мясо собак служило дополнительной пищей охотского населения, как это было у народов соседних районов, например гиляков, корейцев. Установлено также, что кости свиней на поселениях охотской культуры принадлежали породе, которая не была распространенной на Японских островах, а, как думают исследователи, ввозилась с материка. В частности, такая порода свиней была известна в I тысячелетии до нашей эры в районе Владивостока.

В зависимости от географических и экологических факторов на отдельных поселениях охотской культуры Хоккайдо видовой состав фаунистических остатков менялся. В соответствии с этим наблюдались изменения в комплексах, форме охотничьих орудий и даже в материальной культуре в целом. Основываясь на этих



локальных чертах, японские археологи выделяли на побережье Северного Хоккайдо шесть групп памятников (территориальных объединений) охотской культуры: Нэмуру, Сирэтоко, Абассири, Кавадзири, Соя (центр Вакканай), Рэбун (центр Кабукай). Кроме того, Харуо Ойи называет еще одну региональную группу охотской культуры на острове Рисири.

Каждая локальная группа людей занимала определенную территорию, имела постоянное центральное поселение и несколько сезонных летних лагерей. По подсчетам Харуо Ойи, такие территориальные группы могли объединять 100 человек. Численность населения отдельных поселений и групп, по-видимому, во многом зависела от экономического потенциала освоенной местности, а сезонное и географическое распределение ресурсов обуславливало характер деятельности людей. Например, на поселениях группы Нэмуру, в окрестностях которых водились большие стада оленей, кости этих животных представлены довольно широко и составляют почти 20 процентов, тогда как на поселениях острова Рэбун их нет совсем. Состав фаунистических остатков на поселении Кабукай (остров Рэбун) позволяет нам представить, конечно в общих чертах, каким было меню его жителей. Зимой в пище преобладали треска, терпуг, сельдь (80%), охотились на морских котиков, сивучей, тюленей (15%), ловили морских ежей (3%), не отказывались от собак и свиней (2%), летом ловилась камбала, бычки и другая мелкая рыба (около 40%), а также крабы (2%) и птицы (баклан, альбатрос). Кроме того, на поселении обнаружены кости медведя (5%) и пяти китов.

Круглый год население охотской культуры занималось сбором раковин съедобных моллюсков и морской капусты. Почти на каждом поселении вблизи жилищ можно видеть большие кучи раковин. В основном это раковины устриц (*Ostrea gigas*) и моллюска литорина (*Littorina* sp.), обитающих в прибрежной зоне.

Трудно, конечно, представить, чтобы морские охотники и рыболовы, а также собиратели раковин моллюсков и морской капусты не выходили в открытое море. Но для этого требовались лодки. И они были у жителей поселений охотской культуры. На костяных игольниках и на глиняных сосудах сохранились ри-

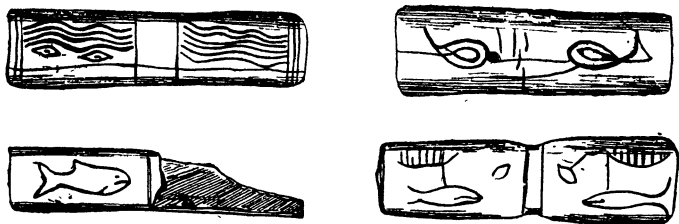


Рис. 16. Костяные игольники охотской культуры.

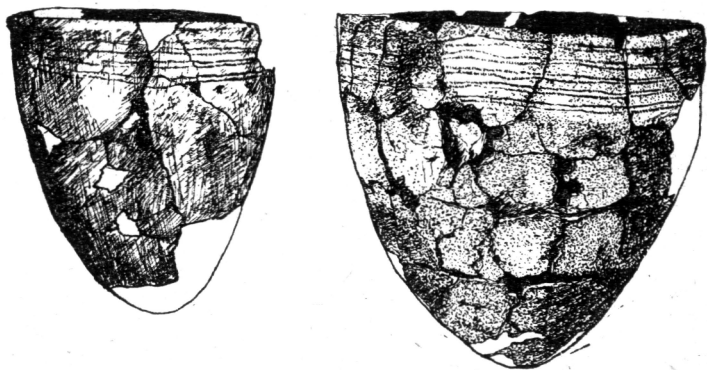
сунки со сценами охоты на китов (рис. 16). На них изображены большие лодки, которые могли вместить 8—10 человек. Кроме того, на поселении Кабукай найдены глиняные модели лодок. Лодки изготовлялись из досок, достигали в длину 5—6 метров, были рассчитаны на выход в открытое море и, очевидно, предназначались для рыбной ловли.

Целый набор костяных и каменных инструментов — ножей, скребков, шилей, проколов — предназначался для разделки убитых животных и рыбы, а также для обработки шкур.

Жители поселений охотской культуры, как уже отмечалось, имели разнообразную глиняную посуду. Они еще не знали гончарного круга, но ручным способом умели лепить сосуды разных форм: горшковидные, шаровидные, в виде банок и кубков. Все такие сосуды имели плоское дно. Лишь на стоянке Онкороманай, расположенной в районе мыса Соя и относящейся к раннему периоду охотской культуры ( $430 \pm 70$  лет нашей эры), найдена остродонная и круглодонная посуда (рис. 17).

Обжигали глиняные горшки в больших кострах. Из-за низкой температуры (около  $500^\circ$ ) обжиг получался неровным, а цвет керамики неярким.

Перед обжигом сосуды украшались. Узор наносился при помощи шнура, оттиски которого делались на мокрой глине (шнуровой орнамент), или тонкой палочкой прочерчивались горизонтальные линии, насечки (линейный орнамент), или фигурным штампом выдавливались овалы, треугольники, х-образные фигуры, медвежьи лапы и т. д., или наклепливались тонкие глиняные ленты — аппликации.



*Рис. 17. Глиняные сосуды, найденные на стоянке Онкороманай.*

На керамике различных территориальных групп поселений острова Хоккайдо отмечены локальные вариации орнаментальных сюжетов.

В целом мы имеем дело не с примитивной культурой прибрежных собирателей, какую, например, застали европейские путешественники в XVI—XVII веках на Огненной Земле, а с развитой системой приморского хозяйства как особого вида экономики. В сравнении с хозяйственно-культурными укладами континентальных охотников этот вид хозяйственной деятельности был более прогрессивным, более эффективным и в большей степени обеспечивал демографическую устойчивость населения.

Морским зверобоям уже не нужно было бродить по лесам в поисках добычи. Они селились в тех местах, где находились лежбища ластоногих. Морской промысел давал им возможность заготавливать пищу впрок, он привел к прочной и постоянной оседлости, что обусловило появление больших полуподземных жилищ и даже поселков каменного века.

Естественно, что в процессе формирования новой культуры изменения произошли не только в экономике, но и в мировоззрении населения, его идеологии.

На поселениях охотской культуры острова Хоккайдо собраны богатые коллекции разнообразных предметов искусства. И особенно много изделий из резной кости: фигурки и изображения морских животных

(кит, сивуч, тюлень), медведей, рыб, птиц. Работу древних мастеров отличают большое художественное мастерство и превосходное знание биологических свойств животного мира. Сюжеты такого изобразительного творчества отражают не только экономическую направленность хозяйственной деятельности населения охотской культуры, не только эстетические принципы людей той далекой эпохи, но и, что более существенно, идеи, понятия, воплощенные в предметах искусства.

Можно, конечно, только сожалеть, что великолепные образцы искусства охотской культуры не собраны в одном месте, а рассеяны по различным музеям и частным коллекциям.

С первыми такими художественными изделиями из резной кости я познакомился в доме Ясуо Китакамаэ.

Однажды, возвращаясь в Нэмуру с осмотра раскопок древнего айнского поселения, на повороте к берегу моря Ясуо Китакамаэ вдруг резко затормозил и предложил выйти.

— Смотрите,— сказал он, указывая в глубь бухты, где почти у самой линии горизонта виднелась узкая полоска.— Это остров Бэнтэндзима. Когда мне было 15 лет, я нашел там чудесные вещи, вырезанные из кости. Они должны Вас заинтересовать. Находки хранятся у меня дома, приглашаю Вас посмотреть.

И вот один из вечеров мы провели в доме Китакамаэ.

Это был типичный японский дом с необходимыми элементами модернизации, соответствующей духу времени. Изящные раздвижные стены-перегородки — сёдзи, позволяющие компоновать различные варианты комнат — то спальню, то гостиную, низкий стол на коротких ножках — сувари-пухуэ, такой же низкий комод, маленькие подушки для сидения — дзабутоны, на которых с моими длинными ногами без должного навыка сидеть по-японски было трудно, поэтому для меня поставили кресло. Когдаходишь в такое помещение, испытываешь чувство легкости и простора: во-первых, нет ничего лишнего, а во-вторых, хрупкие стены не создают замкнутого пространства, их как

бы не существует. Все предельно просто. Но я бы сказал, это какая-то особая, роскошная простота.

Небольшой уютный кабинет Ясуо Катакамаэ тем не менее обставлен в европейском стиле. Вдоль стен выстроились книжные шкафы. В них много редких книг. Привлекают внимание дореволюционные русские издания «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера, «Описание земли Камчатки» С. П. Крашенинникова, Н. В. Стеллера, давно ставшие большой библиографической редкостью. С интересом рассматриваю альбом уже пожелтевших фотографий старого Южно-Сахалинского музея и его экспозиций: коллекция каменных орудий, найденных в районе Холмска, костяные изделия из Невелвека...

Наконец, Ясуо Китакамаэ достает из шкафа небольшую коробку:

— А вот это находки с острова Бэнтэндзима, о которых я Вам говорил.

Прежде всего бросается в глаза небольшая, высотой около 6 сантиметров, женская статуэтка (рис. 18). Несмотря на то, что у нее отбита голова и повреждены кисти обеих рук, выполнена она прекрасно. Мягкими линиями очерчены покатые плечи, небольшая приостренная грудь, изгиб талии и бедер. В передаче линий женской фигуры улавливалось тонкое художественное чутье. С большим мастерством изобразил древний резчик по кости свою современницу.

Я держал в руках фигурку — еще одно безмолвное свидетельство старой истины: вещи долговечнее людей. Люди уходят, после них остаются вещи и продолжают

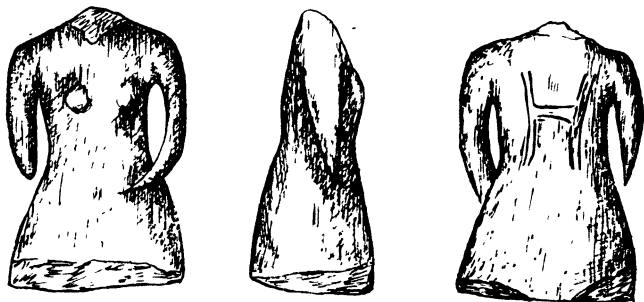


Рис. 18. Женская статуэтка с острова Бэнтэндзима.



Рис. 19. Костяной игольник с острова Бэнтэндзима с изображением сцены охоты на кита.

жить своей таинственной жизнью... Ощущение именно такой ускользающей тайны рождала скульптура женщины, оставленная на древней стоянке острова Бэнтэндзима около тысячи лет назад.

Футляр для костяных игл, сделанный из кости крупного животного (рис. 19), привлекал внимание тем, что на одной из его сторон была выгравирована сцена охоты на кита. Охотники в большой лодке с силой гребут, стараясь приблизиться к киту. Кит ранен, в него вонзились два копыя и гарпун, но он еще силен и мощно тянет за собой лодку с охотниками. Видно, как от ее быстрого хода рассекаются волны. Сцена эта в деталях напоминает рисунки коряков, опубликованные в свое время В. И. Иохельсоном, и дает возможность полнее представить китовый промысел.

Познакомился я также с коллекцией скульптурных изображений, найденных на стоянке Оннэмото, расположенной в полутора километрах к западу от мыса Носапп. Особое впечатление произвели фигурки тюленей, медведей и лисиц. Не восхищаться этими подлинными произведениями искусства просто было невозможно. Следует отметить, что в одном из жилищ стоянки Оннэмото на полу обнаружили угли. Радиоуглеродным анализом установлено: люди жили здесь в IV веке нашей эры. Исследователи, таким образом, получили надежную датировку этих интересных скульптурных изображений.

В последние годы в научной археологической литературе широко используется понятие «неолитическая революция», что означает переход к земледелию, к скотоводству как к новым типам хозяйственной деятельности. Нередко при этом культуры земледельцев противопоставляются культурам охотников и рыболовов. Нет сомнения, переход к земледелию означал ко-

ренные изменения в экономике. Земледельцы в своем развитии опередили своих собратьев, оказавшихся в менее благоприятных природных условиях. И все же, как мы теперь знаем, древние охотники и рыболовы не были «дикарями», какими их пытаются иногда изображать зарубежные историки.

На обширных пространствах Северной Пасифики складывались и развивались не менее яркие и самобытные культуры, которые внесли свой вклад в мировую цивилизацию. К числу таких самобытных культур относится и охотская культура морских зверобоев, рыболовов и собирателей.

Где лежат истоки этой культуры? Кто ее носители? Эти вопросы все еще вызывают споры.

### ПОИСКИ ИСТОКОВ ОХОТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Из Намуро наш путь пролегал на северо-восток к полуострову Сирэтоко, где предстояло осмотреть несколько древних стоянок. Первой была стоянка Санбонги, расположенная в устье реки Сибэцу. На низменной местности, густо поросшей травой, сохранились следы 22 тесно примыкавших друг к другу полуподземных жилищ. Шесть из них относятся к охотской культуре, остальные — к так называемой культуре сатсумон. Харуо Ойи предполагает, что на этом поселении сначала жили носители охотской культуры, а затем сюда пришли сатсумонцы.

Продвигаясь далее по северо-восточной стороне полуострова Сирэтоко, осматриваем стоянки Мацунари, Раусу, Тобинитаи. Последняя расположена в пещере на крутом утесе. На полу одного из жилищ этой стоянки были обнаружены угольки, благодаря которым получена дата  $1310 \pm 120$  (640 год нашей эры). Собранные на стоянке Тобинитаи каменный инвентарь и керамика несколько отличаются от материала чисто охотских поселений. Здесь, например, имеются плоскодонные сосуды баночной формы с отогнутым наружу венчиком, характерные для культуры сатсумон. Наличие такого рода сосудов позволяет Харуо Ойи высказать предположение, что комплекс керамики Тобинитаи испытывает заметное влияние сатсумонской культуры.

По его мнению, в XII веке носители культуры сатсумон заняли охотское побережье Хоккайдо и постепенно ассимилировали население охотской культуры. Он считает, что сатсумонцы были айнами.

Да, но если это так, то почему следов культуры сатсумон нет на Сахалине? Ведь поселения айнов там тоже обнаружены... Думается, у этой гипотезы пока мало доказательств.

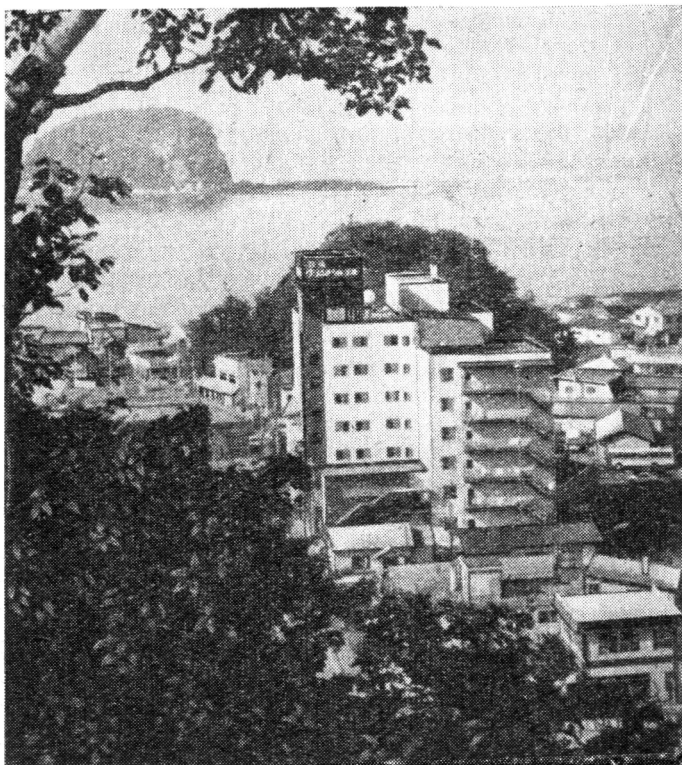
Из Тобинитаи едем в Раусу. Здесь мы прощаемся с Ясуо Китакамаэ и его ассистентом. Они возвращаются в Нэмуру, а мы направляемся в Сяри. Нас осталось четверо: Харуо Ойи, Като Кюдзо, Тосихико Кикиути.

Тосихико Кикиути — доцент историко-филологического факультета Хоккайдского университета два года назад был на стажировке в нашем Институте истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР в Новосибирске. Он тоже занимается проблемами охотской культуры и читает курс «Археология Сибири» в Хоккайдском университете.

Уже ночью преодолеваем перевал Кемпок и, пересекая полуостров Сирэтоко, подъезжаем к городу Сяри. Здесь находится археологическая база Хоккайдского университета. Это легкое здание из сборных конструкций, просторное и удобное для работы. Рядом краеведческий музей и библиотека. Музей небольшой и не может похвастаться богатством экспонатов, но сделано все в нем с любовью и вкусом. Археологическая экспозиция в музее представлена в основном материалами стоянок из района Уторо (рис. 20). На карте, висящей здесь, расположение стоянок охотской культуры лимитировано исключительно северо-восточным побережьем Хоккайдо. Более южная оставшаяся часть острова — ареал культуры сатсумон. Предполагается, что эти две культуры мирно сосуществовали. Это еще одна гипотеза.

Подтверждением такой мысли, по мнению Харуо Ойи, может служить тот факт, что в материалах поселений раннего периода охотской культуры на Хоккайдо не прослеживается влияние культуры сатсумон. Примером может служить стоянка Уторо — одна из ранних на Хоккайдо, представляющая чистый комплекс охотской культуры. Ее возраст  $1420 \pm 170$  лет назад.





*Рис. 20. Вид на город Уторо.*

Стоянки группы Уторо расположены на мысу Тясикоцу, и добраться до них не так-то просто. К верхней стоянке Уторо Тяси, расположенной на высоте 30' метров над уровнем моря, ведет узкая тропа, поросшая буйной растительностью. Над головой раскачиваются прославленные японские зонтичные и еще какие-то незнакомые растения с крупными листьями. Под одним таким листом действительно может разместиться целое семейство мифических карликов-коропокгуру, о которых рассказывают легенды айнов Хоккайдо. Пышные кроны деревьев возвышаются и над чашевидными западинами древних жилищ.

Поражает глубина котлованов жилищ, достигающая почти двух метров. Таких котлованов 28. Когда-то здесь была настоящая большая деревня.

Оцениваю крутизну утеса и думаю: что же заставило жителей этого древнего селения Уторо Тяси забраться на такую высоту?

«Тяси» в переводе с айнского может означать и городище, и крепость. Однако никаких оборонительных сооружений здесь обнаружить не удалось. Может быть, это поселение тех, кто одними из первых среди носителей охотской культуры переправились с Сахалина на Хоккайдо и в новой незнакомого местности с целью безопасности устроили свои жилища на этом высоком утесе, откуда отлично просматриваются окрестности. Ведь, судя по дате, Уторо Тяси — одно из самых ранних поселений охотской культуры на Хоккайдо, да и в собранном здесь вещественном материале и керамике есть много общего с находками на сахалинских стоянках, например Невельской. Что и говорить, расположение Уторо Тяси необычно для поселений охотской культуры, и здесь есть над чем подумать.

А внизу на берегу моря среди песчаных дюн обнаружено еще одно поселение — Нижнее Уторо. Оно состояло из четырех шестиугольных в плане полуподземных жилищ. В центре такой полуземлянки был очаг, сделанный из вертикально поставленных каменных плит. Вокруг него вдоль стен располагались нары, образуя фигуру в виде буквы U. Следы нар четко фиксируются по остаткам столбовых ямок на глиняном полу. В жилище были найдены уже знакомые нам керамика и орудия.

Побывали мы на раскопках еще одной стоянки в районе Сяру, носящей название Сибэцу. Раскопки проводились силами Комитета образования муниципалитета Сяри. В разрезе раскопа отчетливо прослеживались три культурных слоя, которые разделялись двумя прослойками вулканического пепла. Пепел верхней прослойки выпал 200 лет назад, нижней — 500 лет назад. Между прослойками пепла залегал слой с остатками культуры сатсумон, а в самом низу — слой позднего дзёмона.

Каждая из осмотренных стоянок была по-своему интересна, но впереди нас ожидала знаменитая стоянка Моёро и город Абаспри — самый значительный в этой части побережья. Наша машина, спустившись к

морю, помчала нас по основной магистрали к одному из интереснейших памятников охотской культуры, расположенному в устье реки около города Абасири.

Стоянка Моёро была открыта в конце прошлого столетия, и периодически в течение ряда лет на ней велись исследования. Наиболее широкие раскопки осуществила в 1947—1952 годах совместная экспедиция Токийского и Хоккайдского университетов. Здесь был собран очень богатый и разнообразный археологический материал, включающий сотни глиняных сосудов, а также всевозможные изделия из камня, кости и рога. Все обнаруженные вещи сейчас экспонируются в городском музее Абасири.

При входе в музей нас встретил его директор Ёнэмура Киоэ. Ему сейчас 85 лет, но он энергичен и бодр. На вид ему можно дать немногим более пятидесяти. Ёнэмура Киоэ вел раскопки в Моёро в 1912 году. Сегодня он наш гид по экспозиции музея.

Музей великолепен. Особенно ярко представлена этнография айнов. Экспонаты рассказывают о жизни айнов, их хозяйственных занятиях: морской охоте и рыболовстве, земледелии и ремеслах. Привлекают внимание транспортные средства айнов — большие долбленные из целого дерева лодки длиной до 10 метров, айнская одежда. Удивителен костюм айнов асси, материал для которого соткан из волокон коры ильмы.

Специальный раздел экспозиции посвящен медвежьему празднику айнов. Об этом удивительном празднике хочется рассказать подробнее.

Таинственный, со многими табу и запретами, сложными ритуальными обрядами медвежий праздник уже более ста лет вызывает живой интерес этнологов и этнографов разных стран мира. Какие только гипотезы и догадки не высказывались о причинах его происхождения и его торжественных церемониях. Ритуалы и обряды этого праздника сравнивались и со спиритическими сеансами теософов, и с действиями тайных союзов Меланезии, и с играми древних греков.

Действительно, медвежьи праздники играли в общественной жизни айнов такую же важную роль, как олимпиады в Древней Греции, отражая внутривидовые и межвидовые взаимоотношения. В их церемониях отчетливо прослеживается идея перасторжимой свя-

зи между жизнью и смертью, представлений о медведе как о человеке и людях-медведях, находящихся в кровном родстве. Корни медвежьего праздника уходят в глубь веков и связаны с идеями культа медведя. В медвежьем празднике этот культ представлен в наиболее развитом виде. Он усложнен здесь целым комплексом обрядов, запретов, ритуальных танцев и охотничьих игр. Такие праздники были в прошлом широко распространены у народов Нижнего Амура, у айнов Сахалина и Хоккайдо.

Как правило, они устраивались в зимнее время, чаще всего в периоды полнолуния, в январе — марте, когда в мерцающем и таинственном лунном свете совершались торжественные шествия с медведем по заснеженным пляжам морского побережья или речным плесам.

У айнов отмечались случаи проведения медвежьего праздника в летнее время.

Праздник состоял из целого ряда специфических регламентированных древними традициями действий: пойманного маленького медвежонка помещали в специально сделанную деревянную клетку, сооруженную вблизи дома, выращивали и выкармливали его в течение трех-четырех лет. В тех случаях, когда в берлоге находили совсем маленьких, только что родившихся медвежат, их приносили в селение и отдавали женщинам для кормления грудью. Обычно это была женщина, родившая близнецов и имевшая молоко. Она и выкармливала предназначенного для обряда зверя.

Проходило три-четыре года, медведь подрастал и тогда устраивался грандиозный праздник. Проходил он очень торжественно, на него съезжалось большое количество гостей, нередко из разных родов. Их встречали с особым почетом, и каждому отводилась своя роль в праздничных церемониях. Во время праздника проводились различные игры, спортивные состязания, устраивались ритуальные танцы, сопровождаемые ритмичными ударами по музыкальному инструменту, сделанному из сухого ствола ели. Особенно заботливо готовилась площадка, на которой убивали медведя. Место для нее выбирали среди вековых лиственниц и елей, сама площадка украшалась красиво выструганными из тальника палочками — инау, вырезанными из

дерева изображениями медведей. Все это было подготовкой к кульминационному акту праздника — расставанию с медведем, в котором наиболее ярко выражалась идея культа медведя: медведь — это человек. И с ним расставались как с человеком, прожившим среди людей несколько лет, а теперь уходящим к своим сородичам. Для него делали все, чтобы он был доволен временем, проведенным в гостях. Ему отдавали лучшую пищу, за ним ухаживали, а теперь устраивают такие великолепные проводы, которые он никогда не забудет...

Медведь выступал здесь как посредник между людьми и «горными жителями» — хозяевами земли, гор, леса. Последние за доброе отношение к их «сородичу» должны были посылать людям много зверей, обеспечивать удачу на охоте, способствовать благополучию и процветанию рода.

Перед тем, как убить медведя, совершали торжественное шествие, сопровождавшееся вождением медведя. По свидетельству этнографов, это было грандиозное представление, крупное священнодействие. И только после этого медведя убивали стрелами из лука.

Процесс свежевания убитого медведя также представлял собой особый ритуал. Медвежью тушу раздвигали специальными табуированными ножами и не просто резали, а, искусно раздвигая шерсть, делали тонкие надрезы и по ним, «как бы расстегивая пуговицы», снимали шкуру, представляя, что шкура медведя — это всего лишь одежда «горного человека». Затем готовили мясо и совершали трапезу. Медвежье мясо при этом делилось на табуированные части, которые разрешалось есть только мужчинам, и нетабуированные для женщин. Ответственным моментом было приготовление головы медведя. Ее украшали венками из ипау, тоненькими веточками, ягодами. Сама трапеза проходила в торжественной обстановке, все присутствующие всячески восславляли медведя. Женщины увеселяли его музыкой, песнями и танцами, фатально веря, что провожают дорогого гостя — медведя, а его сородичи за доброе отношение оплатят добром...

Сквозь стекла витрин вглядывался я в деревянную ритуальную посуду, употреблявшуюся айнами на медвежьих праздниках: чаши и блюда, покрытые причуд-

ливой резьбой, ковши с ручками, украшенными изображениями медведей, искусно сделанные инау, тонкие ремни-опояски, нарядные халаты участников праздничных представлений... Многие из таких вещей, мне казалось, я уже видел в этнографических коллекциях гиляков-нивхов в музеях Ленинграда и Южно-Сахалинска и сказал об этом Ёнэмура Ёноэ. В знак согласия он кивает головой.

— Эти коллекции медвежьего праздника принадлежат сахалинским айнам. Они общались с гиляками и многое могли заимствовать у них.

Мысль эта очень важна. Давно уже ученые обсуждают вопрос о происхождении медвежьего праздника. В поисках его истоков обращались и к Северу, и к дальнему Югу, вплоть до Австралии и Океании.

Советский этнограф Б. А. Васильев, поддерживая теорию о южном происхождении обычая содержания священных животных в клетках, полагал, что и выращивание медведя в клетке, характерное для медвежьего праздника, тоже пришло с юга. По его мнению, медвежий праздник был принесен айнами и заимствован у них другими народами Нижнего Амура. Б. А. Васильев даже назвал этот праздник айнским<sup>33</sup>.

Ленинградский этнограф Ч. М. Таксами высказывает другую точку зрения. Он считает, что на Нижнем Амуре и Сахалине в прошлом широко бытовали обряды медвежьего праздника, связанные с убоем выращенного в клетке зверя. От аборигенов Нижнего Амура и Сахалина элементы этого праздника были восприняты народами, обитавшими в южной части Тихоокеанского побережья, и, наоборот, от последних они пришли на север. По мнению Ч. М. Таксами, нивхи (гиляки) с глубокой древности были одними из «посетителей» медвежьего праздника<sup>34</sup>.

Этнографические коллекции айнов Хоккайдо свидетельствуют в пользу именно такого вывода. Интересно в этом отношении высказывание известного японского этнолога Кадзуеси Оцука из Этнографического музея города Осака. Выступая в октябре 1977 года на симпозиуме в Саппоро по вопросу о соотношении охотской культуры с культурами сатсумон и айнской, он сказал, что только сахалинские айны высоко почитали медведя и у них сильно был развит

медвежий праздник, у айнов Хоккайдо этого не было. Кадзуеси Оцука тоже считает, что многие элементы медвежьего праздника заимствованы айнами у гиляков Нижнего Амура.

Обращение японских ученых к нижеамурским народам не случайно. Образ медведя характерен для искусства народов Нижнего Амура. Особенно много изображений этого зверя было у нивхов-гиляков, а для творчества древних резчиков по дереву медведь являлся главным героем. Важно при этом подчеркнуть, что этнографические изображения медведей, в свете данных археологических раскопок, в основных чертах оставались почти неизменными с неолитического времени, то есть почти на протяжении 5—6 тысяч лет.

Об этом свидетельствует богатая коллекция скульптурных изображений медведей из камня и обожженной глины, собранная при раскопках неолитических поселений на Нижнем Амуре археологами Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР под руководством А. П. Окладникова. Скульптурки изготовлены с хорошим знанием натуры и передают реалистические образы зверей. Медведи стоят, идут, сидят, словом, изображены в самых различных позах. В каменной скульптурке медведя, найденной на полу жилища № 10 неолитического поселения Кондон, древний мастер умело передал характерную позу сидящего на задних лапах медведя. В передних лапах, поднесенных к пасти, зажат какой-то предмет, возможно рыба.

Очень выразительно изображена голова фигурки медведя, обнаруженной у села Сакачи-Алян. Скульптором схвачены главные, наиболее существенные черты образа медведя: большая голова с типично выпуклым медвежьим лбом, вытянутая морда, раскрытая пасть, круглые маленькие ушки и маленькие глаза. Фигура в целом выражает сдержанную силу зверя.

В 1974—1975 годах на неолитическом поселении острова Сучу было найдено 17 фигурок стоящих или идущих медвежат, сделанных из обожженной глины. Радиоуглеродным методом установлено, что они относятся к IV—III тысячелетиям до нашей эры. Несмотря на некоторый лаконизм и скупость художественной изобразительности, эти скульптурки достаточно пол-

но передают образ живых зверей с индивидуальными, присущими только им чертами. Так, фигура одного медвежонка с рельефно вылепленной мордой производит впечатление спокойствия, а у другого морда уныло опущена, во всем внешнем облике чувствуется какая-то обреченность.

Крупный специалист в области искусства народов Сибири и Дальнего Востока ленинградский ученый С. В. Иванов, классифицируя фигурки медведей из этнографических сборов на Амуре, выделял среди них две основные группы. К первой он относил изображения духов-хозяев мест, способствующих успешной охоте и рыболовству, духов-помощников шамана и духов болезней, ко второй — изображения медведей, которые участвуют в медвежьем празднике. При этом С. В. Иванов отмечал: «...в отличие от шаманских изображений медведя и изображений, изготовляемых при болезнях, скульптура, фигурирующая на медвежьем празднике, изображает не духов-медведей, а тех живых медведей, которые являются виновниками торжества». Он также подчеркивал, что «это не типовые канонизированные изображения духов определенной категории, а образы индивидуальных животных, трактуемые в гораздо более свободной манере, чем изображения духов»<sup>35</sup>.

Если в ключе этой классификации рассмотреть имеющиеся неолитические скульптурки, то некоторые из них с полным основанием можно идентифицировать с этнографическими образцами. Выполненные в свободной манере и резко отличающиеся от стилизованных шаманских изображений духов-медведей фигурки из поселений эпохи неолита Нижнего Амура скорее всего изображают медведей в процессе их «выращивания» и подготовки к медвежьему празднику.

Выходит, что традиции медвежьего праздника, его специфика имеют большую древность и восходят к неолитическим племенам Приамурья.

С большим вниманием слушали японские коллеги сообщение об этих замечательных амурских находках. Особенно заинтересовала их интерпретация скульптурок в связи с медвежьим праздником и их датировка.

— Изображения медведей, кстати, находили и на поселениях культуры дзёмон на Хоккайдо, — замечает Харуо Ойи.



— Да, я читал об этом,— соглашаюсь я с репликой японского профессора,— но изображения эти обнаружены на очень поздних стоянках, относящихся к финальному дзёмону.

— К эпидзёмону,— уточняет Харуо Ойи.

Я благодарю за уточнение. Это значит, что в лучшем случае они датируются второй половиной I тысячелетия нашей эры. И если говорить о влияниях, то придется учитывать находки с Амура, которые относятся к гораздо более раннему времени.

Ёнэмура Киоэ показывает нам две великолепные медвежьи скульптурки из кости. Они найдены на стоянке Моёро. На одной из фигурок отчетливо видны тонкие нарезки, по-видимому символизирующие ремни подготовленного к празднику медведя. Должно быть, это тоже изображение виновника торжества, а не духа. Директор музея в Абасири добавляет, что находки скульптурных изображений медведей на стоянках охотской культуры достаточно многочисленны.

К изображениям медведей охотской культуры мы еще вернемся. Сейчас же хотелось отметить, что находки скульптурных костяных фигурок медведей и сивучей, а также резных украшений из кости сопровождались на Моёро множеством глиняных сосудов в виде больших кувшинов (камэ) или горшков (цубо) с плоским дном. Сосуды эти орнаментированы шахматными и гребенчатыми оттисками, геометрическими фигурами, зацепками, резными линиями, спиральными узорами и концентрическими кругами. Некоторые из элементов такой орнаментики находят аналогии в керамике неолитических памятников Нижнего Амура.

Нам уже приходилось писать об определенном единстве охотской и нижнеамурских культур. Этнически это единство может определяться как древненивхское (древнегилякское). И вполне возможно, что айнские легенды о топчах — легендарном населении Сахалина, которому приписываются памятники охотской культуры острова,— рассказывают именно о предках гиляков или родственных им племен, которых айны застали на Сахалине при своем переселении на этот остров.

Если все действительно было так, то распространение обычаев проведения медвежьего праздника с

Нижнего Амура, где его свидетельства, судя по археологическим материалам, фиксируются уже в неолите, к гилякам Сахалина, а от них к сахалинским айнам и затем к айнам Хоккайдо получает хорошее документальное подтверждение.

На хоккайдских поселениях охотской культуры позднего времени, к которым относится и Моёро, встречаются также вещи явно японского происхождения: железные наконечники копий, кинжалы и, в частности, мечи с так называемой папоротниковидной рукояткой, широко распространенные в Центральной Японии в период Нара (710—784). Можно думать, что японское влияние не ограничивалось только присутствием этих вещей. И все же существенного значения в формировании и развитии охотской культуры японские культуры не играли. Убедительное доказательство этому — коллекция человеческих черепов из поселения Моёро, экспонируемая в музее Абассири. Ёнэмура Кюэ, давая объяснения, подчеркивал резкое отличие черепов людей охотской культуры от черепов айнов и собственно японцев. Лишь некоторые черепа принадлежали смешанным антропологическим типам. Возможно, среди населения охотской культуры были женщины айнского происхождения.

На специфические антропологические черты людей охотской культуры в свое время указывали и японские исследователи С. Кодاما и С. Ито, выделяя их в особую отдельную группу, отличную и от айнов, и от японцев. Таким выводам соответствует и археологический материал.

Рядом со зданием музея в старинном парке размещена воспроизведенная древняя деревня Моёро. Под кронами деревьев располагается более десятка полуподземных жилищ, раскопанных в 50-х годах и затем реконструированных со свойственной японцам скрупулезностью. Сейчас это своеобразный музей под открытым небом. В жилищах все сохранено так, как было тысячу лет назад: брошенные на пол орудия и инструменты, стоящие вдоль стен горшки, потерянные украшения...

Восстановленные до мельчайших деталей, эти дома охотской культуры, да и весь древний поселок Моёро производят сильное впечатление. Все выглядит на-

столько достоверно, что кажется: жилища обитаемы, а их хозяева только что вышли и вот-вот вернуться...

С этим ощущением причастности к старине мы покинули Абассири и направились дальше на северо-запад, к Монбетсу. Едем вдоль лагуны Соромы — самой крупной на северном побережье Хоккайдо. Площадь ее акватории более 100 квадратных километров. От моря она отделена рядами песчаных дюн, поросших мелким кустарником и малорослыми дубами. Воды лагуны богаты устрицами, берега — гнездовьями уток и несколькими большими лежбищами тюленей.

Все эти природные богатства издавна привлекали сюда человека. В прибрежных районах лагуны японскими археологами открыто много древних памятников различных эпох: позднего дзёмона, постдзёмона, охотской культуры, культуры сатсумон и айнской. Древние поселения концентрируются главным образом в двух пунктах — Токоро и Сакаэура. Мы осмотрели их.

Особенно крупное поселение располагается в дюнах около Сакаэура, где находятся остатки почти 3 тысяч древних полуподземных жилищ, 60 из них принадлежат охотской культуре, остальные — культурам дзёмон и сатсумон. Поселение называется Сакаэура II. Раскопки его проводит научно-исследовательская лаборатория Токийского университета под руководством археолога Т. Фудзимото. База археологов располагается в специальном здании в поселке Токоротяси недалеко от Сакаэура. Здесь же построен и хорошо оборудован небольшой музей. Чувствуется, что археологи устроились в Токоротяси основательно. Впрочем, ничего удивительного в этом нет: раскопки в Сакаэура ведутся уже много лет и будут продолжаться.

Широкая панорама поселения Сакаэура II раскинулась перед нами, когда мы вслед за Т. Фудзимото поднялись на один из холмов. Десятки древних жилищ вытянулись в две линии, словно это были улицы. Некоторые из жилищ уже раскопаны. Раскопки проводятся безупречно: четко видны срезы культурного слоя с чередованием отдельных прослоек от времени основания поселения и до поры его окончательного запустения.

Дома населения культуры сатсумон отличаются своей почти квадратной в плане формой и небольшим

очагом без каменной обкладки. Не свидетельствует ли это о том, что сатсумонцы вели более подвижный образ жизни, чем охотское население?

По образцу угля, взятому на полу жилища № 1 поселения Сакаэура II, радиоуглеродным методом получена дата  $1070 \pm 80$  лет назад, или 880 год нашей эры. Выходит, что в районе Сакаэура одновременно жили сатсумонцы и население охотской культуры. Такие случаи сосуществования в одном месте двух культур на Хоккайдо крайне редки. В то же время при раскопках жилищ № 11 и № 12, имеющих соответственно абсолютный возраст 1060 год и 990 год нашей эры и являющихся типично охотскими, в форме глиняных сосудов наблюдается сильное влияние культуры сатсумон. Дальнейшие раскопки дадут много ценных документальных материалов для восстановления истории развития человечества. Между тем Т. Фудзимото сетует: несмотря на то, что важность археологических исследований в Сакаэура очевидна, ограниченность средств сдерживает темпы работ. «Если продолжать и дальше такими же темпами, то и за 500 лет не раскопать эти жилища», — заключает с грустью японский археолог.

После Монбетсу характер природных ландшафтов резко меняется. Исчезают яркие сочные краски окружающих пейзажей, дубовые и тисовые рощи, заросли дикого винограда и зонтичных. Ландшафт становится монотонным. Вдоль морского берега однообразно тянутся низкие песчаные холмы и отмели, заросли бамбуковой травы. Не стало видно полей картофеля и свеклы. Поселки встречаются редко, и архитектура их меняется. Дома выглядят скромнее, они более низкие, приземистые и серые. Население занимается здесь главным образом животноводством и рыбной ловлей.

Как бы в напоминание о том, что мы едем на север, пошел мелкий холодный дождь — первый за всю неделю нашего путешествия по Хоккайдо. Асфальт быстро становится мокрым и скользким. За руль «Тоёты», как более опытный, сменяя Тосихико Кикүти, садится Харуо Ойи. Предосторожность не лишняя — по обочинам шоссе то и дело встречаются разбитые, искореженные автомашины, а на окраине Монбетсу их особенно много. Убедительное наглядное предупреждение водителям.

По пути несколько раз останавливаемся для осмотра поселений Сакаэ, Омубиро, Отосибэ, Кавадзири-Кита-Тяси, Эсаси, Мэнасидомари, Томаринаи, Онкороманай, Козэтой. Жилища этих поселений имеют ряд отличительных особенностей. Меняется форма самих полуземлянок, конструкция очагов, характер вещественного материала.

В зависимости от такого рода особенностей все поселения, осмотренные нами по маршруту, Харуо Ойи подразделяет на три группы. К первой, восточной, он относит поселения, расположенные на участке от Нэмуру до Монбетсу. Они характеризуются большими пяти- или шестиугольными в плане жилищами, глубоко врытыми в землю. Пол в таких полуземлянках обмазывался глиной, в центре имелся очаг с камешной кладкой. Вторую группу составляют поселения в районе Эсаси. По определению Харуо Ойи, это так называемая смешанная группа. Южной ее границей служит поселение Отасибэ, расположенное в 20 километрах к югу от Эсаси, северной — мыс Соя. Наконец, третья, северная, группа, включает район Вакканая. Для поселений этой группы характерны главным образом жилища шестиугольной в плане формы и очаги без камешной кладки.

Привлекают внимание обнаруженные в жилищах поселений Кавадзири-Кита-Тяси и Томаринаи глиняные сосуды. Они цилиндрической формы, имеют плоское дно и украшены ниже венчика рядами круглых вдавлений (точек), резными линиями и наклепными валиками с короткой косою насечкой. Сосуды с таким орнаментом в японской литературе получили название «керамика типа Товада». Подобная керамика широко известна из раскопок на Южном Сахалине. Такая посуда найдена во втором горизонте жилища № 5 на поселении Озерск, датированном по образцам угля  $830 \pm 45$  годом нашей эры, а также на Невельской стоянке.

Любопытна еще одна деталь: особенности конструкции жилища № 2 поселения Кавадзири-Кита-Тяси почти тождественны с жилищем № 2 стоянки Стародубское на Сахалине. Построено последнее в  $430 \pm \pm 30$  году нашей эры. Есть на Сахалине также аналогии изделиям из кости и рога.

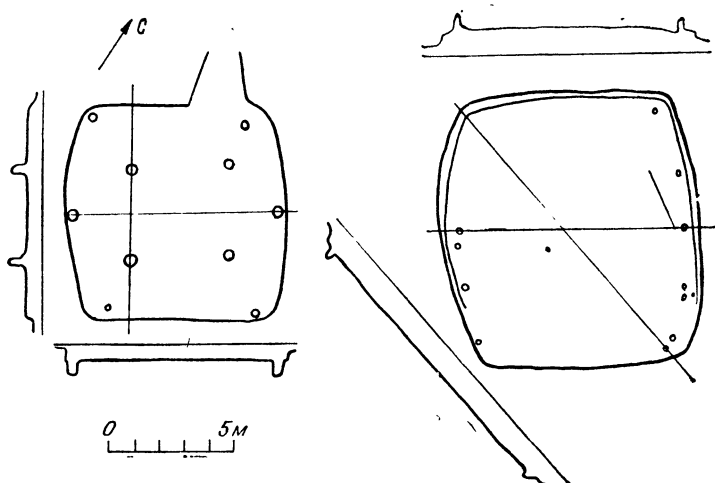


Рис. 21. Планы жилищ № 1 и 2 стоянки Онкороманай.

В связи с этим особый интерес представляет стоянка Онкороманай. Она расположена в 4 километрах южнее мыса Соя — самой северной точки острова Хоккайдо, откуда открывается прекрасный вид на пролив Лаперуза. Стоянка вытянута вдоль крутого холма, поднимающегося на высоту до 30 метров над уровнем моря, и связана с раковинными кучами — кухонными отбросами ее древних обитателей.

Из трех раскопанных здесь полуподземных жилищ два (жилище № 1 и 2) в плане почти квадратной формы с закругленными углами (рис. 21). Вход коридорного типа в жилище № 1 располагался в северо-восточном углу. Каким он был, точно не установлено. Длина восточной и западной стенок по 8,5 метра, южной и северной — по 8,3 метра.

На полу обоих жилищ вдоль стен и в центре сохранились круглые ямки для опорных столбов перекрытия (в первом 10, во втором 13). При этом диаметры ямок для центральных опорных столбов были несколько больше. Следов кострищ в жилищах не обнаружено.

Жилище № 3 располагалось в 80 метрах юго-западнее жилища № 2. У него прямоугольная в плане форма, длинные стены достигали 7 метров, а корот-

Сахалина. Место для переправы вполне благоприятное. Очевидно, сюда впервые и пристали люди охотской культуры с Сахалина. Не случайно долгое время мыс Соя играл большую роль как транспортный пункт, связывающий Сахалин и Хоккайдо. Сейчас эта функция перешла к порту Вакканай, расположенному южнее, а поселок у мыса Соя захирел и пришел в упадок. Здесь осталось лишь несколько низких барачного типа домиков.

Итак, мы знаем, откуда пришло население охотской культуры на Хоккайдо. Однако пока не решен другой, еще более важный вопрос: где сформировалась эта культура? На этот вопрос пытались ответить многие исследователи. Одни (американские ученые Х. Беду и Ч. Чард) искали истоки охотской культуры на севере в эскимосско-алеутских комплексах, другие (японские исследователи Т. Сато, Т. Фудзимото) связывали население охотской культуры с айнами, считая его прямым предком айнов в этом районе.

Однако, как показали наши археологические исследования на Сахалине и Охотском побережье, не правы ни те, ни другие. На Северном Сахалине в последние годы открыты неолитические памятники, датируемые IV—III тысячелетиями до нашей эры. На одном из них — поселении Имчин II — найдена керамика, орнаментированная короткими гребенчатыми отпечатками. Это пока самая ранняя керамика на Сахалине, и она имеет непосредственное отношение к охотской культуре. Дело в том, что точно такие орнаментальные мотивы преобладали в керамике Сусуйской стоянки, различные вариации гребенчатых отпечатков встречались и на других памятниках охотской культуры.

В то же время глиняная посуда, орнаментированная горизонтальными линиями коротких гребенчатых отпечатков, известна на нижнеамурских неолитических поселениях Тэбах и острове Сучу. В Тэбахе на сосудах встречаются и такие своеобразные узоры ранних типов охотской керамики, как резные горизонтальные линии, сочетающиеся с гребенчатыми отпечатками.

Сходство охотской керамики с керамикой неолитических поселений Северного Сахалина и Нижнего Амура дополняется аналогиями в каменном инвентаре. Эти

данные свидетельствуют о генетической связи охотской культуры с неолитическими поселениями Северного Сахалина, а через них и с культурами Нижнего Амура.

Добавим к тому же, что в материалах охотской культуры немало аналогий каменным и костяным изделиям древнекорякской культуры Охотского побережья.

Они представляются как бы ветвями одного дерева, одного корня. Таким общим древним компонентом, сыгравшим существенную роль при первоначальном формировании охотской и древнекорякской культуры, должно быть, были культуры Нижнего Амура. И, видимо, здесь нужно искать их колыбель, их отчий дом.

Мы едем к Вакканаю и обсуждаем эти вопросы.

Тосихико Кикиути, долго молчавший и сосредоточенно смотревший на дорогу, заговорил вдруг о влиянии мохэ и чжурчжэней на охотскую культуру.

Мысль эта не лишена интереса. Действительно, на поселениях охотской культуры Сахалина и Хоккайдо (Моёро, Токоро, Чяси, Сакаэура, Кабукай, Онкороманай) довольно часто встречаются нефритовые кольца, цилиндрические бусы из яшмы, бронзовые и серебряные поясные пряжки, серьги, колокольчики, костяные наконечники стрел, почти в точности повторяющие такие изделия из мохэских и чжурчжэньских памятников Приамурья и Приморья.

Удивительного в этом ничего нет. Племена мохэ, занимавшие в IV—VIII веках нашей эры обширные пространства бассейна Амура, Зеи и Приморья, имели довольно высокий уровень общественного и экономического развития. Как показали раскопки советских археологов А. П. Окладникова, Е. И. Деревянко, В. Е. Медведева, мохэские племена, а с VII века нашей эры и племена чжурчжэней играли важную роль в истории народов Восточной Азии. Вполне логично, что они имели длительные и тесные культурные и торговые связи со своими соседями — населением охотской культуры.

Между тем недалеко от местечка Хаматонбетсу Харуо Ойи поворачивает «Тоёту» к берегу моря. Мы проехали минут десять и остановились перед монументальным памятником. Это памятник погибшим при



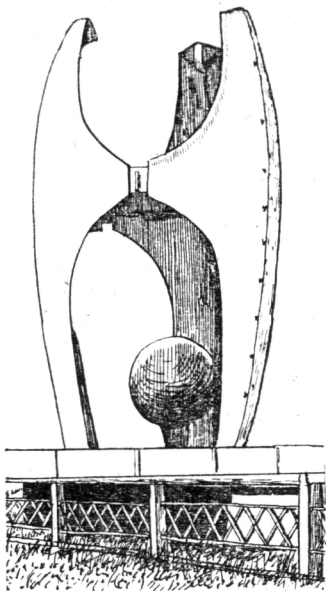


Рис. 23. Памятник жертвам гибели советского парохода «Инди-гирка».

кораблекрушении советского парохода «Инди-гирка». Случилось это 12 декабря 1939 года. «Инди-гирка» совершала последний рейс навигации, возвращаясь с Камчатки во Владивосток. На судне было много пассажиров, в том числе женщин и детей. В пути судно застиг жестокий шторм. Огромные водяные валы обрушились на палубу, ломая все на своем пути. Корабль потерял управление и был выброшен на скалы острова Сивуч в полутора километрах от побережья Хаматонбетсу. Многих людей поглотили волны. Погибли и японские рыбаки, пытавшиеся помочь потерпевшим бедствие.

Поэтому и стоит этот памятник здесь, на пустынном берегу (рис. 23).

Пьедестал памятника сделан из сибирского гранита, доставленного из Советского Союза. На пьедестале три стилизованные фигуры людей, крепко взявших-ся за руки — символ святой морской взаимопомощи.

Памятник воздвигнут на пожертвования многих людей доброй воли и доброго сердца. На его пьедестале слова благодарности за помощь японским рыбакам, и лежат свежие цветы...

\* \* \*

Обсуждение проблем охотской культуры, начатое во время нашей поездки по побережью Хоккайдо, мы затем продолжили на симпозиуме в городе Саппоро. Симпозиум так и назывался «Проблемы охотской

культуры» и был организован в связи с моим приездом Институтом изучения северных культур Евразии Хоккайдского университета по инициативе трех известных японских ученых: Тосио Оба — патриарха археологии Хоккайдо и одного из пионеров изучения охотской культуры, уже знакомого читателям Харуо Ойи, прославившегося, в частности, исследованием Кабукая на острове Рэбун, и Масакадзу Ёсидзак — исследователя с поразительным археологическим чутьем.

В работе симпозиума приняли участие ведущие японские специалисты из университетских центров Хоккайдо, Токио, Цукуба, Васэда, Тохоко, а также музеев Осаки, Аомори, Хоккайдо.

Дискуссия развернулась в основном по следующим трем темам: 1) происхождение охотской культуры и ее связи с культурами сопредельных территорий; 2) развитие охотской культуры и ее локальных вариантов; 3) взаимоотношение охотской культуры с культурами сатсумон и айнской.

Японские ученые — участники этого большого собрания единодушно поддерживали наше мнение о том, что охотская культура сформировалась на Сахалине под влиянием нижнеамурских культур и генетически связана с палегиляками или родственна им.

Интересные летописные данные в подтверждение этого положения привел Тосихико Кикиути. Так, согласно китайской хронике династии Тан, датированной 640 годом, на Сахалине в VII веке нашей эры жили племена лиу-куей (Liu-kuei), а так как памятники Южного Сахалина этого времени относятся к охотской культуре, то, по мнению Тосихико Кикиути, название лиу-куей подразумевает людей охотской культуры. Хроники XIII века называют эти племена, населявшие Сахалин, «гиллеми» или «чилими». В свою очередь нанайцы (гольды) называли нивхов гиляками, что близко названию «гиллеми» — «чилими». Из этого Тосихико Кикиути делает вывод: племена «гиллеми» — «чилими» тоже соответствуют носителям охотской культуры.

Он отмечает также сходство между охотской культурой, отождествляемой им с культурой древних гиляков, и древнекорякской культурой Охотского побережья.

Что же касается хронологии и последовательности развития охотской культуры, то по этим вопросам мнения исследователей несколько разошлись.

Многолетнее изучение памятников охотской культуры позволяет нам высказать мысль о том, что поселения типа Сусуйской стоянки на острове Сахалине, датируемые первыми веками до нашей эры, относятся к начальному этапу этой культуры. Однако японские археологи в настоящее время выделяют памятники сусуйского типа в особую культуру, называя ее «культура типа Сусуя», а ранний этап охотской культуры относят к VII—VIII векам нашей эры. Это положение приемлемо для памятников охотской культуры Северного Хоккайдо, но не может быть принято для сахалинских стоянок, где имеются более древние памятники<sup>36</sup>.

Интересные мысли были высказаны при обсуждении проблемы взаимоотношений охотской культуры с культурами сатсумон и айнской. Большинство японских ученых склонно думать, что носители культуры сатсумон были предками айнов. Особенно активно это положение развивает Харуо Ойи. Согласно его взглядам, культура сатсумон сформировалась в юго-западной части Хоккайдо в результате взаимодействия культуры последзёмона и японской культуры с керамикой типа хадзи.

Это, конечно, пока только гипотеза, которую предстоит или подтвердить или опровергнуть археологическими исследованиями ближайших лет на Хоккайдо.

## СТРАННЫЕ КАМНИ

На пути из Саппоро в город Отару Харуо Ойи остановил машину у сопки Микасаяма и, обернувшись ко мне, произнес:

— Там каменные круги. Хотите посмотреть?

Мы поднялись на сопку. Здесь на теплом, освещенном осенним солнцем склоне среди деревьев всюду торчали из земли крупные камни. Внимательно приглядевшись, можно было заметить, что они уложены в определенном порядке, в определенной довольно сложной системе. Все это должно было иметь какой-то глубокий смысл. Отчетливо прослеживался один каменный круг,

за ним другой, затем еще один, причем очень большой. Его диаметр с севера на юг равен 30 метрам и с запада на восток — 24 метрам. В этом круге по периметру через равные промежутки возвышались небольшие курганчики, тоже выложенные камнем. Какую же тайну скрывают эти тщательно уложенные камни? Ведь, чтобы поднять их на сопку, потребовался немалый труд.

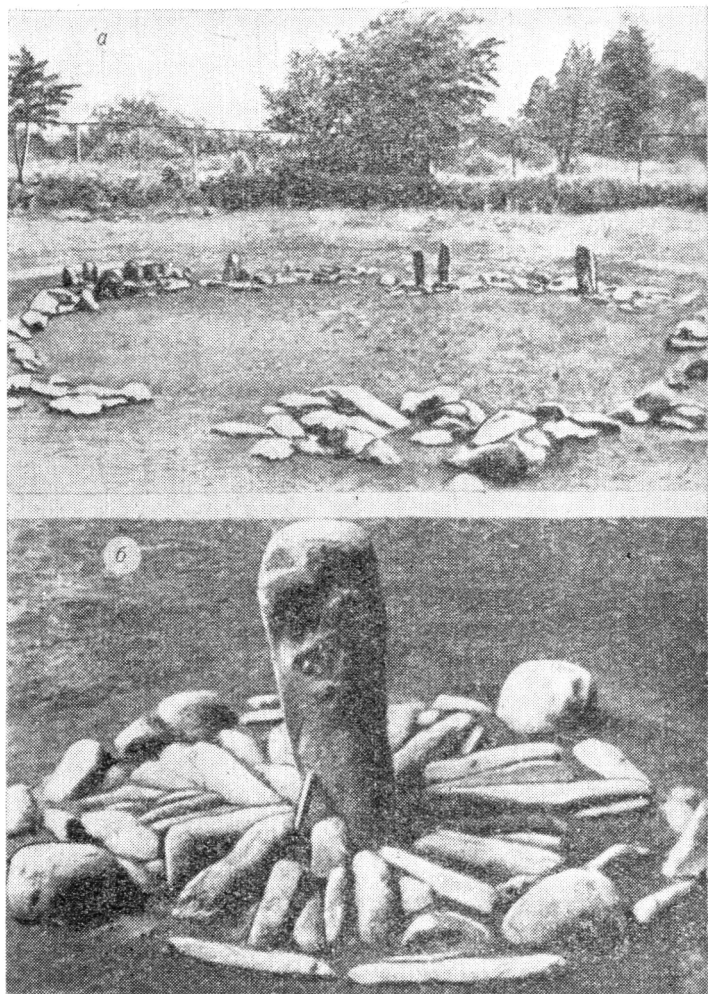
На память приходят грандиозные гробницы кочевников бронзового века Центральной Азии с их каменными курганами и оградами. Может быть, эти круги, как и каменные оградки витязей азиатских степей, имели магическое значение и, опоясывая могильные курганы, охраняли покой умерших? Или же им придавалось то же значение, что и священным каменным кучам Кореи, связанным с культом покровителей, «хозяев» явлений природы и животных?

Вспомнились и так называемые мегалиты Европы и Юго-Восточной Азии. Эти поистине грандиозные сооружения из огромных каменных плит или глыб до сих пор остаются загадкой. Никто не может объяснить, какой смысл вкладывали в эти сооружения их создатели.

Пока остаются непонятными «каменные круги», «каменные кучи» Японии. И хотя они не столь грандиозны, как мегалиты, и камни здесь значительно меньших размеров, все же возникает много вопросов при их интерпретации.

Обычно каменные ограды и кольца связываются с погребениями. В большинстве случаев на континенте так и бывает: поблизости всегда располагаются погребальные курганы. Однако это совсем не характерно для Японии.

На сегодняшний день на севере Японских островов известно более 60 памятников с каменными кругами. Они обнаружены на Хоккайдо и в северной части Хонсю, в основном на территории префектур Аомори, Акита, Тохоку, Нагано. Выглядят они по-разному. Различно, по-видимому и их смысловое значение. В префектуре Акита, например, есть каменный круг, названный Нонакадо. Он расположен на 170-метровой речной террасе и представляет собой довольно сложное сооружение. Это большая овальная площадка  $41,3 \times 38,5$  метра, огражденная округлой выкладкой из камней. Внутри большого круга выложен второй каменный



*Рис. 24. Каменные круги Нонакадо.*  
*а — кольцо и столбы из камня; б — «солнечные часы»,*

круг. В северо-западной части первого круга стоит каменный столб, вокруг которого радиально расположены продолговатые крупные камни, а все построение тоже заключено в кольцо из камней (рис. 24). Сооружение это напоминает знаменитый английский Стопхендж,

вызвавший в свое время много шума и споров. Японские археологи называют каменные концентрические кольца и столбы Нонакадо «солнечными часами». Они отмечают, что в ориентации фигур этого сооружения, возможно, отражены особенности движения солнца. Но так ли это, остается пока загадкой. Хотя и не исключено, что сооружение Нонакадо было святилищем солнечного культа.

В Тохоку и в Тюбу тоже обнаружены «каменные кольца», которые состоят из серий расположенных по кругу «каменных куч» и столбов. Под отдельными кладками были овальные ямы, глубиной до метра. Однако это не погребения. Известный японский археолог Тосио Оба предполагает, что это древние святилища культа почитания камней.

Известно, что древнейшие формы японской религии связаны с шаманством. Многие шаманские элементы, в частности культ сил природы, вошли в официальную религию японцев синтоизм. Мир древнего японца был населен множеством божеств — «ками». Они могли быть добрыми и злыми. Существовали «ками» гор, камней, рек, деревьев и т. д. От них зависело благополучие японцев. Отсюда дожившие до наших дней различные общепонские святыни. Например, «священные горы» и наиболее почитаемая из них знаменитая Фудзияма. Даже сегодня, перед тем как совершить восхождение на Фудзи, в некоторых крестьянских семьях постятся.

Всеми миру известен японский «сад камней», явно имеющий древний религиозный субстрат. А в отдельных местах на островах можно встретить кольцеобразные бамбуковые изгороди — знак того, что здесь обитает «ками». Я видел такие изгороди на мысе Тясикотсу около Уторо. Они огораживали небольшой родник, и там «обитали камни воды». Думается, все сохранившиеся до наших дней «священные горы», «священные камни», «священные пихты» отражают древние традиции восприятия окружающего мира. Корни их восходят к эпохе неолита, к тем «каменным кругам» и «каменным кучам», которые находят археологи.

Иной характер, чем сооружения из камня Нонакадо, Тохоку и Тюбу, имеют «каменные круги», открытые на Хоккайдо. На этом северном острове Японского архипелага они известны в нескольких местах. Их можно

увидеть около города Отару (Микасаяма), у города Титосэ (Касиваги), на полуострове Сирэтоко (Сюэн), в Отоэ, Готэнъяме, Камуикотане и Осёро. Относятся они к периоду позднего дзёмона. Некоторые из них мне довелось видеть, с материалами раскопок других познаться в музеях Саппоро.

Большой резонанс среди японской общественности вызвали раскопки «каменных кругов» Сюэн. Этот уникальный памятник находится на высокой террасе в окрестностях небольшого поселка Сюэн в юго-западном углу охотского побережья полуострова Сирэтоко. Первые известия о необычной находке поступили от крестьян, обрабатывавших на террасе Курисава свои огороды. Приехавший в Сюэн археолог Коно Хиромити, осмотрев кольцевую земляную насыпь, обратил внимание на небольшой каменный круг внутри нее. Первым предположением Коно Хиромити было то, что открыты еще одни «странные камни». Однако «странные камни» Сюэна оказались с сюрпризом. Под ними находились погребения. Естественно, после такого открытия развернулись интенсивные раскопки.

Результаты не заставили себя ждать. В нескольких метрах к западу от первого земляного круга археологи нашли второй диаметром 32 метра, а внутри него — 20 «каменных колец». В плане такие «кольца» имели круглую, овальную или прямоугольную форму. Размеры их варьировали от 2,5 до 7 метров в диаметре. Внутри каждого такого «кольца» или оградки возвышался небольшой курган, выложенный камнями. Под курганами находились разной величины (от 83×60 см до 3,3×1,3 м) могильные ямы овальной или круглой формы, глубиной 1,5—2 метра. При раскопках выяснилось, что в маленьких ямах хоронили одного человека, а в больших — трех и более. Несмотря на то, что большинство скелетов сохранилось плохо, все же удалось установить способ захоронения. В основном покойников хоронили в скорченном положении, головой на запад. Дно могильных ям густо засыпалось охрой, считавшейся у многих народов краской мертвых.

При разборке погребений археологам тоже сопутствовала удача: было собрано множество глиняных сосудов типа курисава и глиняных «колокольчиков», шлифованных каменных топоров и тесел, каменных

кнопчатых пожей и наконечников стрел, разнообразных бус из зеленой и коричневой яшмы, змеевика, стеатита, подвесок из зубов акулы, орнаментированная глиняная пластина, а также три каменных дубинки — сэкибо. Кроме того, на одном из скелетов сохранились остатки обгоревшей ткани. По мнению Коно Хиромити, она была похожа на айскую «ацуси» — ткань, сделанную из волокон коры пльмы.

Таким образом, раскопки со всей очевидностью показали, что земляные кольцевые насыпи и каменные круги Сюэна — могильник. Позже могильник такого же типа с каменными кругами обнаружили в Готэнъяме. Он оказался еще крупнее и богаче по инвентарю. В течение десяти лет археологи на холме Готэнъяма раскопали около 100 погребений, которые находились под курганами, выложенными камнями и опоясанными каменными оградами-кольцами. Обряд погребений и инвентарь оказались здесь такими же, как и в Сюэне.

Уникальные по количеству скелетов и богатству вещественного материала находки в Сюэне и Готэнъяме были сенсационными для японской археологии. Глазам исследователей открылись настоящие неолитические некрополи — новый, ранее неизвестный тип археологических памятников, новый тип погребений.

Обычно японские археологи находили грунтовые погребения без каких-либо насыпей и других отличительных знаков на поверхности. Именно такие захоронения характерны для раннего и среднего периодов дзёмона. Погребальные обряды Сюэна и Готэнъяма значительно отличались от таких известных «классических» могил. Они знаменовали собой какой-то кардинальный поворот в самом развитии культуры дзёмон. Примечательно, что эволюция от обычных групповых погребений к крупным могильникам завершалась именно на Хоккайдо — острове, наиболее близко расположенном к Евразийскому материку.

Уже первое знакомство с некрополями Сюэна и Готэнъяма рождало ассоциации с курганными могильниками степных пространств Азии эпохи неолита, бронзового и раннего железного веков. Особенно близкими кольцевым оградкам и каменным курганам Хоккайдо казались сибирские памятники афанасьевского и андроновского времен, хронологически предшеству-



ющие или синхронные позднему дзёмону Японии.

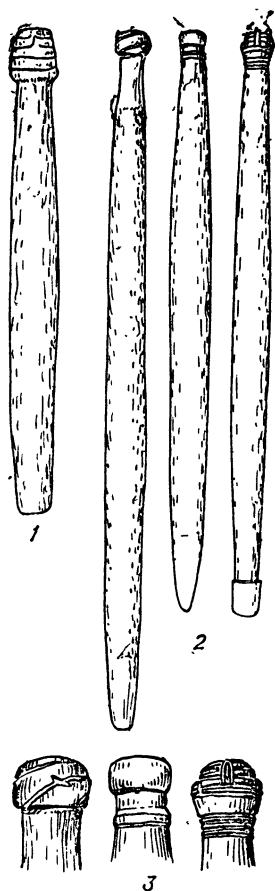
Поэтому естественно было предположить, что появление курганных могильников на Хоккайдо вызвано приходом новых племен со своими обычаями и верованиями. Конечно, здесь мог иметь место и медленный процесс постепенной инфильтрации пришлого населения. В истории подобные случаи известны и теоретически могли быть и на Хоккайдо. Предположение это было заманчивым и увлекательным, поскольку обещало интересную и яркую историческую картину.

Именно так на первых этапах исследований и истолковывались находки в Сюэне и Готэнъяме. В японской археологической литературе появилось немало сложных миграционных построений о пришельцах из азиатских степей.

Однако, чтобы уверенно обосновать такую гипотезу и доказать, что источник изменений в образе жизни населения Хоккайдо лежал не внутри, а вне Японских островов, необходимо наличие определенных изменений физического облика аборигенного населения, перемену в его антропологическом типе по сравнению с населением более раннего времени. Таких доказательств в распоряжении японских археологов нет. Они пока не могут уверенно объяснить причины внезапного появления в позднем дзёмоне Северной Японии каменных кругов и курганов. Памятники такого рода по-прежнему остаются во многом непонятными и странными.

Немало и других загадок таят погребения позднего дзёмона острова Хоккайдо. В похоронной обрядности неолитического населения ярко выражены определенные идеи, тесно связанные с понятиями и мировоззрением людей каменного века. В основе ее лежит прежде всего идея о том, что жизнь и смерть неотделимы друг от друга, что земля живых и таинственный мир мертвых тесно связаны между собой, ибо смерть человека означает его рождение в ином мире, откуда неизбежен возврат на землю. Символом такого вечного круговорота, перевоплощения душ умерших сородичей в живых членов рода было Солнце. Люди каменного века наблюдали, как оно ежедневно «умирает» на западе, а затем снова появляется на востоке. По аналогии с конкретным образом Солнца мыслилась и судьба человека. Возможно, исходя именно из такого понятия строились

*Рис. 25. Каменные палки «сэкибо».*  
 1 — из Сюэна; 2 — из могильника Касиваги; 3 — резные головки каменных палок.



кольцевые каменные ограды и круги, символизирующие тот же солнечный диск.

О сородичах, уходящих в «мир мертвых», древние люди проявляли трогательную заботу. Их снабжали одеждой, пищей, оружием и другой необходимой утварью. Ведь, родившись для новой жизни в «утреннем мире», души умерших во всем этом будут испытывать нужду. Такие представления в развитом каменном веке бытовали почти у всех племен земного шара. Не являлись исключением в этом отношении и племена Хоккайдо. Они тоже заботливо снаряжали своих сородичей «на тот свет», поэтому в могилах так много самых различных вещей. Естественно, что критерий ценностей у неолитических племен был иным, чем у нас. Дороже золота и серебра они ценили изделия из камня, особенно из нефрита, яшмы. Бусы и подвески из этих камней археологи часто находят в погребениях.

Любопытная деталь: в Сюэне рядом с такими украшениями лежали тщательно отполированные странные длинные (до 70 см) и тонкие (диаметр около 4 см) каменные палки или дубинки. Один конец у них искусно оформлен в виде головки фаллоса (рис. 25). Японские археологи называют такие каменные палки «сэкибо». Сэкибо в погребениях культуры дзёмон на Хоккайдо паходят довольно часто. В Сюэне было найдено три таких изделия, еще два целых и несколько фрагментов обнаружено в Готэнъяме.

Незадолго до моего приезда три прекрасных сэкибо японские археологи обнаружили при раскопках курганного могильника Касиваги, расположенного в 30 километрах к югу от Саппоро (рис. 26).

Сэкибо, относящиеся к позднему дзёмону, как правило, имеют длину 50—90 сантиметров, а в памятниках среднего дзёмона встречаются и более крупные образцы — до 2 и даже 2,5 метра. Эти диковинные каменные изделия привлекают внимание не только своей формой, но и совершенной отделкой.

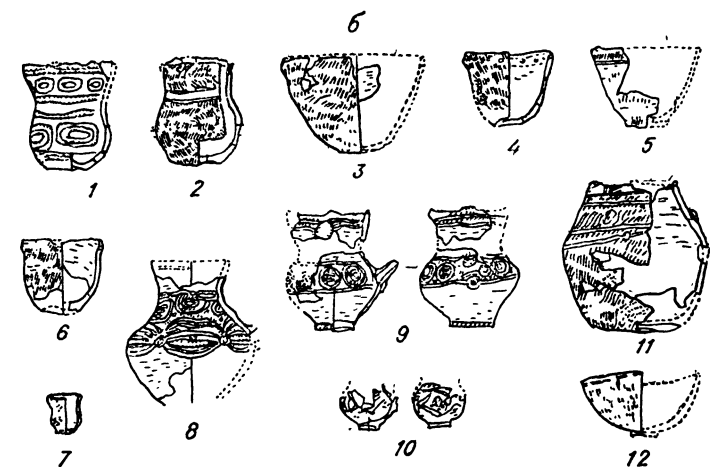
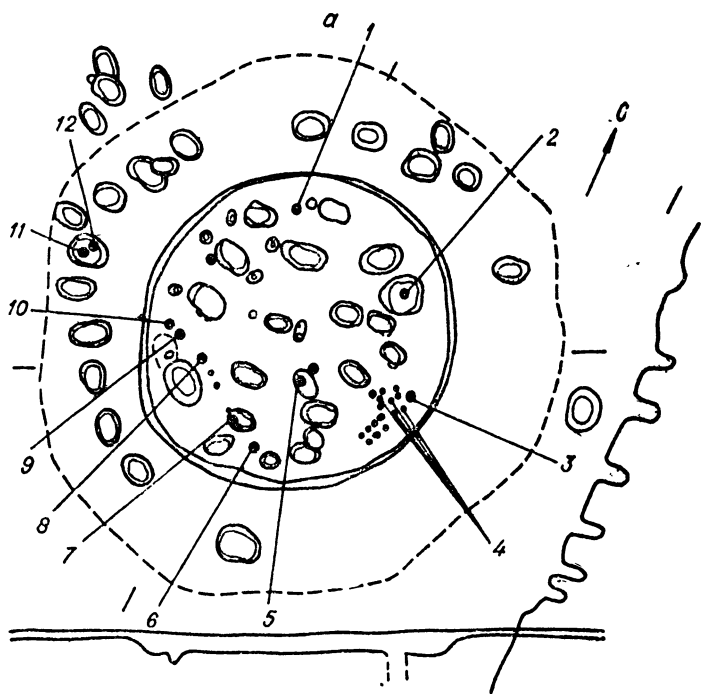
Назначение сэкибо объясняли по-разному. Одни исследователи видели в этих фаллических изображениях лишь предметы эротических культов, другие связывали их с культом плодородия, с идеей взаимодействия плодородия земли и человека. Чтобы понять, каким целям служили сэкибо, необходимо обратиться к этнографическим материалам.

Этнографами собраны обширные данные о фаллическом культе, широко распространенном в прошлом у земледельческих племен периода расцвета первобытного строя. В основе этого культа лежал один из главных принципов магии: «подобное вызывает подобное». Люди наивно полагали, что реальное или символическое бракосочетание стимулирует воспроизводство растений, и старались таким образом обеспечить успех своей хозяйственной деятельности. У племен Новой Гвинеи, например, существовал обычай, посвященный началу полевых работ. Согласно его ритуалу, перед началом сева муж с женой сочетались на поле. После этого муж фаллообразной палкой-копалкой делал ямки для посадки растений.

Подобные обычаи были распространены и у других племен Юго-Восточной Азии. Нередко эти индивидуальные обряды объединялись в массовые церемонии, в которых участвовала вся община. Причем обряд начинала пожилая пара, а за ней следовали и остальные члены общины.

Этнограф Ж. Кондоминас описал обряд мнонгаров Бьетнама, связанный с возделыванием рисовых полей. При этом обряде посадки риса воспроизводились как акт оплодотворения земли с помощью деревянного шеста-фаллоса<sup>37</sup>.

Развитые аграрные культы с совершением половых актов в поле отмечались исследователями у народов



Ближнего Востока и Кавказа, Средней Азии и Индостана, Африки и Мезоамерики. Пережитки их нашли отражение и в мифологии Древней Греции. Суть всех этих культов одинакова — магическими действиями влиять на производящие силы природы.

Внимательное изучение аграрных церемоний вместе с тем показывает, что корни фаллических обрядов уходят в глубь веков к охотничье-промысловым культам.

В связи с этим небезынтересно вспомнить весенние празднества у индейцев — охотников на бизонов Северной Америки. Во время этих празднеств-игрищ мужчины, переодетые бизонами, использовали искусственные фаллосы для имитации магического оплодотворения самок бизонов. По их представлениям, эти действия способствовали размножению животных.

Такое же значение, должно быть, имели и каменные песты фаллического типа с медвежьими головами, обнаруженные на неолитических поселениях Прибайкалья. Они символизировали активное мужское начало, активное как в охотничьем промысле, так и в воспроизводстве человеческого рода.

Может, и сэкибо Японских островов играли такую же роль?

Есть, однако, и еще одно любопытное объяснение назначения подобных изделий. При внимательном осмотре сэкибо можно заметить, что они не однотипны. У каждого головка украшена оригинальным неповторяющимся резным узором. Создается впечатление, что древний мастер как бы специально подчеркивал своеобразие узора и индивидуальные черты сэкибо.

Невольно на память приходят фелае — «любовные трости» микронезийских племен островов Трук. Резчики по дереву тоже изготавливали их с большим мастерством и тщательно отделывали. По внешнему виду полуметровое фелаи напоминало копье с утолщенным и несколько приостренным верхним концом. Эта утолщенная верхняя часть украшалась знаменитым микронезийским орнаментом. Причем в каждом случае создавался совершенно оригинальный рисунок, по которому, как по визитной карточке, узнавался владелец. Фелаи служили своеобразными инструментами объяснения в любви. В традиционной на островах Трук «любовой игре» инициатива принадлежала мужчинам, они воору-

жались фелаи. Начинаясь игра с прогулки по деревне, во время которой обладатели фелаи демонстрировали свое желание найти избранницу: играли фелаи, размахивали тростью и пр. Но вот избранница найдена, и обладатель фелаи показывает девушке орнамент своей «любвонной трости». Независимо от того, нравится ли девушке жених или нет, она внимательно рассматривает рисунок — ведь это знаки владельца фелаи. Добившись благосклонности, счастливчик ждет ночи. Ночью с фелаи в руках он пробирается к хижине избранницы и просовывает сквозь стену, сделанную из пальмовых листьев, свою «любвонную трость». Если рисунок на трости тот же, какой девушка видела днем, и ее владелец нравится, она тоже с помощью трости дает ответ. Если фелаи втягивается в хижину, это означает: «Входи и люби меня». Трость может быть втянута лишь наполовину и приподнята, что значит: «Я согласна, но не сейчас. Подожди». Но если в хижину «стучится» не тот мужчина, которого девушка ждет, она выталкивает фелаи наружу, тем самым выражая отказ: «Уходи. Я не приму тебя».

Известный чешский этнограф и путешественник Милослав Стингл, описавший этот интересный обычай, отмечает, что фелаи использовались не только на островах Трук, но и на других архипелагах Микронезии<sup>38</sup>.

В наши дни такого обычая уже не существует, хотя «любвонные трости» все еще продолжают изготавливаться, но теперь только как сувениры островов Трук.

Конечно, заманчиво связать сэкибо Японии с фелаи — атрибутом романтических любовных игр Микронезии. Только было ли это так на самом деле, трудно сказать.

Как бы там ни было, но в приведенных примерах достаточно определенно проявляется основная сущность фаллического культа: почитание сил природы и мужского производящего начала. Символами его были и каменные палки — сэкибо. Их находки свидетельствуют о распространении такого культа в неолитическое время на Японских островах.

«Священными камнями» японцы считали и скалы, украшенные рисунками. Однако долгое время на острове Хоккайдо не могли обнаружить наскальных изображений. Появилась даже теория о двух изобрази-

тельных системах в неолите, характерных для различных регионов земного шара. Согласно этой теории, представления о мироустройстве у одних племен реализовались в системе наскальных рисунков, у других — в орнаменте глиняных сосудов. К регионам, где в изобразительном творчестве доминировали петроглифы, относились Скандинавия с Карелией, Урал, Сибирь, пустыни Африканского континента. Регионы Малой Азии, Крита, Триполья, Средней Азии, Китая, Японии и Америки, прославившиеся яркой и выразительной керамикой, включались в орнаментальную систему.

Открытия богатой наскальной живописи сначала в Америке и Средней Азии, затем в Китае и, наконец, в самой Японии внесли существенные поправки в эту теорию.

На Хоккайдо петроглифы были открыты случайно, во время раскопок в 1950 году пещерной стоянки Фугоппэ. Мощность культурных отложений в самой пещере и на площадке у ее входа достигала 7 метров. Археологи нашли в этой толще много глиняных сосудов и орудий из камня и кости. Вещи из нижних горизонтов относились к финальному дзёмону, а из верхнего — к культуре сатсумон. Молодой тогда археолог Натори Такэмицу, руководивший раскопками, мог быть доволен работой. Полевой сезон заканчивался, и археологи приступили к упаковке снаряжения. За день до отъезда Натори Такэмицу еще раз спустился в пещеру, где его коллеги зачищали культурный слой — делали «заготовку» для раскопа будущего сезона. Включился в работу и Натори Такэмицу. И вдруг на уступе у западной стенки пещеры ему почудилось как будто какое-то изображение. О рисунках он и не подумал. Вероятно, естественные рывинки на камне, следы выветривания и действия воды. Продолжая расчищать кусок скалы дальше, он, однако, вскоре увидел второе, а затем и третье изображение... Теперь сомнений не оставалось — перед ним были настоящие петроглифы — рисунки человечков, выбитые на скале.

Раскопки в пещере Фугоппэ продолжались с удвоенной энергией и в последующие годы. В результате тщательнейшего обследования удалось обнаружить здесь около двухсот наскальных изображений.

Думаю, что каждому хотелось бы посмотреть такую

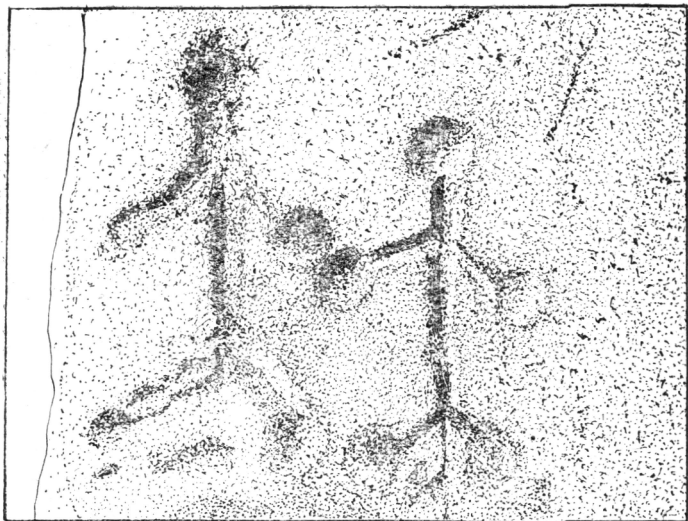


Рис. 27. Пляшущие человечки (пещера Фугоппэ).

богатую древнюю художественную галерею. И я был очень рад, когда мне представилась такая возможность.

Пещера Фугоппэ располагается в отдельно стоящей невысокой скале. Вход в нее сейчас сделан в виде легкого ажурного павильона, который архитектурно очень удачно вписывается в очертания скалы, а сама пещера превращена в своеобразный музей.

Рисунки начинают встречаться уже у входа и тянутся в глубь пещеры. Немного воображения — и стены пещеры как бы оживают, рождая образы давно минувшей жизни...

В одном месте на зеленовато-охристом фоне скалы видна группа человечков (рис. 27), изображенных в рост и как бы в ритме танца. У них большие круглые головы, руки раскинуты в стороны, динамично передапы ноги.

Еще интереснее группа антропоморфных фигур с выступающими из-за плеч руками-крыльями. По бокам «крыльев» видно нечто подобное бахrome-перьям. Перед нами какие-то полулюди-полуптицы (рис. 28), изображенные как будто в какой-то неистовой ритуальной пляске. Впечатление это еще больше усиливает-





Рис. 28. Антропоморфные фигурки (пещера Фугоппэ).

некоторые сюжеты. Прежде всего это относится к антропоморфным фигурам и рисункам полулюдей-полуптиц. Похожие образы известны по сюжетам писаниц Забайкалья, Монголии, где они изображают колдунов, шаманов и связаны с магическими культами.

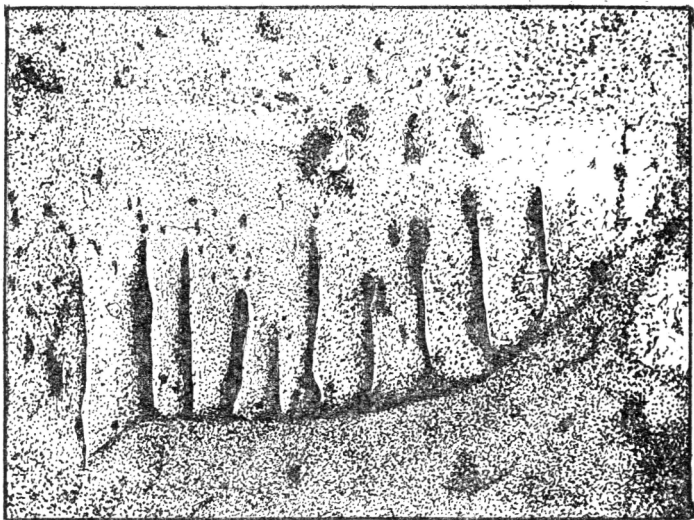
Другой сюжет, широко представленный в наскальном искусстве Фугоппэ, — лодки, имеет аналогии не только среди петроглифов Нижнего Амура и Прибайкалья, но и Индонезии, Вьетнама. Особый интерес представляет сходство лодок Фугоппэ с наскальными изображениями лодок на стенах пещеры-поселения каменного века Ниа на острове Саравак (Индонезия). Правда, лодки Ниа в отличие от хоккайдских не выбиты, а нарисованы красной краской, в деталях же их изображения очень похожи. Лодки пещеры Ниа на острове Саравак интерпретируются исследователями как «ладьи мертвых», в которых души умерших переправляются в загробный мир.

ся при свете фонаря, когда по стенам пещеры начинают «бегать» тени, а сами фигуры колеблются в отсветах огня.

Поблизости от этой группы изображена лодка в виде дугообразной линии, от которой отходят вверх короткие вертикальные линии — «люди» (рис. 29). Есть здесь и фигуры зооморфных существ.

Рисунки высечены на камне в лаконичной манере, но, несмотря на свою простоту, поражают своеобразной экспрессией, ди-памикой.

По стилю исполнения они ближе всего к наскальным рисункам таежных и степных районов Северной Азии. Схожи и



*Рис. 29. «Ладья мертвых» (пещера Фугоппэ).*

Такие представления подтверждаются наблюдениями этнографов. Советский ученый Ю. В. Маретин отмечал, что у батаков рода Каро на острове Суматра после кремации останки умершего складывались в миниатюрную лодочку, которая пускалась вниз по течению реки Лаубианг, к Маллакскому проливу, по направлению к древней прародине. При этом число деревянных фигурок в лодочке соответствовало количеству умерших в роду за истекший год <sup>39</sup>.

Крупнейший специалист в области первобытного искусства А. П. Окладников тоже не исключает связи изображений лодок на петроглифах Сакачи-Аяна, Шереметьева, Кии и Калиновки (Нижний Амур) с культом мертвых. По его мнению, на Амуре существовала благоприятная почва для таких представлений, обусловленная экономикой и образом жизни рыболовов каменного века <sup>40</sup>.

Возможно, что и выбитые на скалах изображения лодок в пещере Фугоппэ тоже отражают представления об отплытии душ умерших в страну предков.

Можно думать поэтому, что на острове Хоккайдо в

конце I тысячелетия до нашей эры — начале I тысячелетия нашей эры встретились два различных культурно-исторических мира — мир южных морей Юго-Восточной Азии и мир лесов и степей Северной Азии.

Сейчас на Хоккайдо известны и другие места, где были открыты петроглифы. В пещере Тэмня, расположенной недалеко от Фугоппэ, обнаружены очень схематичные антропоморфные изображения, которые японскими археологами относятся к финальной стадии культуры дзёмон. Концом раннего или началом среднего дзёмона датируются зооморфные рисунки, выбитые на стенках пещеры Оомагари.

Итак, перед нами совершенно новый, малоизвестный и пока слабо изученный очаг древнего пещерного искусства. За образами наскальных изображений скрывается сложный и таинственный мир идей и понятий древних обитателей Хоккайдо. Они ждут своих исследователей. Такие исследования, несомненно, послужат большим вкладом в изучение первобытного творчества этой части островной Азии.



**ФУНАДОМАРИ — КАБУКАЙ**

Недалеко от Вакканая есть местечко Баккай, где открыта небольшая сезонная стоянка охотской культуры. Название местечка и стоянки произошло от айнского наименования возвышающейся рядом скалы оригинальной формы, напоминающей женщину с ребенком на спине — баккай.

Из Баккай хорошо видны лежащие в морском просторе два острова — Рэбун и Рисири. На остров Рэбун мы и направляемся. Грузимся в порту Вакканай — самом крупном в северо-западной части Хоккайдо. Он играет важную роль в развитии деловых и торговых связей с Советским Союзом. У причалов порта Вакканай можно часто видеть флаги наших кораблей.

Большой, словно чрево гигантского кита, трюм морского парома «Соя-мару 2» поглощает десятки тяжело груженных строительными материалами автомашин. Среди них находится и наша «Тоёта». Интересно отметить, что названия всех японских судов заканчиваются словом «мару». Традиция добавлять это слово к названиям судов уходит в начало XVII века. Слово это очень древнее и в переводе с японского означает круг. А круг, как известно, с давних времен у многих народов мира был символом солнца, счастья. Слово «мару», таким образом, должно было способствовать удаче, благополучию судов, которые отправлялись в далекое морское плавание.

Ровно в 8.00 «Соя-мару» отходит от причала и берет курс на остров Рэбун, расположенный в 50 километрах к северо-западу от Хоккайдо.

Остров Рэбун самый северный в Японском архипелаге. По характеру рельефа он представляет плоско-

горье третичного происхождения, поднимающееся над уровнем моря на 300—350 метров. Самая высокая его точка — гора Рэбун-дакэ (490 м) расположена в центре плоскогорья. Протяженность береговой линии острова около 60 километров. Изрезана она слабо, хотя есть несколько уютных бухт и красивых береговых утесов.

Археологическую известность остров Рэбун получил рано, примерно в то время, когда начались первые раскопки на Хоккайдо. Помог этому случай.

Однажды в осенний ненастный день 1891 года безымянный рыбак, промышлявший в заливе Фунадомари у северной оконечности острова, собрал недалеко от устья реки Оосава на поверхности песчаных дюн коллекцию разных предметов. Среди них были фигурно обработанные камни, черепки глиняных горшков, человеческие кости. Рыбак передал свои находки местному чиновнику, а тот отправил их в Саппоро в только что созданное «Общество естествознания». Члены общества как раз в то время готовили к публикации «Перечень памятников каменного века Хоккайдо», и находки с острова Рэбун попали в эту первую сводку по археологии Хоккайдо.

На опубликованный материал обратил внимание антрополог Есикиё Коганеи и использовал в своих выступлениях против теории заселения острова племенами коропоккуру. Есикиё Коганеи считал, что глиняные горшки, украшенные веревочными оттисками, с острова Рэбун, относятся к керамике типа дзёмон, а стоянка на берегу залива Фунадомари принадлежала предкам айнов, которые в каменном веке употребляли глиняную посуду. Это был важный аргумент в его дискуссиях с Сёгоро Цубои, отрицавшим наличие керамики у айнов.

Остров Рэбун и в дальнейшем продолжал преподносить сюрпризы археологам.

В 1932 году там же на дюнах Фунадомари при сооружении погребов для местной школы были найдены две великолепные костяные статуэтки женщин. Их изображения обошли тогда страницы многих журналов, вызвав удивление читателей: как эти прекрасные произведения искусства попали на почти необитаемый остров?

Летом 1932 года археолог из Саппоро Натори Такамицу посетил остров Рэбун и выяснил, что здесь име-

ется несколько древних памятников. Наиболее крупным из них, по его мнению, была стоянка Хаманака, расположенная в западной части побережья Фунадомари.

В 1948 году на стоянке Хаманака были собраны каменные орудия, керамика, много человеческих костей и даже целые черепа. Найденные черепа направили в лабораторию Хоккайдского медицинского института. Там установили, что они имеют близкое сходство с черепами так называемых «обитателей раковинных куч Моёро», относящихся к племенам охотской культуры.

Такое заключение вызвало живой интерес у известного специалиста по вопросам охотской культуры, организатора раскопок в Моёро профессора Тосиа Обба. Он энергично высказался «за желательность исследований этого пункта», и в 1949 году в залив Фунадомари была направлена специальная археологическая экспедиция под руководством Кодама Сакудзаэмон. Среди песчаных холмов, вытянувшихся вдоль берега залива, экспедиция открыла четыре пункта с находками древних изделий. Условно их назвали Фунадомари I, II, III и IV (рис. 30).

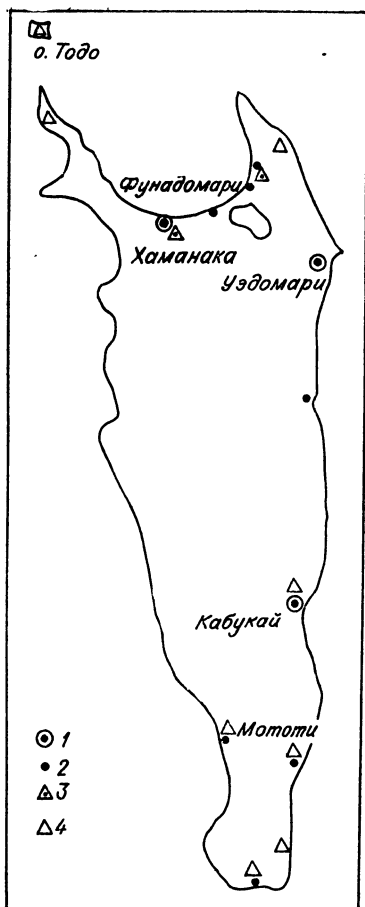


Рис. 30. Схематическая карта острова Рэбун.

1 — постоянные поселения;  
2 — сезонные стоянки; 3 — памятники культуры дзёмон;  
4 — памятники охотской культуры.

Стоянка Фунадомари II, известная в литературе еще под названием Хаманака, порадовала японских археологов и разнообразным вещественным материалом, и открытием могильника. Найти могильник — всегда большое событие для археологов. Особенности погребального обряда, вещи, положенные в могилу, могут дать много интересных сведений о жизни людей той или иной отдаленной эпохи. Раскопки 12 могил показали, что жители Фунадомари хоронили своих сородичей в неглубоких ямах. Они клали покойников с согнутыми в коленях ногами головой на северо-запад (6 погребений), на запад (4 погребения) или на юго-запад (2 погребения). Археологи называют такое положение костяков «скорченным». Каждая могила предназначалась только для одного человека, групповых захоронений не обнаружено.

Рядом с погребенными стояли глиняные горшки, лежали различные каменные орудия для труда и охоты. В некоторых могилах оказались даже железные топоры, ножи и иглы. По мнению исследователей, эти металлические изделия дают основание отнести погребения стоянки Хаманака к заключительному этапу охотской культуры.

Еще одна интересная деталь: на стоянке четко выделяются два культурных слоя: охотской культуры и позднего дзёмона. К тому же нашли несколько фрагментов керамики, характерной для среднего дзёмона. К сожалению, стратиграфическое положение этих находок установить не удалось.

Еще более интересной оказалась многослойная стоянка Фунадомари IV. В ее верхних культурных слоях (второй и третий), относящихся к позднему дзёмону, оказалось много глиняных тонкостенных сосудов, украшенных наклонными веревочными оттисками. Среди них выделялись высокие сосуды с волнистым венчиком, горшки-камэ и чаши. Все сосуды имели плоское дно. На поверхности некоторых из них помимо орнамента в виде веревочных оттисков параллельно венчику были прочерчены резные линии. Изготавливалась посуда так называемым способом лепточного налёпа. Такой тип тонкостенных сосудов археологи называют керамикой типа фунадомари верхнего слоя (см. рис. 9). Кроме керамики здесь же нашли каменные наконечники стрел

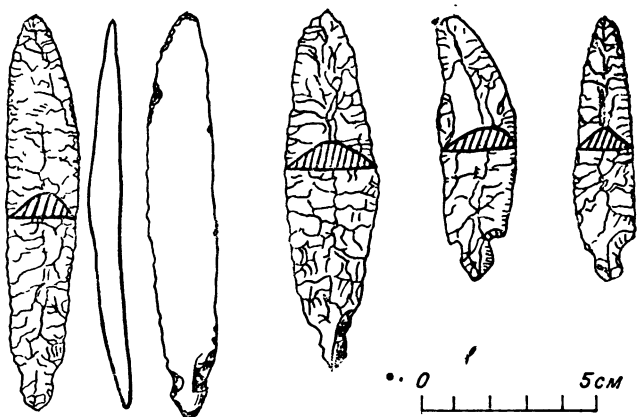


Рис. 31. Каменные ножи (стоянка Фунадомари IV).

и копий, ножи, топоры, проколки, грузила для сетей, костяные иглы, шилья, наконечники гарпунов, рыболовные крючки, украшения из камня, клыков животных и раковин.

С нижним, четвертым, культурным слоем, который относится к среднему дзёмону, связаны находки толсто-стенных сосудов. В отличие от верхних слоев здесь было больше тщательно сделанных каменных пожей (рис. 31) и костяных наконечников гарпунов, предназначенных для промысла морских животных. О многом говорят исследователям топоры, наконечники стрел, подвески-украшения, изготовленные из обсидиана, нефрита, змеевика. Ведь такого сырья нет на острове Рэбун, а месторождений нефрита нет и на Хоккайдо. Следовательно, население острова Рэбун, в частности, периода, когда существовала культура среднего дзёмона, не было изолированным! Значит, существовали тесные культурно-исторические связи этого древнего населения с племенами соседних областей, в том числе континентальной Азии!

При сравнении археологических материалов, собранных на стоянках Фунадомари II (нижние слои) и IV, выяснилось, что они во многом похожи. Прежде всего это касается керамических изделий. Повторяется форма сосудов и их орнамента. Такое сходство можно объяснить тем, что эти стоянки хронологически близки. Не



исключено даже, что какое-то время они существовали одновременно. Возможно, это было время с конца среднего дзёмона до периода расцвета керамики типа фунадомари верхнего слоя. Затем жизнь на этих стоянках по неизвестным нам причинам прекратилась. Куда девались их жители и почему они ушли с обжитых мест, остается только гадать и высказывать разного рода предположения.

Позднее, около VIII века нашей эры, стоянку Хаманака вновь заселяют, но уже люди охотской культуры.

Харуо Ойи, например, думает, что стоянка Хаманака для людей той далекой поры была не постоянным местом обитания, а сезонным лагерем. И только с заключительного этапа охотской культуры это место стало родовым могильником. Центральное долговременное поселение, по его мнению, во времена процветания охотской культуры находилось в Кабукае, расположенном на восточном побережье острова Рэбун вдоль удобной широкой бухты. Это была крупная деревня охотской культуры, с большими полуподземными жилищами. За четыре полевых сезона японские археологи под руководством Харуо Ойи раскопали здесь 5 больших (площадью в среднем около 75 квадратных метров) типичных домов охотской культуры (рис. 32). В центре



*Рис. 32. Раскопки стоянки Кабукай.*

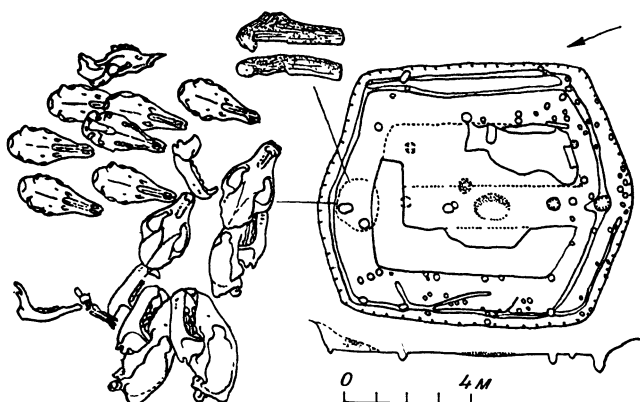


Рис. 33. План жилища и скопления медвежьих черепов.

каждого из них располагался очаг — средоточие жизни и деятельности обитателей дома. Вся утварь, предметы охотничьего снаряжения, глиняная посуда размещались вдоль стен. Здесь же найдены и предметы украшения. Возможно, когда-то у стен располагались нары, а на них хранился весь хозяйственный инвентарь. Поражает обилие костяных изделий. Широко представлены наконечники гарпунов, рыболовные крючки, шилья, проколки, орнаментированные игольники, скульптурные изображения медведей, тюленей, всевозможные бляшки и подвески. А в одном из жилищ обнаружили настоящий склад сырья — заготовки кости в виде специально вырезанных небольших брусков.

Сюрпризы ожидали археологов и при дальнейших раскопках. Оказалось, что место у дальней от входа стены, по-видимому, предназначалось для свершения каких-то важных ритуальных церемоний, связанных с верованиями и представлениями людей охотской культуры. Именно здесь при расчистке пола открыли залежи медвежьих костей, среди них были и черепа медведей. В каждом жилище обязательно находили два-три медвежьих черепа (рис. 33).

Несомненно; с церемониями и обрядами были связаны и обнаруженные в Кабукае сооружения из костей и черепов кита. Население охотской культуры, как и другие народы Северной Пасифики (например, коряки, алеуты), почитали кита и устраивали в его честь празд-

ничные церемонии. Вся обрядность таких праздников состояла в хорошей встрече убитого кита, который, считалось, пришел в гости, в оказании ему величайшего уважения и почтения. Ведь кит, хотя уже и в другой жизни, возвратится в море и вновь придет на следующий год к тем, кто его хорошо встречал. В этих представлениях древних зверобоев отражается рационалистический подход к использованию промысловых животных, проявляется забота о том, чтобы их всегда было в достатке. Наиболее яркое выражение эти представления нашли в мифах об умирающем и воскресающем звере у народов Северо-Восточной Азии.

В процессе раскопок Кабукая была отмечена еще одна интересная закономерность: определенная связь жилищ с раковинными кучами. Оказалось, что раковинные кучи всегда располагаются недалеко от входа в жилище. Тщательность раскопок позволила проследить направление выброса «кухонных» отходов — раковин моллюсков, костей рыб и животных и образование из них кучи. Жилище и раковинная куча, таким образом, представляли единый комплекс. Это наблюдение весьма перспективно для новых поисков и изучения производственных единиц охотской культуры.

Столь многочисленные археологические материалы Кабукая убедительно свидетельствуют о том, что здесь находилось долговременное поселение. Харуо Ойи, основываясь на анализе материалов раскопок и их сравнительном изучении, полагает, что в каждой полуземлянке жила одна большая семья, состоящая из 10—20 человек — представителей трех поколений. Всего же на поселении проживало около 100 человек. Это была единая территориальная группа родственных семей. Харуо Ойи называет такое объединение «региональным коллективом». Он занимал всю территорию острова Рэбун. Все члены этого коллектива были связаны родственными отношениями, совместным производством и общностью ритуальных церемоний. В зимнее время люди жили в центральном поселке Кабукай, а с наступлением тепла переселялись из тесных и душных полуземлянок в летние жилища сезонных лагерей, которые строились поблизости от мест промысла рыбы и морских животных. Сезонными лагерями были стоянки Хаманака, Мототи, Уэдомари, Найро и др. (см. рис. 30).



*Рис. 34. Глиняный сосуд (стоянка Кабукай).*

В то же время, как свидетельствуют материалы раскопок, жители острова Рэбун не были изолированы от своих соседей, живших на Хоккайдо. Достаточно взглянуть на обнаруженную керамику, чтобы убедиться в этом. Жители поселка Кабукай использовали плоскодонные горшки, украшенные резными горизонтальными линиями и короткими крестовыми нарезками (рис. 34). Точно такая же посуда была в употреблении у жителей охотских поселений окрестностей Эсаси и бухты Соя. Последние в свою очередь, как уже отмечалось, имели культурные контакты с населением Южного Сахалина. Близкое соседство этих групп населения, естественно, способствовало развитию тесных взаимоотношений. В результате в облике материальной культуры поселений Кабукай на острове Рэбун, бухты Соя на

Хоккайдо, Озерска на Сахалине появляется много общих элементов.

\*       \*  
\*

К вечеру разыгрался шторм. Спасаясь от непогоды, мы укрылись в небольшой уютной гостинице с поэтическим названием «Усуюки-со» — «Горный цветок». Приткнувшись у крутого склона рыжей сопки, гостиница эта с деревянными голубыми стенами под красной железной крышей действительно напоминала одинокий цветок, затерянный среди сопок и утесов бухты Гэнти.

Хозяин гостиницы Янагия Кацусигэ и его супруга Янагия-сап встретили нас с большим радушием. Харуо Ойи, проводивший раскопки стоянки Мототи, расположенной рядом с гостиницей, — для них давно свой человек. Поэтому так тепло принимают и нас — его гостей и коллег по науке.

Гостиница «Усуюки-со» типично японская. Как и в японских домах, здесь есть ванна, совсем не такая, к какой привыкли мы. Обычную в нашем понимании ванну заменяет короткая и высокая деревянная кадка, в которой сидят на корточках. Причем прежде, чем залезть в нее, нужно вымыться горячей водой с мылом. В самой ванне мылом не пользуются. Сидеть в такой кадке, наполненной горячей водой, очень приятно, а после сырости и холода улицы вдвойне.

Распаренные после ванны, облачаемся в широкие темно-синие кимоно. Одежда эта очень удобная для отдыха. Чувствуешь, как расслабляется тело, проходит усталость после трудного дня, и убеждаешься в рациональных качествах традиционного японского быта.

Кухня в гостинице тоже японская. К ужину подается рис, сваренный без соли и масла, побеги молодого бамбука, рыба, моллюски, различные приправы и чай.

Янагия Кацусигэ живет на острове Рэбун давно.

— Мое третье поколение, — говорит он.

Его предки приехали на остров в конце прошлого столетия. Сам он сначала был рыбаком, а когда стал сказываться возраст, осел на берегу.

— Раньше, когда рыбачил, часто встречал русские суда в море. Обменивались табаком, угощали водкой, — говорит хозяин гостиницы.

Рассматриваем старый альбом фотографий. Первые колонисты на острове Рэбун, на берегу штабеля ящиков, бочки... Другая фотография — Мототи в 1912 году, группа японских рыбаков, семейные фотографии, молодой офицер с самурайским палашиком... Со страниц альбома словно дохнуло тревожным прошлым.

На втором этаже для меня была отведена комната, вся застеленная татами. Меблировка ее предельно проста: у стены низкий стол, лампа с абажуром, на полу стеганный тюфяк — футон (это постель) и плоские подушки — дзабутон.

За окном виднелись бушующее море и вершина скалистого утеса. Порывы ветра становились все сильнее, они с силой ударяли в стены «Усуюхи-со», и казалось, вот-вот сорвут крышу. Я придвинул ближе к себе стол и лампу и лег посреди комнаты на футон, накрывшись четырьмя одеялами. Легкие стены японских домов плохо держат тепло...

На следующий день море по-прежнему штормило. Паром «Соя-мару» не пришел, и нам не оставалось ничего другого, как «ждать у моря погоды». Чтобы не терять времени, решили поехать в Фунадомари и познакомиться со скульптурными изображениями медведей и женщин, хранящихся в частном собрании.

## МЕДВЕДИ И ЖЕНЩИНЫ

При осмотре древних памятников Хоккайдо мне часто встречались сделанные из кости и глины скульптурные изображения медведей и женщин. Особенно много было медвежьих фигурок. Начиная с Абассири, они находились почти на всех поселениях охотской культуры. Исключительно счастливым на находки скульптурок медведей оказался остров Рэбун. Здесь только при раскопках поселения Кабукай нашли 46 медвежьих фигурок, поражающих своей индивидуальностью, умением древнего резчика лаконичными, но характерными штрихами передать повадки зверя.

Большинство скульптур искусно вырезано из посовой кости касатки. При этом с большой изобретательностью использована естественная фактура кости — ее пористость, создающая впечатление мягкости шерсти.

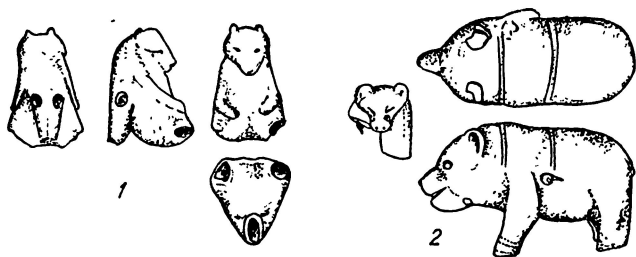


Рис. 35. Костяные фигурки медведей.

1 — медвежонок из Хаманаки; 2 — скульптурки со стоянки Монбетсу.

Все медведи Кабукая изображены сидящими на задних лапах в очень характерной медвежьей позе (рис. 35). Акцентировка на мягкости шерсти и тщательно отделанной головке с симпатичной мордочкой создает впечатление, что перед нами не взрослые звери, а медвежата, очень привлекательные и добродушные. Передние лапы у них сложены спереди, как руки у человека. Вообще фигурки эти выглядят сильно «очеловеченными». Они небольшие, высота их 4,5—6 сантиметров. Все скульптурки со стороны имеют узкое сквозное отверстие, по-видимому, для подвешивания.

Очень похожие изображения медведей были найдены также в Моёро, Токоротяси и на стоянке Онкороманай.

В другом ключе решена исключительно выразительная скульптура медведя со стоянки Хаманака (рис. 36). С удивительной достоверностью воспроизведено движе-

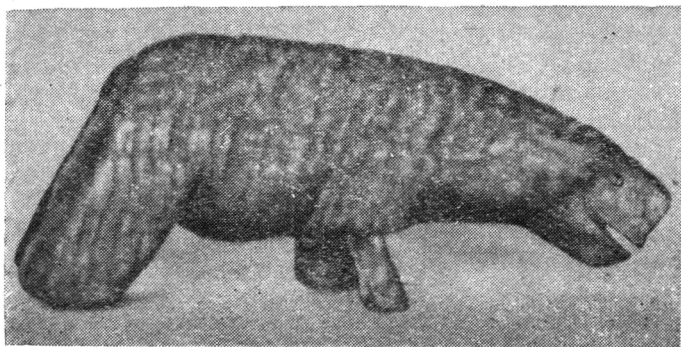


Рис. 36. Скульптурное изображение медведя.

ние зверя, его сила. У медведя могучая спина, огромные столбообразные ноги, крутая задняя часть возвышается над передней, несколько опущенной. Лобастая морда с оскаленной пастью вытянута вперед. Благодаря умелому использованию структуры клыка, из которого вырезана скульптура, создается эффект переливающихся складок шерсти на шкуре медведя.

Изображения медведей с поселений Моёро и Монбетсу трактованы по-иному (см. рис. 35, 2). Поза зверей спокойная, даже как бы умиротворенная. На спине у них четко вырезаны полосы с рядами точек посередине, а на морде — серия точек, образующих линию. Такие полосы и линии, по-видимому, воспроизводят ремни и цепи, с помощью которых привязывались медведи к специальным столбам во время медвежьего праздника.

Думается, перед нами изображения виновников праздничных церемоний во время медвежьего праздника, о котором рассказано выше. Находки на Хоккайдо, таким образом, свидетельствуют о широком распространении представлений, связанных с медвежьим праздником среди населения охотской культуры.

Вместе с тем, как свидетельствуют данные фольклора, изображения медведей имели в прошлом и более широкое значение. Это исконные образы первобытной мифологии лесных охотников каменного века. Наряду с лосем медведь был центральной фигурой и главным героем обрядовых церемоний, к нему относились с особым почтением. Известный советский этнограф В. Г. Богораз писал: «...Медведь — это зверь производственный, зверь — заместитель всей охотничьей добычи. Он является тотемным героем и предком, по некоторым вариантам — отцом, по другим — только дядей человеческих юношей... Он же является духом-покровителем, культурным героем и племенным богом»<sup>41</sup>.

В этнографии сохранилось много свидетельств, указывающих на особую роль медведя в культе плодородия, на тотемный союз человека и медведя через женщину, на связь женщины с медведем. Они позволяют глубже понять смысл изображений Хоккайдо.

Тотемный брак женщины и медведя находит отражение во многих сказках народов Нижнего Амура.

В одной из таких сказок рассказывается. Однажды две сестры пошли к стаду оленей. Вдруг началась силь-



ная пурга. Сестры заблудились. Как они ни старались, но не могли найти дороги в свое стойбище. Наступила ночь. Младшая сестра потерялась. В поисках ее старшая сама провалилась в медвежью берлогу. Но медведь ее не тронул. Он был добр и ласков. Вместе с медведем старшая сестра провела в берлоге всю зиму. Когда наступила весна, она вышла из берлоги и медведь показал ей дорогу домой. Родители очень обрадовались возвращению дочери, и она стала жить с ними. Однако вскоре почему-то заскучала и снова ушла в лес.

Прошло время. Однажды мать исчезнувшей дочери проходила мимо небольшой пещеры и услышала детский плач. Она вошла в пещеру и увидела свою дочь и двух малышей: один был весь покрыт шерстью, хотя не такой густой как у медведя, а другой был обычным ребенком. Чтобы над дочерью не смеялись в поселке, мать взяла на воспитание медвежонка, а дочери оставила мальчика. Когда братья подросли, юноша захотел померяться силой с медведем. В борьбе он убил медведя. Умирая, медведь завещал людям ритуал охоты, свежевания, трапезы и захоронения медведя. Мать медведя его мяса не ела.

Отсюда, очевидно, и произошли различные табу для женщин на употребление в пищу медвежьего мяса.

Разнообразные варианты этого мифа известны не только среди населения Нижнего Амура, но и Сахалина, Охотского побережья.

Во время совместных советско-американских археологических раскопок в 1974 году на Аляске аналогичную по содержанию легенду североамериканских индейцев рассказал известный антрополог США профессор Вильям Лафлин.

В легенде этой повествуется, как однажды потерялась маленькая девочка. Ей было страшно, и она спряталась в низкорослом ельнике на самой границе леса и снега. Там ее и нашел медведь-гризли. Он отнес девочку к себе в берлогу. Медведица радушно приняла гостью и поместила вместе со своими детенышами. Маленькая рыжеволосая девочка и медвежата вместе ели и спали, весело играли и быстро росли. Когда девочка стала взрослой, старший сын гризли женился на ней. Шли годы. У них родилось много детей. Но они не были похожи ни на мать, ни на отца. Это были лю-

ди-медведи. Они жили счастливо, и их внуки расселились по всей земле. Люди-медведи и стали предками всех индейских племен.

Реликты древних медвежьих культов сохранились не только у племен северной части Тихоокеанского бассейна. Отголоски их мы находим у многих сибирских народов: эвенков, кетов, селькупов, обских угров. Следы медвежьих культов отмечаются также и у некоторых народов Европы.

Вспомним полную трагизма легенду литовцев «Локис» о медведе-оборотне, талантливо переработанную французским писателем Проспером Мериме.

Все эти мифологические сюжеты есть не что иное, как отображение глубоко архаической по времени и тотемической по идеологической сущности идеи воссоединения женщины и зверя, связанной своими корнями с культом плодородия, возрождением жизни.

Находки медвежьих фигурок в древних поселениях Хоккайдо выразительно иллюстрируют то реальное значение, какое имел медведь в идеологии и мировоззрении населения охотской культуры. Его особая роль в идеологических представлениях охотского населения подчеркивается и тем обстоятельством, что медвежьи скульптуры, как правило, встречались в дальнем от очага углу жилища-полуземлянки, там, где обычно находилось почетное место.

В этом «красном» углу нередко оказывались и черепа медведей (см. рис. 33). Иногда их было два-три, а иногда и больше. Сам факт присутствия медвежьих черепов в древнем жилище на почетном месте весьма примечателен. Он свидетельствует об особом почтительном отношении к черепу медведя, о культе медвежьего черепа. На память приходит обряд «помещения черепа» во время медвежьего праздника у нивхов-гиляков Сахалина, детально описанный Е. А. Крейновичем. После завершения медвежьего праздника череп медведя помещали в специальное хранилище — «амбар, в котором хранятся головы медведей». Но прежде чем положить череп в амбар, его старательно украшали. Специально делалось белоснежное ложе из стружек инау, в которое осторожно укладывали голову медведя. Рядом клали для еды корни сараны, стебли пучки, а морду обмазывали студнем. И только после этого несли череп к «амбару».

«Амбарчик стоял в лесу на четырех столбах из иней,— писал Е. А. Крейнович.— Мы поднялись в него по бревну с зарубками. Когда я вошел туда, то понял, что это святиня рода, таящая в себе следы всех взаимоотношений нивхского рода с наей — родом горных людей-медведей. Вдоль стен амбарчика были устроены простые полки, на которых лежали черепа медведей убитых членами рода... Они уже побелели от долгих лет лежания здесь. На многих черепах инау истлели, но следы засохшего студня, которым их обмазывали, еще сохранились. Тут же на стенах висели края рта с кончиками носа, срезанные с медведей, и медвежьи кости с кусками кожи, срезанными с окружностей лап. Здесь же хранилась вся утварь, употребляемая на медвежьем празднике: корыта для изготовления студня, корыта для кормления душ близнецов, чаши для сердца медведя, котлы, цепь с ошейником для медведя, родовое кресало, которым разжигают табуированный огонь на медвежьем празднике.

Паркызин (нивх, хозяин медвежьего праздника, описываемого Е. А. Крейновичем.— *Р. В.*) взял череп своего медведя и бережно положил его на свободное место возле других черепов. После этого он взял корыто со студнем, обмазал им переднюю часть вповь положенного черепа. Затем он немножко помазал студнем все черепа, находившиеся в амбаре. Этот обряд кормления черепов медведей носит у нивхов название тён'к'равнд.

После этого мы вышли из амбара, и Паркызин направился к дереву ч'вэ (родовое дерево.— *Р. В.*). Повернувшись в сторону гор, Паркызин воскликнул: „Чух!“ — и бросил по направлению к горам немного студня, несколько корнеплодов сараны, сушеный стебель пучки. Затем он сказал: «Глаз не имея, отверстия носа не имея, вот так посередине моего пути меня жди“»<sup>42</sup>.

Так, расставание с черепом было завершено обрядом кормления духов гор в соответствии с вековой традицией.

В этой небольшой сюжетной зарисовке много интересных деталей, подчеркивающих не только важность для нивхов культа медвежьего черепа, но и веру в тесное кровное родство с родом медведей-людей.

Известны случаи, когда черепа хранились не в предназначенных для них амбарах, а в домах на специально сооруженном помосте, на почетном месте. Так, должно быть, было и во времена охотской культуры на Кабукае и в других поселениях Хоккайдо.

Но и это еще не все. Часто в древних жилищах изображения медведей лежали вместе с костяными женскими статуэтками. Это наблюдалось, например, на стоянке Хаманака, в Моёро. Они как бы символизировали мужское и женское начало в обрядах плодородия и в то же время иллюстрировали широко распространенные мифологические сюжеты об интимной связи женщины и медведя.

Фигурки медведей, медвежьи черепа и женские статуэтки, таким образом, составляли сложный ансамбль. Каждая фигура этого ансамбля играла свою роль, занимала свое место в ритуальных церемониях. Особое значение в идеологических представлениях имел образ женщины.

Женские статуэтки, как известно, получили широкое распространение в Евразии, начиная с палеолита. Прекрасные образцы «палеолитических Венер» найдены в Сибири на верхнепалеолитических стоянках Мальта и Буреть. Отсюда, кстати, происходит 20 женских статуэток — почти половина «мирового запаса» этих феноменальных произведений мастеров древнекаменного века.

Яркие образцы женских скульптур дали раскопки неолитических памятников Японии. Это знаменитые глиняные фигурки догу (дословно «догу» — глиняные изображения). Те, кто хотя бы раз увидит их, не забудет необычного впечатления, какое производят эти изображения с неподвижными огромными глазами, пышными странными головными уборами и такими же странными одеяниями, напоминающими скафандры космонавтов (рис. 37). Именно эти фигурки называл изображениями загадочных пришельцев из космоса швейцарский археолог Э. Дэникин в своем вызвавшем «взрыв» общественного интереса фильме «Воспоминания о будущем».

Японскими археологами открыты сотни таких удивительных скульптур, сделанных из обожженной глины. Они известны на многих памятниках культуры дзёмон от Кюсю на юге и до Хоккайдо на севере. Япон-



*Рис. 37. Догу — «загадочные пришельцы из космоса».*

ским ученым удалось проследить их эволюцию и установить их земное, а не космическое происхождение.

Древнейшие догу относятся к начальным этапам дзёмона. Они представляют собой небольшие, высотой около 5 сантиметров, плоские глиняные пластинки, на внешней стороне которых изображены маленькие торчащие груди. Сами фигурки очень схематичны. Антропоморфность их подчеркивается изображением груди и подтреугольной формой.

В среднем дзёмоне появляются более реалистичные изображения. Они приобретают объемность, увеличиваются, достигая 25 и даже 30 сантиметров. Головки их

трактованы условно, глаза и рот показаны простыми округлыми поверхностями, брови намечены мелкими рельефными дугами, переходящими в небольшой нос. Руки и ноги еще не вылеплены. Вместо рук мы видим округлые выступы плеч, а вместо ног — цилиндрическое основание, иногда раздвоенное. Внимание древнего мастера акцентировано главным образом на женских признаках.

Такие догу появляются и на Хоккайдо. В частности, четыре подобных фигурки нашли на стоянке Сайбэдзава в округе Осима.

Наибольшего расцвета искусство догу достигает в позднем и финальном дзёмоне. Именно к этому времени относятся ныне ставшие знаменитыми изящно выполненные скульптурки с большими глазами. Японцы называют их «фигурки в снегозащитных очках» (см. рис. 37). Формы догу очень разнообразны, и отличает их друг от друга поразительная изощренность в изображении деталей. Отдельные экземпляры высотой до 45—50 сантиметров имеют выразительные, иногда фантастические лица-маски. Некоторые из них можно отнести к подлинным шедеврам художественного творчества. Они украшены затейливым орнаментом из сложных узоров резных линий, полуспиралей, меандра.

До середины 60-х годов такие догу находили преимущественно в северо-восточной части Хонсю, в районах Тохоку и Аомори. В последние годы такие находки стали известны и на Хоккайдо. Первые 4 женские фигурки были открыты при раскопках известного могильника позднего дзёмона Готэнъяма. Затем на стоянках Такасаго, Тёхонайно и Сацукари японскому археологу Номура Такаси посчастливилось обнаружить сразу 10 фигурок.

Заслуживает внимания догу из Тёхонайно (рис. 38). Фигурка обладает рядом отличительных особенностей. Прежде всего это самая крупная догу из всех найденных до сих пор на Хоккайдо. Ее высота 41,5 сантиметра. Выполнена она с завидным умением и реализмом. Мастерам Тёхонайно, судя по характеру отделки скульптуры, было присуще чувство пропорций и пластики человеческого тела. Фигурка изображена стоящей, ее голова украшена сложным убором или прической. Глаза, рот, брови показаны тонкими рельефны-

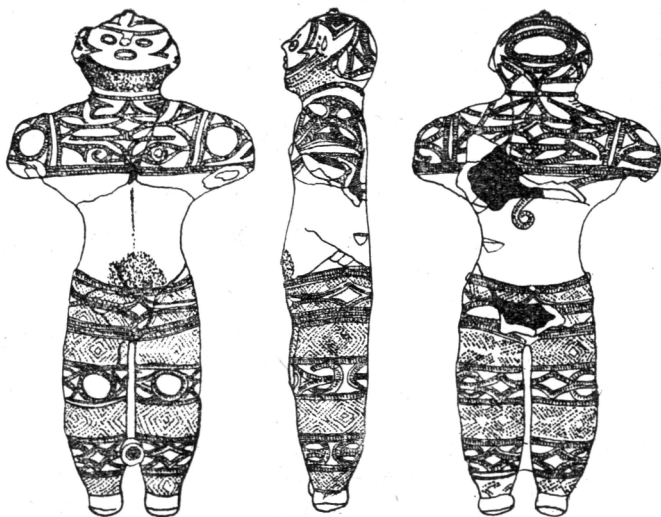


Рис. 38. Орнаментированная глиняная фигурка из позднедзёмонского памятника Тёхонайно (округ Осима, Хоккайдо).

ми жгутиками. На нижней части лица видно множество миниатюрных игольчатых наколов. На шее нитка бус и ожерелье в виде шнура с четырьмя шариками. Маленькую торчащую грудь украшает сложный орнамент, имитирующий то ли ленты, то ли гирлянды. Особый интерес представляет нижняя часть статуэтки, орнаментированная с большой тщательностью и изяществом веревочными оттисками, ромбами, кругами, рельефными полосами. На животе хорошо видны такие же, как и на лице, игольчатые наколы. Возможно, они изображают татуировку.

Обычай делать татуировку девушке, достигшей брачного возраста, сохранялся в отдельных районах Японии до самого последнего времени.

По мнению японского археолога Ногуты Ёсимаро, изучавшего эту фигурку, узоры ее орнамента были заполнены черной краской. Можно представить, как эффектно выглядела статуэтка при сочетании черного и красно-желтого цветов!

В целом догу из Тёхонайно по своим художественным достоинствам, тонкости моделирования не уступа-

ет так называемым фигуркам в снегозащитных очках финального дэмона Тожоку и Аомори.

Специалисты долгое время спорили по поводу назначения этих женских статуэток (и заметим, кстати, что споры эти продолжаются и поныне). Одни исследователи считали, что это детские игрушки, другие видели в них изображения богинь, третьи связывали женские фигурки с культом плодородия и процветания, четвертые полагали, что это амулеты, а некоторые, основываясь на том, что догу чаще всего находили в могилах, рассматривали их как символы, предназначенные для удовлетворения сексуальных запросов умерших мужчин. Однако археологические раскопки последних лет и на Хоккайдо, и на Хонсю не подтверждают последнего мнения относительно назначения догу.

Действительно, догу, как правило, находят при раскопках могильников. Но встречаются они как в мужских, так и в женских захоронениях, причем в женских даже чаще. Традиция класть женские статуэтки в могилу восходит в Японии к раннему неолиту и подтверждается многочисленными примерами ряда областей Северной и Восточной Азии, Индостанского субконтинента, Ближнего Востока. Для выяснения назначения женских скульптур, следовательно, важно знать не только место, но и их специфику.

На особое назначение догу позднего и финального дэмона указывает та особенность, что они часто бывают полыми внутри, представляя собой как бы фигурные сосуды. Иногда в таких догу-сосудах находят косточки и черепа детей. В Накаясики (префектура Канагава на острове Хонсю), например, археологи обнаружили глиняную фигурку, в которой лежали косточки новорожденного. Известны также догу, изображающие беременных женщин. Такая догу, в частности, была открыта в Тогаринси недалеко от города Тюбу на острове Хонсю. Она оказалась спрятанной в специальном тайнике. Такие находки наглядно свидетельствуют о культе плодородия и ярко отражают идею материнства (рис. 39).

Вместе с тем разное художественное оформление догу со всей очевидностью указывает на их неодинаковое смысловое содержание, а значит, и предназначение.



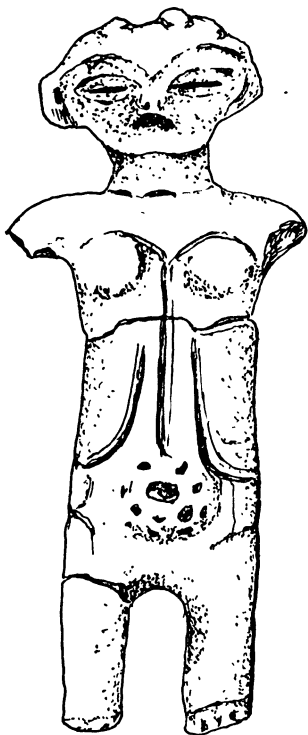


Рис. 39. Догу — богиня плодородия.

Грубоватые, слабо обожженные стилизованные фигурки скорее всего предназначались для кратковременных, возможно, даже одноразовых обрядов и заклинаний. Хорошо известно, что еще в древнекаменном веке наряду с тщательно сделанными женскими скульптурами изготовлялись и небрежно оформленные. Много таких свидетельств дает этнография. У нивхов, например, были широко распространены небрежно вырезанные из дерева антропоморфные фигурки, которые должны были отгонять различных духов. Так, если нивх заболел, шаман, «определяя» болезнь, вырезал деревянную фигурку и заставлял больного носить ее до выздоровления. Такие фигурки имели одноактное действие. Художественный уровень их был всегда ниже, чем статуэток,

изготовленных на долгое время и служивших «хозяйками» и «покровительницами».

Догу, выполненные с большой тщательностью, украшенные сложными орнаментальными узорами, несомненно, предназначались для долговременного использования. Они, должно быть, олицетворяли жезские божества, хранительниц домашнего очага, покровительниц охотников, владычиц животных и богинь растений.

В этом случае понятно изображение сложных причесок, украшавших головы таких статуэток. Ведь, согласно представлениям многих народов Тихоокеанского бассейна, волосы женщины обладали особой сверхъестественной силой в магических обрядах. Объяснимо и наличие на лицах некоторых догу масок — необходи-

мых атрибутов в культе огня у «хозяйки очага», «матери огня».

Догу эти могли изображать богинь — предшественниц классической богини Артемиды — Дианы — и иметь множественное значение. Вспомним, что богиня греческого Олимпа Артемида не только была покровительницей охотников и природы вообще, но и покровительствовала плодородию людей и животных, благословляла рождения и свадьбы.

На Хоккайдо встречается еще один тип догу. Они отличаются реалистической трактовкой лица. О некоторых из них, например найденных в Готэнъяме, можно даже сказать, что это портретные изображения. Иногда такие догу находят «захороненными» в специальных ямках, окруженных оградкой из камней. Возможно, они заменяли погребения реальных людей. В этой связи интересно вспомнить один обычай, бытовавший в прошлом у айнов. Согласно этому обычаю, когда человек погибал в море или на охоте и его останки не могли найти, тогда делали из дерева статуэтку и хоронили ее.

Во времена раннего средневековья в период культуры кофун III—VII веков нашей эры в Японии делали из глины и камня фигурки, изображающие мужчин и женщин — представителей племенной знати. Фигурки эти получили название ханива. Ханива клали в могилу или устанавливали вокруг погребения знатных людей. Традиции этого погребального обряда уходят в глубь веков, к тем временам, когда вместе с умершим вождем племени или рода полагалось хоронить его близких и слуг. Ханива, таким образом, использовались как «заместители» человеческих жертв.

Не менее выразительны статуэтки, изображающие женщин охотской культуры, которые чаще всего находили вместе с фигурками медведей и медвежьими терепами и, несомненно, связанные с культом медведя. На Хоккайдо пока обнаружено всего 10 таких статуэток. Хранятся они в различных музеях и частных коллекциях.

С одним таким женским изображением я познакомился еще в Нэмуру у археолога Я. Китакамаэ, другое видел в музее Абассири. Уже тогда эти фигурки поразили незаурядным мастерством исполнения и пластич-



Рис. 40. Женская статуэтка охотской культуры.

ностью форм. Однако самые интересные образцы таких скульптур оказались в частной коллекции Нагао Рёони, живущего на острове Рэбун. Мы приехали в его скромный домик, расположенный на окраине поселка Фунадомари, рано утром. Нагао Рёони — буддийский священник, служитель храма Дзёдо Сотёсёдзи. Ему за семьдесят, но он бодр и энергичен. Выразительными жестами он пригласил нас в дом, где на полках, стоящих вдоль стен, были размещены изящные костяные статуэтки, древняя керамика, старый фарфор...

Из всех известных скульптур охотской культуры лучше всего сохранилась статуэтка, найденная Нагао Рёони лет 45 назад при рытье погребка во дворе школы Кандзаки в районе стоянки Хаманака (рис. 40). Это изображение женщины, стройной, пропорционально сложенной. У фигурки — плавная линия покатых плеч, прямая спина, четко обозначена талия, умеренно выпуклые бедра, небольшие, мягко очерченные груди. Детально проработаны руки: они согнуты в локтях и скрещены спереди, кисть левой руки охватывает ниже

локтя правую руку, прижатую к животу. Лицо фигурки прикрыто ромбовидной маской. Часть маски скелота, но хорошо видны миндалевидные прорезы глаз, внешние углы которых слегка приподняты кверху. Привлекает внимание необычное украшение головы в виде ромба. Это или головной убор, или сложная прическа. Внутри ромба различаются четыре ромбовидные фигуры, вписанные друг в друга, и спускающийся по центру сверху вниз рельефно выступающий валик. Очевидно, так переданы детали прически. На спине тонкими штрихами нанесен х-образный узор, а ниже талии 14 вертикальных нарезок, обозначающих складки одежды. Высота статуэтки 13,8 сантиметра. Фигурка вырезана из клыка моржа и тщательно отполирована. Мастером очень удачно использована форма клыка для передачи объемности скульптуры, воспроизведения частей тела и деталей одежды.

Другая статуэтка, хранящаяся у Нагао Рёони, по форме и художественному оформлению почти идентична первой. Различия прослеживаются лишь в некоторых деталях одежды. На спине, например, имеются орнаментальные полосы, напоминающие лямки комбинезона, которые охватывают фигуру и подчеркивают ее стройность. Эта статуэтка тоже вырезана из клыка моржа, но она поменьше, где-то чуть больше 9 сантиметров.

Интересно, что основания у обеих скульптурок как бы срезаны. Возможно, в этом сказывается влияние буддийской иконографии, для которой было характерно подобное художественное оформление богинь, отражающее их связь с матерью-землей.

Мы уже отмечали, что совместное нахождение фигурок медведя и женщин не случайно, а отражает культовую связь женщины и медведя. На это же указывают и детали художественного оформления женских статуэток.

Обратимся еще раз к наблюдениям Е. А. Крейновича, который отмечал, что в процессе медвежьего праздника, когда свежевали голову медведя, женщины под звуки ударов о специальное «музыкальное» бревно исполняли песни и танцевали. При этом они надевали халаты, сделанные из рыбьей кожи и украшенные на спине особенно красивым узором. В танце имитирова-

лись телодвижения медведя — как он резвится, похаживая на задних лапах, играет в лесу, мечется в клетке, будучи пойманным.

В старину при исполнении этого танца женщины украшали голову венком из инау, а в руки брали погремущки из полых кусочков дерева, оклеенных рыбьей кожей, с камешками внутри <sup>43</sup>.

Детали одежды статуэток Хаманаки во многом напоминают наряд женщины, принимающей участие в медвежьем празднике. Таковы тонкое облегающее платье (рыбья кожа), узоры на спине, головные ромбовидные уборы или сложные прически, возможно венки из инау. А у фигурки из Моёро, хранящейся в музее Абассири, есть в руках и предмет, напоминающий колотушку.

Знакомясь с многочисленными изображениями медведей Кабукая, можно утверждать, что люди охотской культуры жили под знаком медведя. Но откуда взялась эта ритуальная одержимость медведем? Ответ дают женские статуэтки и легенды о священном браке могучего медведя и земной женщины. В художественных изображениях медведей и женщин можно видеть отражение тех идеологических представлений, которые сложились в результате смешения воззрения местных племен с культом медведя, принесенным из глубинных областей Азии.

Обилие глиняных фигурок догу и костяных женских статуэток свидетельствует также о том, что в первобытном обществе женщина на Японских островах занимала высокое положение. В легендах рассказывается о женщине — великой шаманке, о женщинах-царицах.

В прошлом отношения между мужчинами и женщинами в Японии были довольно свободными. На основе этих отношений сложилась и особая форма брака — цумадои, при котором муж постоянно не жил с женой, а только время от времени навещал ее. Мать жила вместе с детьми, а отец отдельно от семьи. Дом матери наследовали дочери. В своем доме жена пользовалась полной самостоятельностью и была полновластной хозяйкой. В таких семейных отношениях можно видеть и пережитки матриархата, и ту исключительную роль, которую играла женщина в прошлом.

Независимое положение женщины сохранялось и в период древних государств в Японии (конец IV — начало XII века нашей эры). И несмотря на то, что в это время углублялся процесс классовой дифференциации и все заметнее становилась отчужденность выделявшейся аристократии и крестьянства, в семейной жизни сохранялся прежний уклад. Самостоятельность женщины по-прежнему основывалась на брачных отношениях цумадои с раздельным проживанием супругов. Имущество наследовалось как по мужской, так и по женской линии. Женщина, владеющая поместьями, — обычное явление для Японии того периода. Кроме того, в это время был установлен порядок, согласно которому один из родов поставлял жен императорскому двору. Представители этого рода пользовались правом занимать посты регента и премьер-министра, в результате чего значение обитательниц «дальних покоев» императорского двора сильно возросло.

С распадом древней системы государства и развитием феодализма картина резко изменилась. Выделявшиеся феодалы всячески стремились упрочить свою политическую власть, обосновать ее идеологически. И это, бесспорно, отразилось на семейных отношениях. Вводится новый порядок, по которому после брака жена должна была приходить в дом мужа. При этом она не имела никакого права на имущество семьи мужа. Фактически женщина становилась не столько женой, сколько служанкой своего мужа и его родственников. Обреченная на замкнутый образ жизни, оторванная от общества, женщина в замке крупного феодала — дайма, в доме самурая теряла свою самостоятельность, превращалась лишь в объект любви мужчины, в его вещь, попадала в полную зависимость от мужа.

Рыцарское поклонение женщине, столь характерное для периода феодализма в Европе, было совершенно чуждо в Японии. Японские странствующие рыцари — ронины могли заступиться за женщину как за слабое существо, но они никогда не поклонялись ей, как это делали европейские рыцари. Женщина для японских ронинов была существом, неравноценным мужчине.

Особенно сильную роль в закреплении этого неравенства сыграло конфуцианство. Именно под его непосредственным влиянием появились философские

учения, основанные на принципе: «Уважение высших — презрение к низшим». Этот принцип идеологически обосновывал отношение между господином и его вассалами, между родителями и детьми, между мужем и женой и т. д.

Наиболее полно нормы поведения человека в феодальном японском обществе были систематизированы философом Кайбара Экиэна (1630—1714) в труде «Ямато дзокун» («Популярный учебник Ямато»). Главный смысл поучений этого труда сводился к тому, что «самое большое проявление неверности — это хуление господина»<sup>44</sup>. Особый интерес в работе Кайбара Экиэна представлял раздел, в котором излагались поучения для женщин. На основе этих поучений в XVII веке была написана ставшая знаменитой книга «Онна дайгаку» («Наука для женщин»).

Нормы повседневной морали, изложенные в этой книге, считались обязательными для каждой женщины. Она должна была буквально впитать в себя все поучения и следовать им неукоснительно. Такое положение сохранялось в Японии фактически до начала второй мировой войны.

Почтения «Онна дайгаку» в наиболее откровенной форме раскрывают сущность феодальной морали.

Любопытно познакомиться с некоторыми из них <sup>45</sup>.

— Единственные качества, приличные женщине, это — кроткое послушание, целомудрие, сострадание и спокойствие.

— Выйдя замуж, женщина уже не должна оставлять дом своего мужа, и если, сбившись с пути, она вынудит мужа развестись с ней, то тем самым покроет себя позором до последнего часа своего.

— Женщина должна смотреть на своего мужа, как на господина и должна служить ему с благоговением и почтением, никогда не позволяя себе думать о нем с неодобрением или легкомысленно. Великий долг женщины во всю ее жизнь есть послушание. При обращении к мужу как выражение лица жены, так и манеры ее должны быть вежливы, скромны и кротки и отнюдь не своенравны и сварливы, не грубы и непритязательны. Об этом женщина должна заботиться прежде и главное всего. Когда муж делает свои распоряжения, жена никогда не имеет права ослушаться

его. Если когда-либо муж обратится к ней с вопросом, она должна внимательно и точно отвечать ему. Необдуманный ответ — признак грубости. Если когда-либо муж разгневается, то жена должна слушать его со страхом и трепетом, а отнюдь не сердиться на него и не озлобляться против него. Жена должна смотреть на своего мужа, как будто бы он само небо, и никогда не уставать думать о том, как лучше подчиниться ему.

— Пусть жена никогда даже и не думает о ревности. Если муж будет вести себя развратно, она должна кротко упрекнуть его, но никогда не должна допустить в душе своей гнев и тем более не должна обнаруживать его.

— Женщина должна всегда строго следить за своим поведением. Утром она должна вставать рано, а вечером — ложиться поздно. Она должна быть внимательна к обязанностям по хозяйству и не уставать ткать, шить и пряхть.

— Пять самых дурных болезней духа присущи женщине: непослушание, вечное недовольство, любовь к клевете, ревность и глупость. Этими пятью болезнями страдает семь или восемь из десяти женщин, и уже отсюда ясна низменность природы женщин сравнительно с природою мужчин. Женщина должна лечить эти болезни с самоуглублением и самоосуждением.

Существовало семь грехов, любой из которых давал мужу право развестись с женой. При этом согласие жены не требовалось.

Грехом считалось:

— 1) непослушание свекру или свекрови; 2) бесплодие — потому что брак служит единственно для того, чтобы дать мужчине потомство; 3) прелюбодеяние; 4) ревность; 5) проказа или какая-нибудь дурная болезнь; 6) сварливость или болтливость, мутящая добрые отношения между родственниками и вообще нарушающая мир в доме; 7) склонность к воровству.

Интересно заметить, что все эти семь причин для развода есть и в поучениях Конфуция и, очевидно, отсюда заимствованы японскими идеологами феодальной морали.

В течение столетий из поколения в поколение японской женщине внушались эти «добродетели» рабского



послушания и покорности. И в конце концов «идеал» жены был достигнут. Но, как часто бывает в жизни, этот идеал примерной жены скоро стал не устраивать его создателей. Удобная в семейных отношениях и покорная жена, повседневная жизнь которой была строго регламентирована, не во всем удовлетворяла духовные запросы японских мужей. К тому же и не всякую женскую индивидуальность можно было втиснуть в прокрустово ложе моральных норм «Онна дайгаку». Все это создало предпосылки для появления в японском обществе своеобразного корректива к выработанной схеме семейных отношений. И вот рядом с женщиной, воспитанной в духе поучений «Науки для женщин», появились другие женщины, развивающие в себе качества, отвечающие эстетическим и интеллектуальным запросам мужчин. Этих женщин, выделившихся в особую категорию, стали называть гейшами. Гейши — совершенно своеобразный продукт японского общества, принадлежащий исключительно Японии. Аналогов им нет нигде в мире.

Воспитывались гейши в специальных школах. Классический вариант такой школы на сегодняшний день сохранился, пожалуй, лишь в Киото. История, литература, философия, знание поэзии, музыки, умение танцевать, декламировать, вести непринужденные и занимательные беседы — это часть того, чем должна была овладеть гейша. Особое внимание уделялось развитию способностей импровизации.

Гейши стали своеобразным дополнением средней японской женщины. И если поучения «Онна дайгаку» были направлены исключительно на то, чтобы подготовить удобную жену, то главной целью воспитания гейш стало создание для мужчин изящной, талантливой и понимающей собеседницы, умеющей удовлетворить их утонченные потребности, развлечь в часы досуга. Гейши готовились только для этой цели. И несмотря на то, что выступления гейш выливались в многоактные представления, назначение их было односторонним. Можно сказать, гейш лишали возможности быть нормальными женщинами. А превращение в профессиональных «жриц сладких снов» делало их полностью зависимыми от различных контрактов, они становились ограниченными и в своей свободе.

Неравенство мужчин и женщин в семейной жизни сохранилось и поныне. Согласно старым традициям, главной заботой женщины по-прежнему остается дом. И многие женщины после выхода замуж и рождения ребенка бросают работу и занимаются домашним хозяйством: готовят пищу, ухаживают за детьми и мужем... А муж, опять-таки согласно традициям, проводит с семьей только выходные дни. В остальные дни жена не спрашивает, почему он задержался или пришел поздно, где и с кем проводил время... В силу старых пережитков мужчины собираются по вечерам в компаниях без жен. Жены ждут дома...

Неравенство особенно заметно в общественной жизни. В научных институтах и высших учебных заведениях Японии женщины, например, составляют всего 8 процентов от общего числа научных работников и преподавателей, а женщин-профессоров единицы. Нет ни одной женщины и в Научном совете Японии.

Семья традиционно являлась основной ячейкой японского общества. Браки заключались не по любви, а по сговору родителей молодых людей. Нередко жених и невеста впервые видели друг друга только в день смотрин. Существовала даже особая специальность брачного посредника — накадо, который вел переговоры между родителями. Так было, так бывает и в наши дни. Правда, в последние годы с ростом промышленности и увеличением миграции молодежи в города усилился распад старых семейных традиций. Как пишет токийский журнал «Дайямондо», только 11 процентов молодоженов сейчас заключают браки через смотрины родителей. В японском обществе все явственнее прослеживаются признаки демократизации семейных отношений.

А как же национальные традиции? В Японии бережно относятся к культурному наследию прошлого. Здесь есть студии изящных искусств, где развивается традиционное изобразительное творчество, прежде всего живопись и скульптура, есть школы икэбана, театры и студии старинных танцев и музыки. Будучи в Японии, мне не раз приходилось слышать поэтические инструменты прошлого сямисэн и цитру — кото; а как-то в гостях у Харуо Ойи даже прослушать семейный концерт старинной японской музыки, исполненный на старинных инструментах.

Японцы любят окружать себя изящными предметами. В их домах, очень простых по архитектуре и внутренней мебелировке, часто можно видеть старинные гравюры и редкостные художественные изделия. С большой любовью к национальным традициям относятся японские женщины. В будничные дни они носят европейскую одежду, однако по торжественным случаям, по праздникам, на вечера надевают красивые, красочные кимоно, которые так им идут.

Есть на Хоккайдо и медведи. Правда, их немного и охота на них запрещена. Но в магазинах сувениров в Вакканайе и Саппоро можно купить прекрасно вырезанные из дерева медвежьи скульптурки. Некоторые из них напоминают костяные изображения медведей, найденные на поселениях охотской культуры.

Так прошлое переплетается с настоящим.



Шторм наконец утих. На берегу появились женщины. Они собирают выброшенную штормом морскую капусту. Тут же летают вороны, выискивая морских ежей, а найдя, устраивают драки... Присмирившие волны, вскипая белой пеной, накатываются на берег и с шипением отползают назад.

Так было всегда. Из тысячелетия в тысячелетие билась о берег волны, вставало солнце, рыбаки отправлялись на промысел и их лодки скрывались за горизонтом, как когда-то лодки древних зверобоев...



**СИРАТАКИ — ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ  
«СТОЛИЦА» ХОККАЙДО**

К середине 50-х годов бум поисков докерамических памятников Японии, начавшийся в 1948 году после открытия обсидиановых орудий в плейстоценовых отложениях на стоянке Ивадзюку в долине Канто, захватил и Хоккайдо. Почва для таких поисков здесь уже была подготовлена. Еще в 1952 году Масакадзу Ёсидзаки, будучи тогда студентом университета Мэйдзи, в одиночку занялся археологической разведкой сначала в долине реки Юбетсу, а затем в окрестностях Хакодате. Он мечтал найти на Хоккайдо памятники докерамического периода, верил в то, что и на этом северном острове Японского архипелага существовали культуры, предшествующие дзёмону, и настойчиво искал. В конце концов упорство и энтузиазм молодого археолога были вознаграждены.

Однажды, осматривая места земляных работ, производившихся строителями железной дороги у деревни Сиратаки, Масакадзу Ёсидзаки на 10-метровой террасе реки Юбетсу нашел несколько обсидиановых пластин. Такие большие пластины с четко выраженными параллельными гранями не встречались в памятниках культуры дзёмон. И хотя не было еще полной уверенности, что это плейстоценовые находки, они стали первыми обнадеживающими свидетельствами наличия на Хоккайдо предшествующей дзёмону культуры.

В 1954 году во время раскопок экспедицией музея Хакодате стоянки додзёмонской эпохи у деревни Тарукиси недалеко от города Куроматсунаи (округ Сибеси) обнаружили, как писал Масакадзу Ёсидзаки, «истинно пластинчатые индустрии». В глинистых отложениях, относящихся к плейстоцену, удалось собрать 72 камен-

ных изделия, в том числе 17 ножевидных пластин. Из таких пластин с помощью ретуши были сделаны скребки, ножи, остроконечники.

Публикации Масакадзу Ёсидзаки материалов о культуре пластин на Хоккайдо вызвали большой интерес не только в Японии, но и за рубежом. В 1958 году в Саппоро под руководством получившего всеобщее признание молодого ученого создается «Совет молодых археологов Хоккайдо», который издает журнал «Обсидиан» — «Кокуюсэки». Вокруг этого журнала сгруппировались знающие археологи, развернувшие интенсивные работы по изучению докерамических памятников Хоккайдо, а Масакадзу Ёсидзаки стал одним из ведущих специалистов Японии в области палеолитических и мезолитических культур.

Я познакомился с Масакадзу Ёсидзаки в 1973 году в Чикаго на Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. Он подошел ко мне после доклада, очень живой, быстрый в движениях, и заговорил с энтузиазмом:

— Я читал Вашу статью о раскопках стоянки Имчин на Сахалине... В полученных Вами материалах есть сходство с культурой пластин (blade-culture) Хоккайдо. Есть основание связывать ее с северными областями Азии. Что Вы думаете об индустрии пластин Сиратаки? Вам, конечно, нужно ее посмотреть. Приезжайте на Хоккайдо. Мы покажем наши докерамические памятники...

И вот четыре года спустя вместе с Масакадзу Ёсидзаки и Харуо Ойи мы едем из Саппоро в знаменитые Сиратаки, где наиболее ярко и выразительно представлена культура пластин Хоккайдо.

Сиратаки — это целая группа палеолитических стоянок, которые располагаются по краю широкой и красивой долины реки Юбетсу. На речных террасах в окрестностях деревни Сиратаки открыто около 40 местонахождений докерамического периода. Самые ранние из них Сиратаки-1 (Хороказава) и Сиратаки-13. Стоянки исследовались Масакадзу Ёсидзаки в период с 1954 по 1960 год.

Большинство орудий на стоянках Сиратаки сделано из обсидиана — черного, блестящего, хорошо поддающегося обработке камня. И это понятно. У подножия

одной из сопок, что находится поблизости от древних поселений, есть выходы обсидиана. Вообще здесь расположено самое крупное на Хоккайдо месторождение этого камня. Люди издревле добывали этот великолепный поделочный материал и изготавливали из него различные каменные орудия.

На стоянке Сиратаки-1 (Хороказавы), обоснованной на крутом откосе рядом с выходами обсидиана, собрано несколько тысяч различных каменных изделий. Особенно много пластин, среди которых выделяются крупные, достигающие в длину 15—20 сантиметров. У них правильные очертания и острые края. Такие пластины служили заготовками для разнообразных инструментов. Обрабатывались они крутой ретушью преимущественно с одной стороны.

На стоянке Хороказавы были обнаружены очень своеобразные инструменты, получившие в литературе название «ладьевидные» или «лодкообразные» орудия. Это массивные сколы с подтреугольным поперечным сечением. Верхний край у них широкий и сравнительно ровный, а две боковые стороны, обработанные крупными и мелкими сколами, сходясь под углом, образуют второй дугобразный край. Поперечные сколы придают его лезвию извилистые очертания (рис. 41). Было установлено, что это заготовки клиновидных нуклеусов, обработанные своеобразной техникой, получившей название хороко.

Находки на стоянке Хороказавы лодкообразных инструментов (клиновидных нуклеусов) — весьма примечательный факт. Он свидетельствует о том, что около 17 тысяч лет назад на Хоккайдо наряду с техникой отделения крупных ножевидных пластин с конических и полуконических нуклеусов развивается техника скалывания микропластин с клиновидных нуклеусов. Важно также и то, что клиновидные нуклеусы Хороказавы близки гобийским, получившим широкое распространение в конце плейстоцена — начале голоцена в Центральной и Северной Азии.

Стоянка Хороказавы порадовала и многими другими интересными инструментами. В частности, нельзя не отметить оригинальные резцы, изготовленные из массивных ретушированных пластин. Они могли использоваться и как ножи-резцы, и как ножи-скобели, то

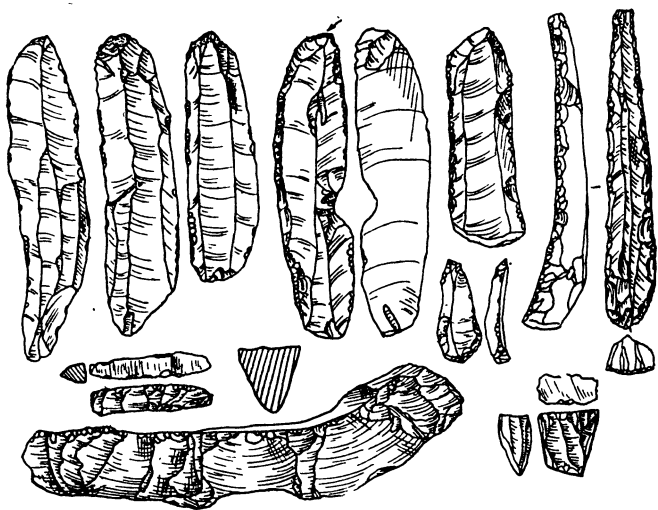


Рис. 41. Крупные пластины и лодкообразное орудие (стоянка Хороказав).

есть имели универсальный характер. Такие орудия называли резцами хороко.

Хронологически и по характеру каменного инвентаря к стоянке Хороказав близка стоянка Сиратаки-13, расположенная на 30-метровой террасе. Здесь в обработке каменных орудий тоже господствует техника хороко, тоже имеются лодкообразные орудия и массивные ножевидные пластины. Некоторые из пластин с помощью односторонней ретуши оформлены в виде остроконечников.

При знакомстве с коллекциями каменных орудий стоянок Хороказав и Сиратаки-13 прежде всего бросается в глаза отчетливо выраженная тенденция к леваллуазским приемам расщепления камня. Причем проявляется она не только в обилии характерных широких удлиненно-треугольных пластин, но и в наличии самих нуклеусов леваллуазских форм. У леваллуазского нуклеуса рабочая сторона, с которой снимались отщепы, уплощена, а противоположная — выпуклая, ударная площадка слегка скошена и подработана по краю ретушью.

Леваллуазские нуклеусы — инструменты очень древние. В Европе они, как известно, относятся к среднему или даже нижнему палеолиту. Датировать стоянку Хороказавы или Сиратаки-13 таким далеким временем, конечно, нет оснований. Нельзя забывать того, что в этих комплексах нуклеусы леваллуазского облика сосуществуют с клиновидными нуклеусами, обработанными техникой хороко, появившейся только в конце палеолита. Интересно поразмыслить о причинах длительного сохранения старых традиций обработки камня.

Известно, что леваллуазская техника обработки камня доминировала в начале верхнего палеолита в Монголии, где она широко представлена на поселениях Мольтын-ам, Сангино, в Забайкалье (поселения Сан-ный Мыс, Варварина Гора), на Алтае (пещера Страшная, Бийск), в Приморье (Устиновка). Не исключено, что в конце плейстоцена существовал мощный культурно-исторический мост, через который осуществлялось влияние центральноазиатских культур на культуры островного мира Тихоокеанского бассейна, в частности на культуры Хоккайдо. На рубеже плейстоцена — голоцена резкое изменение климатических и геолого-географических условий на длительное время прервало культурные контакты Хоккайдо с материком. Остров оказался как бы изолированным от влияния внешнего мира. В результате стали локально развиваться оригинальные технические приемы обработки камня. Возникла уже упоминавшаяся техника хороко; своеобразным ее вариантом, по-видимому, следует считать и технику юбетсу, появившуюся позже и представленную в материалах стоянок Сиратаки-30, 32 и 33 (рис. 42).

Название новая техника обработки камня получила от реки Юбетсу, на 10-метровой террасе которой находились древние стоянки. На стоянке Сиратаки-33 на глубине 40—50 сантиметров от поверхности было открыто скопление оббитых галек, грубых пластин, нуклеусов, концевых скребков и резцов. Методом обсидианового датирования определено время, когда существовала стоянка, — 15 тысяч лет назад. Именно тогда при расщеплении камня и оформлении нуклеусов впервые начинают применяться новые технические методы, названные Масакадзу Ёсидзаки техникой юбетсу.





Рис. 42. Клиновидные нуклеусы (стоянка Сиратаки-30).

В чем же своеобразие этой техники обработки камня? Прежде всего в изменении формы исходной заготовки. Сначала с помощью тщательной двусторонней оббивки изготовлялся массивный листовидный бифас. Эти бифасы, достигающие иногда в длину 25—30 сантиметров, необычностью своей формы, изяществом отделки и великолепным материалом (обсидиан) всегда привлекали внимание исследователей. Первые находки таких обработанных человеческой рукой камней не находили объяснений. Одно время их принимали даже за наконечники копий. Только раскопки на стоянках Сиратаки-30, 32 и 33 позволили понять особенности этих необыкновенных орудий и их назначение.

При анализе материалов стоянки Сиратаки-32 Масакадзу Ёсидзакэ удалось по обработанным ядрищам и относящимся к ним производным продуктам — отщепам, пластинам, сколам — восстановить исходную форму заготовок — бифасов (рис. 43). Такая реконструкция дала возможность проследить все фазы производственного процесса расщепления бифаса. Оказалось, что листовидные красивые бифасы — всего лишь заготовки нуклеусов.

Итак, сначала подготавливался бифас, затем с него сильным ударом, направленным вдоль длинной оси, скалывался первый краевой скол, потом вдоль того же края и тоже во всю длину бифаса снимались пластин-

Рис. 43. Нуклеус и сколотые с него пластины (стоянка Сиратаки-32).



чатые сколы — «лыжевидные пластины», как их называли японские археологи. Эти пластинчатые сколы действительно напоминают широкие, приостренные и характерно изогнутые на концах лыжи. Лыжевидные сколы — один из главных признаков техники юбетсу. При технических приемах хорошо такие сколы обычно не бывают. Обработка завершалась скалыванием с одного из концов бифаса микропластинок (рис. 44).

Использование техники юбетсу знаменовало собой начало нового этапа в технологии производства каменных орудий палеолита Хоккайдо. Мастера того далекого времени сделали шаг вперед по сравнению со своими предшественниками — мастерами техники хокко. Они научились более эффективно использовать обсидиан, делать более удобные заготовки нуклеусов, освоили технику двусторонней обработки орудий. Бесспорно это было прогрессивным явлением.

Очень перспективна для изучения эпохи верхнего палеолита Хоккайдо стоянка Сиратаки-32, расположенная на той же 10-метровой террасе реки Юбетсу недалеко от стоянки Сиратаки-33. Здесь японским археологам посчастливилось открыть остатки очага, выложенного большими камнями. Вокруг очага концентрированно, как бы по кругу, располагались различные изделия из обсидиана. Исследователи предполагают, что здесь находилось палеолитическое жилище. И хотя особенности конструкции жилища выявить пока не

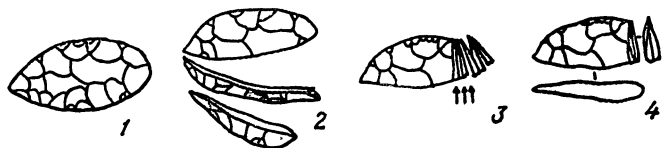


Рис. 44. Последовательность операций обработки камня техникой юбетсу (по М. Ёсидзаки).

удалось, Масакадзу Ёсидзакэ не теряет надежды найти остатки «домов» палеолитических обитателей Сиратаки.

Вооружившись маленькими лопатками, напоминающими наши садовые совки, мы разошлись по площадке, занятой стоянкой, и стали осматривать обнажения почвы. Солнце высвечивало в обнажениях обсидиановые изделия, и они блестели, словно осколки стекла. Всюду встречались крупные и мелкие сколы с нуклеусов, обломки пластин, куски обсидиана. Трофеи наши были весьма убедительны: около десятка изящно обработанных ножевидных пластин, выразительный лыжевидный скол, резец типа арайя, обломок крупного бифаса, несколько микропластинок и отщепов. Из широких и длинных пластин, которых было особенно много, палеолитические охотники могли делать самые разнообразные инструменты — ножи, скребки, наконечники копий и дротиков.

Люди в окрестностях Сиратаки, судя по обилию следов их деятельности, жили долгое время, во всяком случае, как свидетельствуют данные радиоуглеродных и обсидиановых анализов, почти в течение пяти тысячелетий. Возможно, временами они уходили отсюда, но места эти были удобные для жизни, и люди вновь заселяли их. Озеровидное расширение долины Юбетсу — тогда широкий водоем — изобиловало рыбой, окружающие леса были богаты зверем. Горы защищали от холодных ветров, а месторождения обсидиана давали чудесное сырье для изготовления хозяйственного инвентаря. Сюда за ценным сырьем снаряжались отряды охотников из разных мест Хоккайдо. По свидетельству специалистов, каменные орудия почти всех хоккайдских стоянок эпохи палеолита сделаны главным образом из обсидиана, добытого в Сиратаки. Сиратаки, можно сказать, были палеолитическим центром Хоккайдо, его палеолитической столицей.

После осмотра группы стоянок Сиратаки японские коллеги организовали еще несколько поездок по маршрутам Сиратаки — Энгару — Китами — Саппоро; Саппоро — Титосэ — Сукубай — Санкакуяма — Саппоро; Саппоро — Отару. Во время этих поездок были осмотрены террасы и стратиграфические разрезы в долинах рек Юбетсу, Токоро и Мука — места нахождения па-

мятников докерамического периода. В долине реки Юбетсу к этой группе памятников относятся стоянки, расположенные в районе города Энгару, а в расширении между реками Токоро и Мука — стоянки Хокуё, Ханзава, Хиросато в районе города Китами.

В коллекциях каменных орудий со стоянок группы Энгару и Китами имеются лодкообразные инструменты, лыжевидные сколы, ретушированные пластины, резцы с диагональным сколом, концевые скребки из пластин, остроконечники. Многие из этих инструментов очень похожи на изделия палеолитических и мезолитических памятников советского Дальнего Востока и Монголии (Устиновка в Приморье, Имчин на Сахалине, Хере-Уул в Монголии). Появляются, таким образом, прекрасные возможности для корреляции этих памятников.

Особый интерес представляет стоянка Санкакуяма, открытая недавно на юго-западе Хоккайдо неподалеку от города Титосэ. Здесь выделяется два культурных горизонта. Верхний датируется временем около 10 тысяч лет назад и характеризуется клиновидными нуклеусами, микропластинами, резцами типа араяя и появлением шлифованных рубящих орудий типа топоров. Второй культурный горизонт оставлен людьми, которые жили более 20 тысяч лет назад. Пластинчатой техники обработки камня тогда не существовало, доминировала техника мелкого аморфного нуклеуса. Из отщепов изготавливались небольшие ножи и скребки.

Нижний культурный комплекс стоянки Санкакуяма — самый древний из известных в настоящее время на Хоккайдо. Его радиоуглеродная дата  $21430 \pm \pm 750$  лет подкрепляется обсидиановой —  $21200 \pm \pm 1100$  лет и геологическими данными.

Таким образом, в развитии палеолита Хоккайдо можно выделить две традиции в обработке камня: технику аморфного нуклеуса, изготовление орудий из отщепов и технику пластин. Развитие этих двух традиций, думается, указывает на различные источники формирования палеолитических культур Хоккайдо. Первая из них, возможно, связана с культурами Кореи и Центральной Японии, вторая — с материковыми культурами Северной Азии, прежде всего Приморья. На Приморском поселении-мастерской Устиновка обнару-

жен почти полный комплекс всех изделий, которые рассеянно встречаются на разных стоянках Хоккайдо. Здесь имеются клиновидные нуклеусы, лодкообразные инструменты, широкие пластины, односторонне ретушированные остроконечники, концевые скребки, то есть все элементы, характерные для стоянок групп Сиратаки, Энгару и Китами. Естественным поэтому будет искать центр происхождения отдельных элементов там, где они обнаружены в комплексе.

## ЗАГАДОЧНЫЕ АЙНЫ

На Хоккайдо часто можно слышать «айны», «айну», видеть в рекламных проспектах красочные изображения айнов в экзотической одежде из луба — асси. Слово «айны» или «айну» на языке аборигенов означает «человек», точнее «настоящий человек». Так называют народ, в прошлом заселявший острова Северный Хонсю, Хоккайдо, Сахалин, Курильские, а возможно, и более широкие территории Тихоокеанского бассейна. Указать точно границы расселения айнов никто не может.

Несмотря на то, что вот уже почти 200 лет этот загадочный народ привлекает к себе пристальное внимание ученых многих стран, «айнская проблема» остается не решенной. Кто такие айны? Откуда они пришли на Японские острова? Ответ на эти вопросы все еще скрыт от нас завесой веков, и загадок в истории айнов по-прежнему много.

Айны — народ очень своеобразный. Как писал советский этнограф С. А. Арутюнов, «...среди множества малых народов Земли айны занимают особое место. Они пользуются таким вниманием в мировой науке, какого не удостоились многие гораздо большие народы»<sup>46</sup>. В чем же заключается такая удивительная популярность айнов?

Познакомившись с айнами в конце XVII—XVIII столетий, европейские путешественники были поражены необычным внешним видом этого народа, его материальной культурой, искусством и религиозными представлениями. Это был красивый и сильный народ. Европейские черты лица, роскошные бороды и



*Рис. 45. Древний айнский воин.*

усы у мужчин, язык резко отличали айнов от окружающих их монголоидных и тунгусских племен (рис. 45). Жили айны в полуземлянках, как и народы Нижнего Амура, Охотского побережья и Чукотки, но в то же время сооружали и каркасные дома, какие строили племена Юго-Восточной Азии. Они носили набедренные пояса южного типа и пользовались закрытой меховой одеждой в виде куклянки, характерной для народов Севера. В их искусстве, мировоззрении причудливо переплетались элементы культуры племен южных морей, Сибири и Северной Пацифики: у айнов процветали культы медведя и змеи, фаллоса и человеческих черепов и т. д.

Такое соединение различных элементов, отмеченных разрозненно у многих народов земного шара, вызвало обилие разнообразных и часто противоречивых гипотез о происхождении айнов и своеобразии их культуры. Одни исследователи утверждали, что айны по своему физическому типу принадлежат к европейским народам, другие полагали, что айны связаны с азиатскими монголоидными племенами или с тунгусами Приамурья, третьи доказывали их австрало-океанийское происхождение.

Знаменитый французский мореплаватель Жан Франсуа Лаперуз первым высказал предположение о европеоидной принадлежности айнов. Отмечая «более европейские черты» их лица, он писал об айнах как о народности, чуждой Азии, пришедшей на берега и острова Тихого океана откуда-то с Запада.

На сходство айнов с европейцами указывали в XIX веке многие русские и зарубежные исследователи, а некоторые причисляли их к кавказской расе. Версия о древнекавказском происхождении айнов поддерживалась также рядом американских и японских ученых. В частности, активным ее сторонником был известный японский антрополог и археолог Кодама Сакудзаэмон.

Гипотезы о европеоидности айнов в известной степени связывались с вопросом о «белокурой расе», о так называемых динлинах в Восточной Азии. Дело в том, что вплоть до III века до нашей эры передвижения кочевников в степях Евразии шли преимущественно с запада на восток. Этим путем в Центральную Азию попали многочисленные группы европеоидов, что и породило мнение о необычайно широком распространении европеоидного населения на обширной территории от Алтая до Японского и Желтого морей. В старых летописях тоже говорится о светло-волосом, высокорослом, с выступающим узким, часто орлиным, носом населении Монголии, Восточного Туркестана и Южной Сибири. Эти сообщения восточных хроник коррелируются свидетельствами арабских путешественников.

Интересна в этом отношении также настенная живопись усыпальниц когурёских ванов, фиксирующая необычный для Восточной Азии тип населения. Как

пишет советский исследователь Р. Ш. Джарылгасинова: «На некоторых фресках мы видим людей, отличающихся сочетанием «европеоидных» физиономических признаков, слабым развитием эпикантуса, наличием рельефно сформированного, сравнительно узкого носа...»<sup>47</sup>.

Все как будто выстраивается стройно и доказательно. Но как тогда объяснить появление таких изображений в Корее?

Новейшие археологические и антропологические исследования не подтверждают гипотезы об европейцах-азиатах. Имеющиеся данные свидетельствуют о монголоидности древнейших аборигенов Центральной и Восточной Азии.

Наибольшее распространение получила теория австралоидного происхождения айнов. Теория о родстве айнов с австралоидами стран Южных морей была развита и наиболее обстоятельно аргументирована русским этнологом Л. Я. Штернбергом<sup>48</sup>. Она активно поддерживалась и поддерживается советскими учеными (М. Г. Левин, А. П. Окладников, С. А. Арутюнов и др.) и подкрепляется целым рядом любопытных аналогий. Например, основу национального орнамента айнов составляют узоры в виде спирали, ромбов, меандра (рис. 46, 47). Точно такой же спиральный орнамент

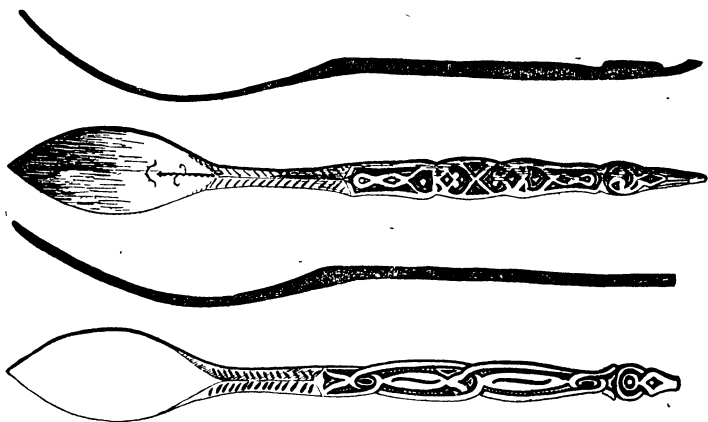


Рис. 46. Ритуальные ложки айнов (коллекция Южно-Сахалинского музея).



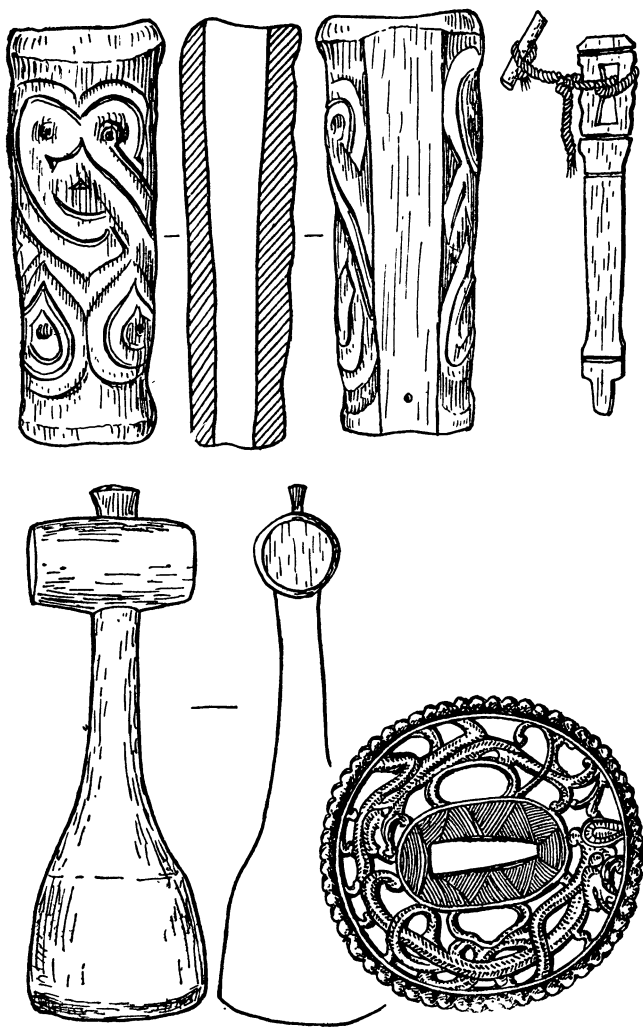


Рис. 47. Предметы айнского быта (коллекция Южно-Сахалинского музея).

в последние годы обнаружен на петроглифах Австралии, наскальных рисунках Полинезии и Малайзии.

Со спиральным орнаментом теснейшим образом связан и другой сюжет, столь же характерный для искусства айнов, — изображения змей.

Корни таких изображений уходят в глубь веков. Они встречаются на глиняных сосудах эпохи неолита и на антропоморфных глиняных скульптурках догу, характерных для поздних этапов культуры дзёмон, которая связывается с протоайнами и айнами. Именно посредством этих сюжетов раскрывается семантика криволинейной орнаментики. Как показывают исследования, реальную основу спирального и зигзагообразного орнамента составляют изображения змей, причем не простых, а небесных, солнечных. Образ змея играл особую роль в искусстве и религиозно-культовых представлениях айнов. Согласно айнскому мифу о сотворении мира, Небесный Змей спустился на землю в виде молнии (то есть в виде зигзагообразной линии) и не один, а вместе со своей возлюбленной богиней огня, отождествляемой с солнцем. Змей у айнов был самым могущественным духом, в честь его совершались молитвы и приносились жертвы.

Важно отметить, что аналогичные мифологические сюжеты, были широко распространены и у аборигенов Океании и Австралии. На Австралийском континенте одним из самых могущественных и популярных божеств в мифах аборигенного населения являлась Змея-Радуга. Она играла такую же роль в религии и жизни, как и Небесный Змей айнов.

В Микронезии этим мифам соответствуют легенды о боге Змее — источнике всеобщей мудрости.

Все это говорит о существовании своего рода островного и прибрежного тихоокеанского мира родственных культур, который простирался от Австралии до Хоккайдо, а возможно, даже и до Камчатки, где также известны айнские поселения.

Где истоки древнейшего пласта этих культур?

Есть основания предполагать, что змеинный миф и связанный с ним культ Змеи-Радуги или Небесного Змея возникли еще у протоавстралоидов, населявших в плейстоцене материк Сунда. Этот материковый массив, ныне скрытый под водами океана, объединял большую часть Зондских островов, Калимантан, Филиппины, а возможно, Японские острова и Сахалин с Юго-Восточной Азией. Материк Сунда был той зоной, где происходило формирование протоавстралоидов и их культуры. Отсюда вышли, как думают некоторые исследователи, и айны.

Теория о родстве бородатых обитателей Японии, Сахалина и Курильских островов с веддо-австралоидами Южных морей развивается с конца прошлого столетия и имеет много сторонников.

Вместе с тем последние исследования антропологов показывают, что краниологически айны существенно отличаются от австралийцев и в то же время сближаются с американоидами, проалеутами и прокоряками. Обнаруживается сходство айнов и с некоторыми другими группами «неклассических» монголоидов. Можно вспомнить, например, негроидные черты ольмеков.

В целом по многим важным диагностическим признакам айнские черепные серии вполне укладываются в амплитуде большой азиатской расы. Более того, на крайнем западе древнего ареала монголоидов существовали антропологические типы, сходные с айнами. Основываясь на этом, некоторые исследователи связывают протоайнский антропологический тип с недифференцированным американоидным типом, в древности широко распространенным на территории Восточной Азии.

Учитывая новейшие археологические данные о леваллуазских чертах в технике изготовления каменных орудий, доминирующих в верхнем палеолите в районах Монголии, Забайкалья, Алтая и Дальнего Востока, можно предположить, что протоайнский тип есть реликт того древнейшего населения Азиатского материка, которое было носителем традиции леваллуа. В этом случае становится ясным и конвергентное сходство айнов с австралийскими аборигенами. Мысль о глубинных корнях такого сходства высказывалась неоднократно. Делались к тому же смелые предположения о том, что примитивные черепа, найденные в плейстоценовых отложениях в Талгае (Квинсленд, Австралия) и в Вадьяке на острове Ява, образуют своеобразные промежуточные звенья между неандертальским человеком и современными австралийскими аборигенами. Австралоиды просто представляют одну из самых изолированных человеческих групп, которая почти не эволюционизировала.

Быть может, и протоайнский тип есть не что иное, как своеобразное отклонение в неандерталоидность ис-

ходного типа восточноазиатских монголоидов? Если это так, то особенности внешнего облика айнов тоже можно объяснить длительной изоляцией. На Хоккайдо, Сахалине и Курильских островах этот древний тип человека сохранился, в то время как на Азиатском континенте он исчез.

Впрочем, пока это тоже только предположение.

Из старинного предания мы узнаем, что айны пришли на острова с материка. Некий царь «страны Пан» хотел сделать своей женой собственную дочь, но та не согласилась и вместе с любимой собакой бежала за море. Через некоторое время у нее там родились дети, от них и произошли айны. Предание это напоминает некоторые вариации мифов Юго-Восточной Азии.

Факт примечательный и служит еще одним свидетельством наличия южных элементов в культуре айнов. Но когда и какими путями проникли южные элементы в айнскую культуру?

С айнами принято связывать культуру дзёмон, которая, как уже говорилось выше, была широко распространена на Японских островах где-то 8—9 тысяч лет назад. Однако в разных районах Японии памятники культуры дзёмон существенно отличаются. Особенно разительное различие наблюдается между комплексами культуры дзёмон Северо-Восточного и Юго-Западного Хоккайдо. Керамика и каменный инвентарь дзёмона юго-западной части острова сходны с материалами поселений Хонсю и в целом составляют единую культуру. В то же время в комплексах культуры дзёмон Северо-Восточного Хоккайдо заметно ощущается влияние неолитических культур Приамурья, Приморья, Кореи. Причины такого различия в развитии культуры дзёмон японские исследователи объясняют географическими факторами. Такое объяснение подтверждается данными геологии, которые свидетельствуют о повышении уровня мирового океана около 6 тысяч лет назад на 5 или даже на 10 метров. Море наступало на Хоккайдо и с севера через залив Исикари, и с юга от Томакомаи, разрезав остров как бы на две части: северо-восточную и юго-западную. Территории эти длительное время были изолированными, а население каждой из них почти на протяжении тысячелетия развивалось самостоятельно.

Незадолго до этого события, оказавшегося роковым для культуры дзёмон Хоккайдо, на остров проникла так называемая культура пластинчатых наконечников. Масакадзү Ёсидзакэ считает, что произошло это около 7 тысяч лет назад. Судя по находкам, культура пластинчатых наконечников «прижилась» на территории Восточного и Центрального Хоккайдо. В более южных районах ее следов не обнаружено. Для этой культуры характерно наличие каменных наконечников стрел очень своеобразной формы. Делались они из тонких ножевидных пластин при помощи мелкой ретуши, покрывающей только длинные края изделий. Такие наконечники совершенно непохожи на обычные для культуры дзёмон двусторонние ретушированные острия, но хорошо известны под названием «наконечники даурского типа» в ранних неолитических культурах Амура, Забайкалья и Монголии. Очевидно, из этих областей материковой Азии и пришла культура пластинчатых наконечников на Хоккайдо, оказав заметное влияние на местную аборигенную культуру.

Так была заложена основа для развития на Восточном Хоккайдо в начале неолита новой культурной системы.

Вследствие географических и экологических факторов на эту глубинную основу накладывались новые черты, усиливавшие локализацию культур, способствовавшие развитию их особенностей. В экономике населения южной части Хоккайдо становится преобладающим собирательство растений, которое в конечном итоге приводит к возникновению земледелия, а на северо-востоке и в центральной части острова доминируют охота, рыболовство, промысел морских животных и сбор раковин моллюсков.

По мнению японских исследователей, носителями культуры Северо-Восточного Хоккайдо этого периода были протоайны. Подчеркивая различия двух культурных систем Хоккайдо, японские ученые даже вводят специальные термины для их обозначения: тип онкороманай для северо-востока и южнохоккайдский тип.

С появлением металла на юге Хоккайдо развивается так называемая культура эсан, в центре — культуры эбэtsу и кёхоку, а на северо-восточном побережье — охотская культура населения, пришедшего с Сахалина.

Население культур эсан, эбатсу, кохоку начинает заниматься земледелием, возделывать гречиху, горох. Развиваются его контакты и торговые связи с племенами провинций Тохоку и Аомори на Хонсю.

Однако в V—VII веках нашей эры сильное похолодание, охватившее всю северную часть Тихоокеанского бассейна, нанесло сильный удар по земледельческим культурам Хоккайдо и Северного Хонсю. Спасаясь от холода, люди перебирались в более южные районы, оставляя свои поля и налаженное хозяйство. Вследствие этого погибает культура эсан, а другие попадают под влияние культуры яёй Центральной Японии.

С начала VIII века нашей эры собственно японская культура, характеризующаяся керамикой хадзи, быстро продвигается на север Хонсю, а к концу века поселения этой культуры появляются в Тохоку и Аомори. Глиняные гладкостенные сосуды, сделанные на гончарном круге, типичные для керамики хадзи, встречаются и на Хоккайдо на окраине Хокадате. Влиянием культуры хадзи можно объяснить и появление квадратных в плане жилищ типа татэана с четырьмя опорными столбами и очагом камадо в одном из углов. Особенность такого жилища — подземный дымоход, отводящий дым от очага.

Японскими археологами высказана мысль о том, что население последзёмонской культуры Северного Хонсю и Юго-Западного Хоккайдо, подвергшись влиянию носителей культуры хадзи, создало основу для перехода к новой культуре сатсумон. В ряде мест в Тохоку, Аомори, на самом юге Хоккайдо появляются смешанные поселения этих культур. Население культуры сатсумон и было непосредственным предком айнов.

Так думает, например, профессор Харуо Ойи. Согласно его взглядам, сатсумонская культура сформировалась в юго-западной части Хоккайдо в результате взаимодействия культуры последзёмона и культуры с керамикой типа хадзи. В процессе продвижения сатсумонского населения на север Хоккайдо оно ассимилировало носителей охотской культуры восточной части острова. В XIV веке нашей эры японская культура с Хонсю вновь стала продвигаться на Хоккайдо. Под ее влиянием культура сатсумон постепенно

трансформировалась в культуру айнов — предков тех самых айнов, которых в конце XVII — начале XVIII века и увидели первые европейские путешественники.

Население культуры сатсумон, судя по остаткам их поселений, занимало центральную и юго-западную части острова Хоккайдо, северную часть провинции Тохоку, остров Хонсю, включая полуострова Цугару и Симокиита, а также северные районы провинции Аомори. Сатсумонская культурная область в целом совпадает с территорией обитания айнов.

Многие характерные элементы культуры сатсумонцев — ткачество, стиль одежды, типы ножей, конструкция полуземлянок, некоторые земледельческие орудия, применявшиеся при возделывании гречихи и проса, — аналогичны айнским. Все это позволяет япон-

ским исследователям говорить об этнической связи айнов с культурой сатсумон. Факты эти, как и сама гипотеза, интересны и заслуживают внимания. Однако нельзя забывать и о том, что между культурой сатсумон и айнской есть существенные отличия. У айнов, например, был хорошо развит морской промысел, тогда как сатсумонцы его не знали. Не существовало у сатсумонцев и культа медведя. Не найдены на их поселениях и яркие предметы искусства, богато орнаментированные изделия и украшения, столь характерные для культуры айнов. Отмечены также значительные



Рис. 48. Современная айнская женщина в национальной одежде.

различия в погребальных обрядах этих двух народов.

Так что предположения об этнической связи айнов с культурой сатсумон можно считать пока только гипотезой. Имеющихся на сегодняшний день фактов совершенно недостаточно для доказательного решения айнской проблемы. И айны по-прежнему остаются загадочным народом.

В настоящее время айнов осталось немного: по одним данным — 7 тысяч, по другим — около 10—12 тысяч человек (рис. 48). Живут они в основном на Хоккайдо в провинции Хидака. Наиболее крупное селение айнов — Нибутани в Хиратори-мати. В основном же поселки смешанные, японо-айнские — сямо. Старинные обычаи и традиции сохранились в памяти стариков, молодежь их не знает, как не знает и айнского языка.

Правительство Японии начиная с XIX века всячески пыталось приобщить айнов к японскому образу жизни. Мужчин заставляли стричь длинные волосы и брить бороды, а женщинам запрещали носить национальную одежду, расшитую красивыми узорами, делать татуировку. Строгие запреты уже в начале XIX столетия были введены на традиционные айнские ритуальные обряды, в том числе медвежий праздник. Делались попытки заставить айнов отказаться от традиционных хозяйственных занятий — охоты и рыболовства. С этой целью в конце XIX века даже была проведена специальная земельная реформа, согласно которой каждая айнская семья получала свой надел. Айнам давались японские фамилии и имена, детей заставляли учить японский язык, всячески поощрялся переход к японскому образу жизни. Все это, естественно, не могло не сказаться на жизненном укладе айнов.

В последние годы процесс японизации айнов, утраты ими национальной культуры и языка особенно усилился.

\*       \*  
\*

Наступил день отъезда. Я покидаю гостеприимный остров Хоккайдо. Вместе с японскими коллегами мне



посчастливилось совершить несколько маршрутов по следам древних культур Хоккайдо протяженностью около 3500 километров: по огромной дуге обогнуть северо-восточное побережье острова, а затем дважды пересечь его с запада на восток и с востока на запад. Еще ни одному зарубежному археологу не удавалось осуществить такую поездку. Сидя в самолете, уносящем меня на родину, снова и снова вспоминаю обсидиановые орудия Сиратаки — подлинные шедевры палеолитического производства, странные камни Нонакадо, сэкибо Касиваги, завораживающие догу, атрибуты таинственного медвежьего праздника, смелых зверобоев охотской культуры, загадочных айнов... Конечно, далеко не все археологические памятники, с которыми довелось познакомиться, нашли отражение в этой книге. Нет здесь рассказа о широких раскопках многослойного поселения Титосэ, об открытии новой докерамической стоянки Мотоёси около города Энгару, о работах японских ученых по трассологическому методу, разработанному С. А. Семеновым и др.

В моем путевом дневнике остается еще много нерешенных вопросов. Чтобы ответить на них, нужны дополнительные данные. По-прежнему нет полной ясности в вопросе о первоначальном заселении человеком Хоккайдо и эволюции его древнейших культур. Мы знаем только, что около 20 тысяч лет назад люди уже начали осваивать остров. В это время Хоккайдо естественными сухопутными мостами соединялся с материком. Японское море было внутренним озером. Около 16—18 тысяч лет назад образовались Корейский и Цугарский проливы. Хоккайдо стал окончательностью вытянутого на север полуострова, соединенного через Сахалин с Азиатским континентом. Проливы Лаперуза и Татарский еще не существовали, и люди вслед за животными могли свободно переходить по этому полуострову. Интересно, что именно в это время на Хоккайдо начинает развиваться культура сиратаки, имеющая ряд общих элементов с культурами Приморья, Забайкалья, Монголии.

Около 12—13 тысяч лет назад образуется пролив Лаперуза. Хоккайдо становится островом, и снова наблюдаются любопытные нюансы в развитии культур. Исчезает культура позднего периода сиратаки с ее

оригинальной техникой юбетсу, появляются стоянки типа Говарубетсу, каменные изделия которых и техника обработки напоминают орудия североазиатских стоянок (Санний Мыс в Забайкалье, Верхолёнская Гора и Усть-Белая в Прибайкалье). Что это — простое совпадение или подражание далеким образцам, вызванное влиянием культур Северной Азии?

Другая сложная проблема — появление на Хоккайдо в позднем дзёмоне курганных могильников и кольцевых каменных оград, которые выглядят очень похожими на курганные могильники Азии, особенно памятники афанасьевского и андроновского времени Сибири. Исследованный в 1977 году у города Энива такой могильник с земляными насыпями вновь задал массу загадок. Имеют ли эти курганные захоронения и каменные ограды местные корни или же появились под влиянием племен степных пространств Азиатского материка? Пока ответов на эти вопросы нет.

Не менее сложна проблема взаимоотношения культуры сатсумон с охотской и айнской культурами. Долгое время считалось, что носителями культуры сатсумон были охотники и рыболовы внутренних районов Хоккайдо. Однако в последнее время при раскопках сатсумонских памятников Касиваги недалеко от Титосэ, Тоётоми в префектуре Соя обнаружены жатвенные серпы, обугленные зерна гречихи, проса, бобовых. Эти открытия кардинальным образом меняют представления о культуре сатсумон и доказательно указывают на то, что сатсумонцы занимались земледелием.

По-прежнему волнующей остается айнская проблема, расшифровка идеологических представлений, глубинных традиций этого загадочного народа.

Говоря об идеологии айнов, многие исследователи пишут о культе змеи как основном сюжете айнской мифологии. При этом нередко истоки этих сюжетов ищут на юге, в малайско-полинезийской культурной области. Поиски таких южных этнических индикаторов айнов, бесспорно, интересны. Однако не следует забывать, что культ змеи имеет очень глубокие корни и широкое распространение. В мифологиях почти всех народов змея — символ изначальности. Это древнейший и загадочный феномен психологического бытия чело-

века. На Азиатском материке изображения змей известны еще с эпохи палеолита. Великолепные рисунки трех змей можно, например, видеть на бляшке из бивня мамонта, найденной на хорошо известной палеолитической стоянке Мальта на Ангаре.

Древнейшие аборигены Азии поклонялись змее как изначальному божеству. В эпосе монголов гигантский змей — один из соучастников сотворения мира. В ахеменидском Иране змея — древнейший символ женской души. В Финикии змеиный бог Эмшун — символ врачевания.

В наиболее чистом виде культ змея-прародителя встречается у индейцев Америки. Причем он переплетается здесь с другими древними культурными элементами: сооружение курганов, дуалистический взгляд на природу, религиозная трактовка стран света и т. д.

Все эти элементы были характерны для аборигенного населения Азии, а их находки у индейцев Америки — сохранение древнейших традиций азиатской прародины. Поэтому, когда идет речь об айнах, нельзя забывать, что культ змея-прародителя как прафеномен человеческой культуры имеет глубокие азиатские корни.

Даже на этих примерах хорошо видно, сколько нераскрытого или мало исследованного еще остается в археологии Хоккайдо. По мере накопления новых фактов и их осмысления к этому еще придется вернуться.

Я вспоминаю один из последних дней, проведенных в Историческом музее Хоккайдо города Саппоро. Послушать лекцию о древних культурах Сибири и Тихоокеанского бассейна пришли многие ученые Саппоро, и не только археологи и этнографы, но и геологи, палеонтологи, лингвисты. Интерес к советским людям в Японии велик.

Японская пресса и телевидение проявили большой интерес к нашей поездке. В газетах «Асахи», «Йомиури», «Майнити», «Хоккайдо Симбун» публиковались пространственные информации и статьи, посвященные, как писали газеты, «первым японо-советским археологическим исследованиям», подчеркивалась важность научных контактов между учеными наших стран.

Профессор Харуо Ойи в статье, подводящей итоги поездки, опубликованной на страницах газеты «Хок-

кайдо Симбун», писал: «Нынешние совместные японо-советские исследования, включая и симпозиум, являются отправным пунктом дальнейшего развития научных контактов, которые должны приобрести постоянную форму. Хотелось бы ожидать, что в результате дальнейшего более тесного сотрудничества в области научных исследований между Японией и Советским Союзом будут получены новые плодотворные результаты».

Мы также надеемся, что научное сотрудничество ученых Советского Союза и Японии будет расти, укрепляться и способствовать доброму делу.



<sup>1</sup> Стоянки позднеашельского, или мустьерского, времени — памятники переходного периода от нижнего к верхнему палеолиту, датируются в пределах 150—40 тысяч лет назад. Свое название получили по наиболее известным местонахождениям Сент-Ашель и Ла Мустье во Франции.

<sup>2</sup> Охотская культура — археологическая культура, распространенная с конца I тысячелетия до нашей эры до XVI века нашей эры на Сахалине, Северном Хоккайдо и Курильских островах. Характеризуется приморским типом хозяйства.

<sup>3</sup> *Воробьев М. В.* Древняя Япония. М., 1958. Материалы докерамического периода Японских островов обобщены также в сводках: *Окладников А. П., Горегляд В. Н.* Новые данные о древней культуре каменного века на севере Японии. — Сбв. археол., 1958, № 3; *Ларичев В. Е.* Палеолит и мезолит Японии. — В кн.: Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970, с. 66—108; *Деревянко А. П.* Палеолит Японии. — В кн.: Каменный век Северной, Восточной, Центральной Азии (курс лекций). Новосибирск, 1975, с. 8—116.

<sup>4</sup> См.: *Современная Япония*. М., 1968, с. 6.

<sup>5</sup> Курс японской иены: за 1 000 — 2,65 рубля.

<sup>6</sup> См.: *Сакураи Киёхико*. Айну-но Хися. Токио, 1967, с. 35—36 (на яп. яз.).

<sup>7</sup> Подробный критический разбор теорий об этнической истории населения Японии дан в работах известного советского антрополога М. Г. Левина (*Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока*. — Труды Ин-та этногр. АН СССР. Нов. сер., М., 1958, т. XXXVI; *Этническая антропология Японии*. М., 1971).

<sup>8</sup> Чоппер — галечное орудие с рабочим лезвием, затесанным с одной стороны; чоппинг — рубящее орудие, лезвие которого затесано с двух сторон.

<sup>9</sup> См.: *Serizawa Ch., Joshizaki M. The Palaeolithic of the Japanese archipelago. Nice, 1976.* (Отдельный оттиск), а также устное сообщение Тёсукэ Серидзава во время беседы в Сендае в 1977 году.

<sup>10</sup> Техника юбетсу — приемы расщепления камня с целью получения пластин правильной огранки. Своеобразие этой техники заключается в том, что сначала с помощью тщательной двусторонней обработки готовился массивный листовидный бифас. Затем с него сильными продольными ударами снималось несколько сколов. В результате получалась заготовка-нуклеус, имеющая в поперечном сечении клиновидную форму. С нее и снимались пластины. Впервые техника юбетсу была выделена японским археологом М. Ёсидзаки в результате анализа материалов стоянки Сиратаки-30. Такая техника обработки камня существовала на Хоккайдо 15—12 тысяч лет назад.

Резцы арайя — это инструменты, изготовленные из отщепов или пластин. Характеризуются тем, что оба края у них, как правило, обработаны мелкой ретушью, а с одного конца по диагонали снят резцовый скол. Название получили по находкам на стоянке Арайя, которая функционировала 13 тысяч лет назад на острове Хонсю.

<sup>11</sup> *Сугихара С.* Докерамический период Японии. Токио, 1974, с. 188 (на яп. яз.).

<sup>12</sup> В русском переводе краткое изложение японской мифологии дано в книге: *Богданович Т.* Очерки из прошлого и настоящего Японии. Спб., 1905, с. 59—71.

<sup>13</sup> Культура яёй развилась в эпоху металла (III век до нашей эры), сменила культуру дзёмон. Свое название получила по месту открытия — в Токио, в районе Бункё, на улице Хонго Яёй.

<sup>14</sup> *Воробьев М. В.* Древняя Япония. М., 1958, рис. XXIV.

<sup>15</sup> См.: *Позднеев Дм.* Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к матерiku Азии и России. Т. II, ч. I. Токио, 1909, с. 102—103.

<sup>16</sup> *Muroga N. Geographical exploration by the Japanese.— In.: The Pasific basin. N. J., 1967, p. 97.*

<sup>17</sup> Даймё — крупные японские феодалы.

<sup>18</sup> «По способу тэнкан» — этот способ оснащения стрел до сих пор не расшифрован. Что же касается ореха Фусу, то это ядовитое растение фуси, его ядом, как известно, айны пропитывали свои стрелы.

<sup>19</sup> Айнскому восстанию под предводительством Сагусяина посвящена специальная статья японского историка Анамото

Рюуносука. Перевод этой статьи полностью дан Д. Позднеевым. (См.: *Позднеев Дм.* Указ. соч., с. 94—102).

<sup>20</sup> Цитируется по: *Позднеев Дм* Указ. соч., с. 118, 133.

<sup>21</sup> Там же, с. 144—145.

<sup>22</sup> Там же, т. I, с. 290, 293.

<sup>23</sup> Там же, с. 291.

<sup>24</sup> *Окладников А. П.* Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока. М.—Л., 1963, с. 28—29, табл. 10, 1, 3, 4.

<sup>25</sup> Речь идет о монографии: *Васильевский Р. С., Голубев В. А.* Древние поселения на Сахалине. Новосибирск, 1976.

<sup>26</sup> См.: *Позднеев Дм.* Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материкам Азии и России. Т. I. Июкогама, 1909, с. 283.

<sup>27</sup> См.: *Описание* путешествия из Иркутска с возвращением спасенных при кораблекрушении (Журнал Адама Лаксмана).— В кн.: Головин В. М. Записки флота капитана Головина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах с приобщением замечаний его о Японском государстве и народе. Хабаровск, 1972, с. 456—457.

<sup>28</sup> Там же, с. 458—459.

<sup>29</sup> Там же, с. 512.

<sup>30</sup> *Ясуи Иноуэ.* Сны о России. М., 1977.

<sup>31</sup> *Погодин М. П.* Судьбы археологии в России.— В кн.: Труды I Археологического съезда. Т. I, Спб., 1871, с. 36.

<sup>32</sup> *Iochelson W.* The Koryan. N. J., 1908, p. 453—460.

<sup>33</sup> *Васильев В. А.* Медвежий праздник.— Сов. этногр., 1948, № 4, с. 94—104.

<sup>34</sup> См.: *Таксами Г. М.* Основные проблемы этнографии и истории нивхов. Л., 1975, с. 163—173.

<sup>35</sup> См.: *Иванов С. В.* Медведь в религиозном и декоративном искусстве народностей Амура.— В кн.: Памяти В. Г. Богораза. М.—Л., 1937, с. 1—24.

<sup>36</sup> См. подробнее: *Васильевский Р. С., Голубев В. А.* Древние поселения на Сахалине. Новосибирск, 1976.

<sup>37</sup> См.: *Кондоминас Ж.* Лес священного камня. М., 1968.

<sup>38</sup> См.: *Стингл М.* По незнакомой Микронезии. М., 1978, с. 132—138.

<sup>39</sup> См.: *Народы Юго-Восточной Азии.* М., 1965, с. 523.

<sup>40</sup> *Окладников А. П.* Петроглифы Нижнего Амура. Л., 1971, с. 122—123.

<sup>41</sup> *Богораз В. Г.* Основные типы фольклора Северной Евразии и Северной Америки.— Сов. фольклор, 1935, № 4, с. 50.

<sup>42</sup> Крейнович Е. А. Нивхгу. М., 1973, с. 233—235.

<sup>43</sup> Там же, с. 225—226.

<sup>44</sup> См.: Иэнага Сабуро. История японской культуры. М., 1972, с. 145—146.

<sup>45</sup> Цитируется по кн.: Богданович Т. Очерки из прошлого и настоящего Японии. Спб., 1905, с. 374—381.

<sup>46</sup> См.: Арутюнов С. А. Айны.— В кн.: Народы Восточной Азии. М., 1964.

<sup>47</sup> Джарыгасинова Р. Ш. Древние когурёсцы (к этнической истории Кореи). М., 1972, с. 97.

<sup>48</sup> Штернберг Л. Я. Гиляки, орочи, гольды, нигидальцы, айны. Хабаровск, 1933.



## СОДЕРЖАНИЕ

|                                                         |     |
|---------------------------------------------------------|-----|
| Вместо предисловия . . . . .                            | 3   |
| Контрасты Японии . . . . .                              | 7   |
| Первые впечатления . . . . .                            | —   |
| Тайна «раковинных куч» . . . . .                        | 13  |
| «Эдзо» — значит «дикий» . . . . .                       | 27  |
| От Куширо до Вакканая . . . . .                         | 37  |
| Куширо и Нэмуру . . . . .                               | —   |
| Раскопки в Тосампоро . . . . .                          | 59  |
| Понски истоков охотской культуры . . . . .              | 74  |
| Страшные кампи . . . . .                                | 96  |
| Сюрпризы острова Рэбун . . . . .                        | 113 |
| Фунадомари — Кабукай . . . . .                          | —   |
| Медведи и женщины . . . . .                             | 123 |
| Древнейшие из древних . . . . .                         | 145 |
| Сиратаки — палеолитическая «столица» Хоккайдо . . . . . | —   |
| Загадочные айны . . . . .                               | 154 |
| Примечания . . . . .                                    | 170 |

*Руслан Сергеевич Васильевский*

**ПО СЛЕДАМ  
ДРЕВНИХ КУЛЬТУР ХОККАЙДО**

Ответственный редактор  
*Алексей Павлович Окладников*

Утверждено к печати редколлегией  
серии научно-популярных изданий  
Сибирского отделения АН СССР

Редактор издательства *Д. Г. Харенко*  
Художник *С. М. Кудрявцев*  
Технический редактор *Г. Я. Герасимчук*  
Корректоры *Л. Л. Михайлова, Е. Н. Зимина*

---

ИБ № 10258

Сдано в набор 26.07.80. Подписано к печати 22.12.80. МН-05636. Формат 84×108<sup>1/32</sup>. Бумага типографская № 2. Обыкновенная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 9,2. Уч.-изд. л. 9,1. Тираж 67 000 экз. Заказ № 207. Цена 30 коп.

---

Издательство «Наука», Сибирское отделение. 630099, Новосибирск, 99, Советская, 18.  
4-я типография издательства «Наука», 630077, Новосибирск, 77, Станиславского, 25,



**ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»  
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ**  
ГОТОВИТ К ПЕЧАТИ КНИГУ

**Е. А. Окладникова. Птица-солнце [от Сакраменто до Лены]. 8 л.**

В книге впервые в советской этнографической литературе даются обзор американских источников по этнографии калифорнийцев и достаточно полная сводка древних мифов этого народа, перечень верований, в которых нельзя не заметить четких параллелей с аналогичным материалом палеоазиатских и сибирских племен. Собран и сведен воедино богатый фонд записей русских путешественников, мореплавателей, деятелей Российско-Американской компании, вписавших первые страницы истории калифорнийских племен.

Книга написана живым, образным языком, богато иллюстрирована, рассчитана на широкий круг читателей.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу: 117464, Москва, В-464, Мичурицкий проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197110, Ленинград, П-110, Петрозаводская ул. 7, магазин «Книга —

почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига».

**Адреса магазинов «Академкнига»:**

- 480391, Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97;  
370005, Баку, ул. Джапаридзе, 13;  
320005, Днепропетровск, проспект Гагарина, 24;  
734001, Душанбе, проспект Ленина, 95;  
375009, Ереван, ул. Туманяна, 31;  
664033, Иркутск, 33, ул. Лермонтова, 289;  
252030, Киев, ул. Ленина, 42;  
277001, Кишинев, ул. Пирогова, 28;  
343900, Краматорск, ул. Марата, 1;  
660049, Красноярск, 49, проспект Мира, 84;  
443002, Куйбышев, проспект Ленина, 2;  
192104, Ленинград, Д-120, Литейный проспект, 57;  
199164, Ленинград, Менделеевская линия;  
199004, Ленинград, 9-я линия, 16;  
220072, Минск, Ленинский проспект, 72;  
103009, Москва, ул. Горького, 8;  
117312, Москва, ул. Вавилова, 55/7;  
630076, Новосибирск, Красный проспект, 51;  
630090, Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22;  
620151, Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137;  
700029, Ташкент, Л-29, ул. Ленина, 73;  
700100, Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;  
634050, Томск, Набережная реки Ушайки, 18;  
450075, Уфа, ул. Коммунистическая, 49;  
450059, Уфа, ул. Р. Зорге, 10;  
720001, Фрунзе, Бульвар Дзержинского, 42;  
310003, Харьков, Уфимский пер., 4/6.